

Владимир Агабабев

**ОТ КРАСНОЙ СЛОБОДЫ
ДО СТЭМФОРДА**

Книга «От Красной Слободы до Стэмфорда», охраняется законом об авторском праве. Воспроизведение любой части книги и фото сопровождать ссылкой на автора.

Корректоры: Фрида Юсуфова, Соломон Бен-Эмануэль.

Художественное оформление и редакция Ф.Юсуфовой,
Соломон Бен-Эмануэль

© copyright 2014.

Комп. набор: Соломон Бен-Эмануэль, Анна Копаев
Компьютерная графика, верстка, дизайн: Фрида Юсуфова.

Использованные фотоматериалы из архива Ф.Юсуфовой
и семейного альбома Владимира, Ихиила и Соломона
Агабабаевых.

ИЗРАИЛЬ 2014

Владимир Агабабаев

**ЧТО ПОСЕЕШЬ – ТО
И ПОЖНЕШЬ**

**О ГОРСКИХ ЕВРЕЯХ
КАВКАЗА**

**АГАБАБАЕВЫ – ПРЕДКИ
И ПОТОМКИ**

*Дорогому читателю от автора книги -
«От Красной Слободы до Стэмфорда».
С уважением и добрыми пожеланиями.
Владимир Агабабев - Член Союза
Писателей Израиля.
Америка - Коннектикут, 2014 год.*

Владимир Агабабев

**ЧТО ПОСЕЕШЬ –
ТО И ПОЖНЕШЬ**

*Шестикупольная синагога – нимаз Шешгомборзи. Красная
(Еврейская, Подгорная – до революции) Слобода.*

*Красная Слобода, откуда вышли многие замечательные
горские евреи.*

Предисловие

Проживая в бывшем советском Союзе, автор многократно задавался вопросом: кто мы – горские евреи? Откуда мы пришли? Но вопрос повисал в воздухе, ведь не только не было материалов для изучения, а если и были, то только за семью замками, но не было и условий, так как интерес к этим материалам мог вызвать подозрение у властей: а что это он начал изучать евреев? Не сионист ли он? А это уже считалось криминалом.

Будучи горским евреем, обитая в гуще своего народа и общаясь с ними, удалось собрать определенный материал об этой общине. Но, увы, в 1991 году на постсоветской таможне увидев на бумаге шестиконечную звезду Давида, сразу решили, что эта литература сионистская, а, следовательно, нельзя выпускать.

Глубоко засевавшая мысль не давала покоя. Он сравнивал горских евреев и еврейский народ с шахматными фигурами. На шахматной доске много фигур разной величины. Наряду с могущественной королевской семьей, есть и маленькие пешки. Но попробуй ими пренебрегать, игру можно выиграть только всеобщими усилиями. Подобное характерно и для еврейского народа. Есть евреи, проживающие на Родине, и есть евреи диаспоры. Но это один народ и подразделять их по местам проживания можно только условно. В истории горских евреев так же, как в истории любого другого народа, имеется много неясностей, неизученного. Многие ученые и неученые мужи предлагают свои версии, теории и объяснения, связанные с появлением евреев на Кавказе. Вступать в спор неблагодарная задача. Поэтому автор, являясь единомышленником многих горских евреев своей общины, предлагает свое изложение вопроса и будет благодарен всем критическим замечаниям,

добавлениям к предлагаемым изменениям. Нельзя жить настоящим и стремиться в будущее, не осмыслив прошлого. Именно это и предлагал видный еврейский историк в конце XIX века Семен Дубнов, призывая идти и работать в направлении изучения и осмысления прошлого.

В настоящее время горские евреи уже не живут компактно на Кавказе, как это было десятки лет назад. Они проживают не только в пределах одного государства, они раскиданы по многим странам мира – Израиль (страна мечтаний всех евреев), Соединенные Штаты Америки, Германия, Англия и даже Австралия. Фотографии деда автора, также как фото предков многих других горских евреев имеются у их родственников в самых разных городах и селениях различных стран и континентов. Но могила деда осталась в поселке Красная (до 30-х годов Еврейская) Слобода, бывшего Кубинского уезда (ныне одноименного района) Азербайджана. Там родились наши предки во многих поколениях, родились мы сами и наши дети. А сейчас эти дети разбросаны по всему миру и душа болит: *"Как там, в Израиле (в США, в Канаде, и т.д.) мой сын, дочь и родственники!?"*

Большие расстояния между нами. Тяжело обо всем этом думать. Но генетическая память подсказывает – так было со многими поколениями еврейского народа и в конечном итоге наступит День воссоединения всего народа, это предсказывали наши предки – пророки. Выражая свои чаяния, из поколения в поколение евреи повторяют заклинание – *"Имисал э инджо, салигэ э Йоршолеим!"* (В этом году здесь, в следующем году в Иерусалиме!). Пророки предсказывали восстановление Израиля и дальнейшую судьбу еврейского народа. Их устами было сказано: *«Будем, как другие народы, служить дереву и камню»* – *«Жив я, – говорит Г-сподь, – рукою твердой, и*

десницей простертой, и яростью изливающейся воцарюсь над вами. И выведу вас из народов, и соберу вас из стран, в которых рассеяны вы...». (Иехезкель, 20:32-33)

Количественно кавказских евреев мало, в масштабах населения они составляют малую часть одного процента, но они являются евреями, которые жили на Кавказе, т.е. частью всего еврейского народа, древнего и внесшего серьезный вклад в мировую культуру и цивилизацию.

Автор приносит особую благодарность: Фриде Юсуфовой – члену Союза Писателей, художников, журналистов, за ценные фотографии и материалы. И главное, Фрида является просветителем и пропагандистом, многогранного своими талантами народа – горских евреев. Вклад Фриды Борисовны переоценить невозможно. Особая благодарность Соломону Агабабаеву – моему младшему брату, каждый приезд, к нам в Америку – для нас большой праздник. Соломон, член Союза писателей, автор многих рассказов и коротких повестей, его литературный псевдоним Бен-Эмануэль. Спасибо горским евреям выходцам из Красной (Еврейской) Слободы, Кубинского района Азербайджана Якову Абрамову и Шумту-Александру Рахамимову, которые, будучи уже в Бруклине (США), внесли ценный вклад в сбор материалов.

Автор благодарен служителям и прихожанам синагоги горских евреев Бруклина за ценные критические замечания и советы. При сборе материалов автор убедился в том, что в деле сплочения горских евреев в диаспоре (в Нью-Йорке, а ранее в Израиле) положительную роль сыграл ныне покойный Шэлму Бенъяминов – лидер общины евреев в США, отдавший свои силы и материальные возможности в деле просветительства жизни горских евреев.

Рыбалка в океане

Первый мой рассказ о рыбалке в открытом океане - мою первую пробу в литературе, я посвящаю тебе дорогой и любимый мой дед Владимир Агабабаев! Будь здоров и счастлив – твой Уильям!

Мы все потомки Огоббо. И если я правнук нашего знаменитого предка, то мой внук Вовочка (Уильям) прапраправнук Огоббо. Однажды Вовочка приятно меня удивил, написав рассказ о замечательной рыбалке. А мы с сыном Эриком перевели рассказ с английского языка, на русский. - Владимир Эмануилович Агабабаев.

Никогда не забуду тот прекрасный для меня день, когда папа взял меня на рыбалку. Вы не поверите, мы будем рыбачить не где-нибудь в пруду, а прямо в открытом океане.

Утро. Сплю. Вдруг слышу, прямо над ухом: Биип! Биип! Биип! Я даже и не сразу понял, что это мой будильник на iPad. Я проснулся, но всё равно хотелось спать. На часах было пять утра. Так рано мне ещё не приходилось вставать. Мне же всего одиннадцать лет. Делать нечего, иду в ванную умываться. Я знаю, сейчас папа спросит, готов ли я идти с ним. Конечно, готов! Ведь мы собирались в Норволк порыбачить с самим капитаном Джимом. Ещё папа сказал, что мне надо поторопиться, а то капитан Джим выйдет в море без нас. Мы так торопились, что даже завтракать не стали, а просто папа завернул сэндвичи в фольгу и сказал, что поедем по дороге. По дороге, папа купил себе кофе и три бутылки воды. Вот, наконец, мы в Норволке. Здесь нас ожидал капитан Джим. Он, протянул мне руку и спросил, как меня зовут. Я застеснялся, потом папа сказал "давай, скажи ему свое имя! «Уильям» – тихо, сказал я. «Вот и хорошо» – сказал капитан и повёл нас к шлюпке. Она была

полностью оборудована для рыбалки, но сильно пахло рыбой. Мы медленно двинулись и также медленно прошли под мостом, затем капитан Джим увеличил скорость.

Скоро она была выше крейсерской скорости. Прохладный воздух, пропитанный запахом рыбы, ворошил мои волосы, словно фен. Наша шлюпка обогнула несколько малюсеньких островов. Они были настолько маленькими, что наш путь составил всего несколько минут. Под водой виднелись рифы разных размеров. Скоро мы остановились. Капитан Джим дал мне искусственную приманку и обучил некоторым приёмам далёкой заброски удочки. Рыба должна была клонуть на нашу приманку, но в первый раз нам не повезло. Никого, не спрашивая, я взял настоящую приманку, нацепил на крючок и забросил удочку за борт шлюпки, слегка подёргал леску, а через считанные секунды почувствовал подёргивание удочки.

Дёрнуло раз, два, три. «Папа – закричал я, – клюёт!!!», «Тяни вверх – крикнул мне Джим, – резко вверх». Я тянул, а леска превратилась в букву U. Папа и капитан Джим бросились мне помогать, но я крикнул: «Не помогайте мне, я должен сделать это сам». Они видели, что стараюсь из всех сил. Тогда они стали скандировать: «Мо-ло-дец! Ты можешь, ты вытянешь сам! Мо-ло-дец! Мо-ло-дец!» Это очень мне помогло. Я резко дёрнул удочку вверх, и рыба оказалась за моей спиной. Поскольку это была первая рыба, которую я поймал, капитан Джим сказал: «Молодец Уильям – это хорошая работа». Я сказал ему, что в прошлый раз я поймал 13 рыб, и тогда он сказал: «Так давай побей свой рекорд». К концу ловли я поймал 21 рыбу. В шлюпке был маленький бассейн, где рыба сохраняется живой и свежей до конца поездки. В первой половине дня океан был немного неспокоен, но весь обратный путь океан был тихим. Мы попрощались с капитаном Джимом, сели в машину и поехали домой с хорошим уловом.

Мне казалось, что ничего особенного не произошло, и что я только что проснулся. Эту фантастическую рыбалку в океане и в такой глубокой воде, я запомнил навсегда.

Моему старшему брату Володе

Помню, ещё как в детстве, собирались мы мальчишки - дошкольники на улице и хвастались друг перед другом. Один кричал, что его папа самый сильный на свете, а мы-то видели его и знали, что, такой как его папа, никак не может быть самым сильным на свете. Другой говорил, что его папа или брат самый высокий, и все болтали, примерно в таком же духе. Стоило мне только

Братя – Владимир и Соломончик заговорить о своём брате, как все замолкали и слушали. Кто с интересом и восхищением, а кто, не скрывая своей зависти. А как же? Ведь мой брат был военным, и не просто военным, а пограничником. Он охранял нашу страну от врага, а ещё ловил шпионов.

Я придумывал массу историй. Зачастую самые фантастические, на какие только был способен мой мозг дошкольника. Я и сам в них верил или очень хотел, чтобы это было правдой. Ребята восторгаясь, предлагали сыграть в игру похожую на одну из моих историй. Мы, войдя в роль, некоторое время пребывали в ней. Я был в центре внимания друзей, благодаря своему старшему брату.

Мне не было и пяти лет, как Вова уехал учиться. Дома всегда говорили о нём, и я с удовольствием слушал разговоры старших. Когда он приезжал на каникулы, а позже в отпуск, то дома был праздник. Я старался хорошо вести себя, крутился возле брата. Приставал с вопросами о шпионах, Володя рассказывал разные истории, уносившие меня в другой мир, мир полный приключений и опасностей. Вова, привозил нам всем подарки, ни о ком не забывая. Мне не всегда удавалось надолго сохранить ту или иную игрушку, которую привозимую им, но я не жалел, зная, что скоро получу что-то новое.

Взрослея, я всё больше понимал, что Вова мне не просто брат, но и главный, друг и советчик. Жизнь всегда показывала мне, что любой его совет – самый правильный.

Проходя, свою нелёгкую судьбу военного человека, Вова не менялся, характер оставался ровным, спокойным и доброжелательным. И сейчас, мой любимый брат такой же, гостеприимный, радушный и приветливый.

Дорогой мой брат Вова! Желаю тебе, не нарушая завета нашего Б-га, прожить до ста двадцати лет! Жить здоровой, полной радости жизнью!

Мы, тебя любящие люди, никогда тебя не огорчим.

Семья Соломона Агабабаева

*Даруемое или сердечное тепло,
Да растворится в душах, или любимых...*

Я часто задаю себе вопрос, что такое история. «История – это наука, которая изучает процессы развития природы и общества, происходившие в прошлом. Передо мной книга горско-еврейского писателя-публициста Владимира Агабабаева, в неё вошли три произведения – «Что посеешь – то и пожнешь», «О горских евреях Кавказа», «Агабабаевы – предки-потомки» - книга еще теплая не остывшая от работы. Она основана на реальном историческом материале о горских евреях.

Именно Владимиру, как человеку, родившемуся на Кавказе в Азербайджане в Красной Слободе города Кубы, именуемой «Маленький Ерушалаим», знакомы места и многие события там происходившие – описываемые им в своей книге. Автор прослеживает исторический путь горских евреев. Его внимание концентрируется на жизни своего народа, на исторической родине и далеко от нее – в диаспоре. Живое описание кавказских традиций, обрядов и обычаев, праздников, нравов своих земляков – придаёт произведению неповторимый колорит и оттенок этнической самобытности и своеобразия. Его стиль отличают броская афористичность, ораторские интонации, экспрессия. Книга возникает из жизненного опыта, общения с соплеменниками. Раскрывая исторические факты и события, характерные черты своего народа и их отличие от других, сосредоточив главный интерес на этнический

характер и социум: перипетий, судебных и жизненных ситуаций. Его волнуют актуальные вопросы современности – проблемы войны и мира. Книга В. Агабабаева «О ГОРСКИХ ЕВРЕЯХ КАВКАЗА» – чуткая мудрость ума, доходящая до глубочайшего прозрения. Его творчество и есть акт осознания себя в потоке истории и исторических явлений и вторжение в социальный смысл событий. Репатриация выходцев с Кавказа в другие страны и в Израиль, окруженный враждебными ему силами, длящийся десятилетиями кровавый палестинский террор и война агрессивного крыла ислама против демократии, обострили мироощущение писателя. Более того, автор, художественно анализируя обстановку в мире, приходит к мысли, что основной конфликт эпохи – противостояние исламского террора остальному миру, перерастающее в эпохальный конфликт Запада и Востока. Стремясь отразить прошлое своего народа, лик сегодняшнего мира и остроту конфликта, писатель создаёт одновременно и летопись, и исповедь (летописные рассказы как описания событий, с конкретными деталями, диалогами, с сюжетной занимательностью, подчиняя всё это определённой исторической концепции, летописания прошедших веков).

И тут мы сталкиваемся с возвышающимся над текстом и мозаичной картиной мира авторским тоном. Как мастер тонов и оттенков автор блестящ и изящен. Начало у него сдержанное, но богатое мыслями. Автор национален, когда смотрит на мир его глазами. И хочется сказать словами Вольтера: «Вот как пишется история»! Я думаю, что произведение В.Э.Агабабаева – «От Красной Слободы до Стэмфорда» – окажет заметное влияние на читателя. Уважаемый Владимир Эммануилович! Желаю Вам удачи, вдохновения в творчестве, успехов!

Фрида ЮСУФОВА – Зам. председателя союза писателей Израиля

Пусть Ваша жизнь будет весёлой и интересной!

Меня зовут Ирина Нисимова! Я родилась и выросла в той самой «Пре-Красной Слободе», которую так тепло, так любовно, так узнаваемо описал автор этой книги – Владимир Агабабаев. Я хочу в нескольких словах описать мои впечатления об этом добром, мудром и интеллигентном человеке.

Мы познакомились три года назад, но мне кажется, что дружим всю жизнь и – эта дружба – большой подарок судьбы. Я благодарна моей дорогой подруге Фриде Юсуфовой, которая поручила мне переслать книгу моего отца Рафоиль-Севи Нисимова Владимиру Агабабаеву в штат Коннектикут. Владимир Эмануилович довольно скоро прочёл эту книгу и позвонил мне. Я услышала взволнованный голос... Я услышала речь очень доброго, равнодушного человека, хорошо знающего, что такое жизнь. Умеющего глубоко сострадать человеку в печали и радоваться чужим радостям. Мы теперь часто и подолгу говорим по телефону. Дважды мы с мужем посетили их дом. Невозможно описать радушие и гостеприимство семьи Агабабаевых. Удовольствие от встречи с Владимиром и Раей Агабабаевыми и их милым семейством. Скоро будет издана его книга. Я прочитала её в компьютерном варианте и хочу сказать, что я думаю о ней.

Что я могу прибавить к тому, что уже сказали уважаемый Соломон Эмануилович и моя подруга Фрида, кроме своих эмоций?

Я ведь не была на родине двадцать лет и знаю, что внешне наш посёлок очень изменился. Его трудно узнать. Но автор донёс до меня этот неизменный «воздух»,

постоянный шум реки, дух нашей родной слободы. Люди в его рассказах очень понятные и узнаваемые. Эти рассказы не могут оставить равнодушными нас, тех, которые родились и выросли в атмосфере наших традиций, языка, окружения. Я нахожусь под большим впечатлением от прочитанного и прочувствованного. Эта книга в будущем будет очень востребована и полезна нашим потомкам.

И пусть всё будет – как будет!

Вам Владимир Эмануилович большое спасибо!

Пусть Ваша жизнь будет весёлой и интересной!

Здоровья Вам и Благополучия!

***Ирина Нисимова-Шамаилова –
19-ое января 2014 года***

К читателю!

Дорогой, всезнающий читатель!

Яблоко от яблони недалеко падает.

Сид эз дор сиди э дур нэс офторэ.

Рассказчик повествует в соответствии с тем, кто его слушает. Как горскому еврею (знающему свою родословную до прапрадедушек-бабушек включительно), проживающему в своей родной среде, исходя из увиденного, услышанного и прочитанного составлены предлагаемые рассказы. Хотя некоторые сходства с реальными прототипами могут быть, но они случайны. Эти рассказы продолжают, но теперь в форме художественной литературы, тему, раскрытую в книге "О горских евреях Кавказа" (Израиль, 2011 г.).

История горских евреев - джууройму уходит в глубокое, давно ушедшее время. В еврейских писаниях представлены притчи царя Соломона. Первые восемь стихов посвящены времени и названы "Всею свое время". Один из них гласит: "Время рождаться и время умирать, время насаждать и время вырывать насаженное" и т.д.

Действительно человек проходит все жизненные периоды от рождения до смерти, оставляя после себя потомство, а затем все начинается и продолжается в последующих поколениях. Наши далекие предки жили на своей Родине, затем испытывали различные невзгоды (пленения, разрушения Храмов и т.д.), но их потомкам, названным горскими евреями, пришлось испытать, кроме всего, гнет царской Российской империи, гонения советской власти, жизнь в мусульманском окружении.

В нашей современной эпохе мы, джууро, как и все евреи, оказались разбросаны по разным странам. Как? Почему? Вопрос сложный, у каждого имеется на него свой ответ.

Приобретая новое пристанище, мы теряем свой язык, наши дети стали хорошо говорить по-немецки, по-английски, по-французски и на других языках, а зуун джуури (язык горских евреев) стал исчезать. Слава Б-гу, где бы ни были наши общины, они верны своим традициям и обычаям, везде имеются достойные лидеры. В информации о горских евреях сообщается, что нас около 200 тысяч, тем не менее, горские евреи широко разбросаны по всему миру. Они проживают на Кавказе, в России, в Израиле, в США и в Канаде (в основном в г. Торонто), в Германии. В меньших количествах они проживают и в других странах. Как видно, нас мало, но "мал золотник, да дорог".

В каждой стране, где проживают горские евреи, узнают о их существовании (в Советском Союзе о них не знали во многих союзных республиках). Они представлены в Кнессете и в мэриях разных городов Израиля, в США, в Канаде. Какова ячейка (семья в государстве) таков и весь народ. Мудрость джууро гласит: "Эн кини тум, эн уни тухум гумолет", то, есть "Каково семя, таково и племя". Хотя семена горского еврея Давида, волею судьбы оказались разбросаны в разных странах, они дали всходы, достойные своего славного предка. В своем единстве, обычаях и традициях жители нашей Красной Слободы, прозванной "Маленьким Иерусалимом" монолитны.

В силу сказанного ее название следует произносить с приставкой "пре" – Прекрасная Слобода. Перед Вами, читатель, жизнь нескольких поколений одной семьи. Каждый может убедиться, насколько судьбы горских евреев (в том числе и их родственников) сходны с историей всего древнего еврейского народа.

Содержание

Двоеженец.

Из хорошей семьи.

За длинным рублем.

Репатриация в Израиль.

Урил открыл для себя Америку.

*Рамбл: "Мне не надо было ехать в
Германию".*

В Канаде можно устроиться.

Натан остался на географической

Родине.

Лиза выполнила первую заповедь.

Двоеженец

Ты - еврей, я - еврей, и срамить ты нас не смей.

Ты джуури, мэ джуур, мэсох илмурэ бийбуур.

Тот, кто родом из незабвенной Еврейской Слободы, с 1930-х годов – Красная Слобода, никогда не забудет: аромат кубинских садов, чистый воздух, прохладный ветерок со стороны горы Шагдаг, тихий голосок Гудиял-чая, а главное, своих соплеменников – добродушных, гостеприимных, порой очень даже, острых на язык (вспомните прозвища, которые они давали друг другу – кечи, дэвэ, асб, кутахашовол, доги и т.д.).

Каждая семья была по-своему уникальной, обладала своеобразными особенностями, а в целом, у них было много общего. Они придерживались традиций и обычаев своих предков. Население Слободы насчитывало примерно 5 тысяч человек, по статистике имевшегося в советское время поселкового совета. Семьи хорошо знали друг друга, особых тайн было мало. Поэтому хорошо вспоминается жизнь каждой семьи в разных поколениях.

Летом тысяча девятьсот энного года дедушка (кэлэбэбэ) Давид и его молодое поколение сидели на скамеечке возле своего дома, в тени большого дерева с огромными яркими желтоватыми цветами.

Дом был одноэтажным с несколькими комнатами, большой кухней. Туалет был азиатский в небольшой будке и находился в углу двора. Восторга, особенно у детворы, он не вызывал. Воду носили из речки в медных кувшинах, что было тяжело, но интересно, так как "водоносы" – женщины (девушки) встречаясь у речки, могли вдоволь наговориться и передать друг другу новости. Знойный день подходил к концу. Подул долгожданный прохладный ветерок, листья

зашелестели, и нижние ветки ласково касались волос сидящих под ними. Чтобы понять, какая истома охватила дедушку и ребят, как они расслабились, чтобы прочувствовать это, надо хотя бы, на несколько дней в летнее время прибыть на отдых в эту прекрасную Красную Слободу. Что касается Давида, то его дом каждое лето наполнялся голосами гостей. Его друзья, товарищи и родственники из Баку, Дербента, Махачкалы, Буйнакса (до 1921 года Темир-хан Шура) и других городов и населенных пунктов. Такое гостеприимство было характерным для местного населения джууро.

В своей полудреме старик погрузился в пучину воспоминаний, которые прерывались вопросами любопытных внуков. Вопросы были разные, порой непоследовательные, не связанные между собой. Старик давал на них ответы, но затем, мысли уводили его далеко. Жизнь вспоминалась то яркими, то туманными картинками. Они напоминали о его давно ушедшей молодости, о тех дорогих и близких людях, которых уже нет в земной жизни.

Сегодня, внезапно лицо доброй заботливой жены Мэмэй. Не даром за красоту ее называли "гёйчек Мэмэй" (красивая Мэмэй). Как и все горско-еврейские женщины, она приносила свет и благословение, была хранительницей семейного очага.

Согласно еврейским обычаям, она имела привилегию зажигать субботние свечи. Каждую пятницу вечером, за 18 минут до захода солнца, она зажигала две свечи и произносила: "Барухой шэгэм шоботи" (благословение на зажигание субботних свечей). Затем опускала руки, всматривалась в пламя свечи и читала молитву "Тфило шэамо дэгэсундэ багда" (молитва после зажигания субботних свечей). После этого семья садилась за накрытый субботний стол. Часто присутствовали и гости. Давид, стоя с бокалом вина в правой руке, читал Кидуш (посвящение)

субботы на джуури "Гудуш шэв шоботи". В нужных местах присутствующие произносили "Оминь".

Затем, произносились благословения на хлеб (разделяли ломтики-миси), мясо, фрукты и т.д. Субботний вечер завершался "Борухой Авдала". Вся церемония очень благотворно действовала на присутствующих. Они ощущали свою общность, причастность к семье. Дети росли в уважении к родителям и старшим, в послушании.

Мэмэй была приветливой и гостеприимной. Так, например, когда из Дагестана приехал товарищ Давида со своей семьей, им был оказан такой теплый прием, что гости продлили свое пребывание еще на одну неделю.

Семейная жизнь Давида и Мэмэй проходила размеренно, без особых потрясений. У них было трое детей: сыновья Ильяху и Зарахийо и дочь Зулпо. Родители хорошо ладили с детьми. Дети отвечали им взаимностью.

Во время одной из бесед с детьми Давид спросил:

– Кто знает нашу фамилию?

– Талхумов, – прозвучал ответ.

– А почему, откуда эта фамилия?

Дети ответ не знали. Тогда Давид сказал:

– Хорошо, я расскажу вам. Садитесь поудобнее, разговор будет долгим. Но все по порядку. Должен сказать, что раньше у ваших дедушек и бабушек не было фамилии.

Впрочем, не только у них, вообще у всех евреев. Всех называли по имени и по имени отца. Все знают меня, как сына Талхума. Но в нашей Слободе живет немало людей, которых тоже зовут Давид. Поэтому могла возникнуть путаница. Лет 100 или 150 тому назад, точно не знаю, русский царь приказал, чтобы все евреи имели свои фамилии. Государству было все равно, какую именно, лишь бы была фамилия. Происходило так. Полицейский, выдававший паспорта, вызывал отца семейства и спрашивал его имя. Если приходил Абрам, то он получал фамилию

Абрамов. Но иногда, по прихоти этого полицейского, человеку могли дать фамилию по его профессии. Например, портной получал фамилию Дерзиев. Были случаи, когда люди получали фамилии по прозвищу. Нашего дедушку звали Талхум, поэтому мы и стали Талхумовы. Детям этот рассказ был очень интересен. Они запрыгали от радости. В последующих беседах Давид подробно рассказывал о своих предках:

– Дети, вы должны знать, что горские евреи при знакомстве друг с другом обязательно спрашивают: "Эз кийойи ту? (Кто твои предки?)". Мы обязаны знать своих предков, мы гордимся ими. Они не оставили нам богатства, но мы получили в наследство их достойное имя и уважение земляков, которое переходит из поколения в поколение. Да будет благословенна память дедов и отцов.

В давние времена все евреи жили на священной земле (Э хорий бэбэһо) Израиля. Были войны, было много погибших или попавших в плен, но они храбро сражались. Было время, когда пленных уводили в Вавилон, эту страну наших врагов победила Персия, а евреи попали к новым врагам. И сейчас в Иране живут потомки тех евреев. Там, в одной еврейской семье родился мальчик, который, как и положено, по еврейским традициям, на восьмой день после рождения, прошел обряд мило (обрезание) и было названо его имя – Талхум, что на святом языке означает "утешение". Действительно, мальчик стал утешением для своих близких.

Обряд проходил в синагоге, операция была проведена весьма искусно. Раздался крик малыша, и раввин, обмакнув кусочек ткани в вино, провел им по губам ребенка. Когда младенец почувствовал вкус вина, он неожиданно зачмокал, лицо расплылось в улыбке, и он... заснул. Все присутствующие захохотали. Раздались крики: "Шори овордэ, шори берошит" (пожелания радости, торжества).

После исполнения обряда, гости сели за накрытый стол и отметили это событие.

В денежных расходах, по мере своих возможностей, участвовали все гости. Без этой помощи родителям пришлось бы туго, семья была бедной, жили случайными заработками.

Мальчик рос послушным. Как и все дети играл во дворе, в школу он не ходил. Иногда раввин занимался с ним и с другими ребятами прямо в синагоге. Когда мальчику исполнилось 13 лет, скромно отметили его "Бар-мицву".

Заранее выбрали день, когда в синагоге читали Тору, собрался миньян. Талхума вызвали к алие (возвышение в синагоге), он повторил вслед за раввином слова молитвы.

После легкого угощения все разошлись. Для Талхума это был очень важный момент в жизни. Он уже считал себя взрослым и обязанным оказывать посильную помощь родителям. Он стал помогать матери по хозяйству, пытался

найти работу вне дома. Но работы не было не только для такого подростка, но и для взрослых людей. Да и какая могла быть работа в небольшом городке, где не было никаких предприятий. Талхум мучился от своего бессилия. Каждый день стал он с отцом ходить в синагогу. В период с 13-ти до 18-ти лет он несколько раз находил временную работу, нес на своих хрупких плечах трудности семейного положения. Сначала он смог устроиться помощником пастуха у местного богача хана. Будучи подпаском, Талхум часто проводил много времени вместе с пастухами, ночуя у костра. Ночи были прохладные, тихие и располагали к раздумьям. Все его мысли сводились к одному и тому же, он думал о работе, о такой работе, которая могла бы существенно помочь его семье. Отец всегда внушал ему еврейскую мудрость: "Ничто не может устоять на пути твердого желания. В какой бы тяжелой ситуации не оказался человек, он может достичь своей цели". Талхум верил своему отцу и поверил в себя. Эта вера помогала ему при потере одной работы (подпасок стал не нужен) упорно искать другую. И он нашел нелегкую работу землекопа. Жизнь не спрашивала человека: "Тебе трудно или нет?" Годы человеческой жизни проходят один за другим, все это время человек должен сам решать свои проблемы.

Когда Талхум достиг своего совершеннолетия, отец сказал ему:

– Сын мой, все, что я сейчас скажу, выслушай и выполни, не бойся, хотя я тоже в страхе. Мы живем бедно, школу ты не закончил, но твоей вины в этом нет. Работы здесь нет, и не предвидится. Надо что-то делать, искать выход из этого положения. Группа наших евреев-односельчан хотят ехать на заработки в соседний Азербайджан. Там есть город Баку, где, наверное, живут евреи и другие народы. Вокруг города есть много нефтяных промыслов, там добывают нефть. Много нефти, очень много. Им нужны специалисты, ты не

специалист. Но там требуются не только специалисты, но и чернорабочие, то есть такие как ты. Значит, ты сможешь найти работу. Если работа будет тяжелой, или даже очень тяжелой, зато ты не будешь голодать. Худо һишткэ (С Б-жей помощью!) заработаешь деньги, и мы еще встретимся... Худо кэлэйи! (Б-г велик!).

Отец продолжил сквозь слезы:

– Мой тебе совет, где бы ты ни был, внешне води себя так, как местные жители – в Баку, как бакинцы. Людей не надо привлекать своей внешностью.

– Отец, а если кто-то сделает мне что-то плохое?

– Не отвечай ему плохим.

– А если он и второй раз сделает что-то плохое?

– Тогда, ты просто не общайся с ним, не имей никаких дел.

Не подражай плохим людям, не воспринимай их привычки. Также я строго запрещаю тебе курить!

Таким образом, со слезами на глазах и добрыми напутствиями семья отправила Талхума в неизвестное будущее. Никто не знал, встретятся ли они когда-нибудь.

Тяжелым был путь евреев из Ирана в Азербайджан. Часть пути проходила пешком, часть на попутных повозках, иногда арендовали ослов. Попадали под дождь и горячее солнце, не досыта ели. Невозможно даже представить, каким тяжелым был путь, как им было трудно, что только они не пережили. Но если есть начало чего-то, то у него есть и конец.

В конце пути стали появляться нефтяные вышки, промыслы каких-то Мобилей-Нобилей. Об этом рассказывали встречные прохожие. Заметив эту живописную группу из Ирана, соседи презрительно называли их "гримишэри". Голод не тетка! Поэтому, достигнув конца пути, евреи сразу обратились в контору, где служащие, узнав о том, что они согласны на любую работу, показали одну лачугу, где можно было

переночевать, и они устроились чернорабочими (само слово объясняет, что это за работа).

Работа была грязной, в прямом смысле слова, изнурительной. После трудового дня, придя ночевать, не было сил утолить голод, хотелось быстрее лечь и дать отдых своему телу. И так продолжалось изо дня в день.

Ноги гудели, спину ломило.

Прошло несколько месяцев в такой обстановке. За это время Талхум узнал, что недалеко от города Баку находится уездный город Куба, в одной части которого живут евреи. Талхум задумал поехать туда и посмотреть, какие евреи живут там. Решившись ехать, он и его товарищ уволились с работы, получили свои жалкие гроши. Они добрались до Еврейской Слободы. Первое, что бросилось им в глаза, была небольшая синагога. Наличие синагоги очень их обрадовало. Поцеловав мезузу, на дверном косяке, они вошли внутрь и сразу увидели раввина, который что-то читал. Он заметил входящих, поднял голову и сказал:

– Шалом. Добро пожаловать в нашу синагогу. Вы евреи? Откуда пришли? Я знаю всех своих прихожан, мне кажется, что вас я никогда не видел.

Он говорил на несколько понятном для Талхума и его товарища языке. Те радостно вздохнули и коротко рассказали свою историю. Выслушав их, раби воскликнул:

– Мазаль тов! Как хорошо, что вы пришли. Ваш приход поможет нам постоянно собирать миньян для чтения молитвы.

Заметив, что Талхум и его товарищ выглядят усталыми и могут быть голодны, раби накормил их тем, что у него было. Наступило время "Аравит" (вечерняя молитва), пришло несколько прихожан. После окончания молитвы все присутствующие стали обсуждать проблему: как помочь приезжим? Разговор закончился тем, что раби оставил их на ночлег в синагоге, а утром пообещал решить все вопросы.

Утомленные путники растянулись на матрасах, которые принесли местные жители и сразу заснули крепким глубоким сном. Они чувствовали, что попали в родную среду и были благодарны Творцу за помощь.

На следующий день после молитвы "Шахрит" (утренняя молитва) совместный разговор продолжился. Старец по имени Симон сказал:

– Я готов предоставить одну небольшую комнату Талхуму и его товарищу, делаю это как "мисво"- делаю это бесплатно и временно. Дай Б-г у них все устроится.

Худо-бедно, но вопрос с проживанием как-то решился, труднее было найти работу. Товарищу Талхума повезло, он сумел устроиться землекопом. Талхум же проводил свою полуголодную жизнь в поисках работы.

Случайно он услышал, что богатый купец по имени Кэлэ-Миши ищет работника для ухода за его фруктовым садом. Конечно, Талхум устремился к купцу. Во время беседы выяснилось, что купец-выходец из Ирана, но родители привезли его в подростковом возрасте. Кэлэ-Миши понравился "земляк", который производил впечатление трудолюбивого, уважительного человека. Так Талхум был принят на работу.

После каторжного труда на нефтяных промыслах, предложенная работа на приятном кубинском воздухе в окружении фруктовых деревьев, была благодатью. Боясь потерять такую работу, Талхум работал очень старательно, держал сад ухоженным. Его рвение не могло пройти незамеченным хозяином. Через месяц он вызвал Талхума к себе и сказал:

– Земляк, я приглядывался к твоей работе и доволен ею. Я знаю о твоих трудностях с жильем и хочу тебе помочь. Во дворе моего дома есть очень большой сарай, в нем хранятся дрова, разный инвентарь и некоторые домашние вещи, фанера, гвозди, доски и другие строительные материалы.

Все это осталось после постройки дома. Ты можешь использовать их для перегородок. Раздели сарай на две части, на одну перенеси все, что там хранится сейчас, поставь перегородку, используя любые строительные материалы. Ты это сможешь, знаю. Краска там тоже есть, покрась стены и у тебя получится из второй части сарая хорошая комната. Живя во дворе моего дома, я тебе поручаю его охранять.

Талхум в знак благодарности поцеловал руку хозяина. Непрошенные слезы потекли из глаз. Заметив это, в порыве чувств и вспомнив свое бедное детство, Кэлэ-Миши добавил:

– Ты знаешь мой участок сада, который примыкает к дороге в сторону молоканского села Владимировка. На этом маленьком участке растут два-три фруктовых дерева. Этот участок для тебя, но работай там только после окончания работы в моем саду.

С этого дня у купца не было более верного и преданного человека, чем Талхум. Он стал работать, как говорится "от зари до зари" и на себя и на хозяина. Фанера и доски пригодились не только для перегородки, но и для тахты, стола и табуретки. Посуду, не новую правда, подарила хозяйка. На еду Талхум не тратил много, благо ему хватало как свежих, так и сушеных фруктов. За работу хозяин платил исправно. Правда, заработок был не ахти какой, но это были живые деньги, по возможности часть из них он откладывал.

В свободное время, хотя его было немного, Талхума мучили грустные мысли. Он страдал от отсутствия известий от родных. Думал, что пока он ест свежие фрукты, хлеб, сыр, может быть, кто-то из близких голодает, кто-то не дай Б-г, вообще ушел из жизни. Эти мысли еще больше подталкивали его к хорошей работе, и чувство благодарности к хозяину переполняло Талхума.

Правильно говорят горские евреи "Коррой худорэ данустэ нибу!"» (Пути Господни неисповедимы!). Судьбе было угодно, чтобы выросший в бедности в другой стране Талхум должен был пройти тяжелый путь и только значительно позже ему выпал шанс изменить свою жизнь.

Чем-то его судьба похожа на судьбу его народа. Не всем выдавался такой шанс, история знает и другие случаи.

Времена года сменялись, менялись и люди. Талхум смог встать на ноги, построил домик, женился на девушке своего сословия. Спустя положенное время у них родился сын, которого назвали именем отца Талхума – Давидом. Все обряды были проведены. Родители просто обожали своего сына. Когда мальчик подрос, его отправили в еврейскую школу. Давид ещё учился в школе, как случилось большое несчастье. Умер его отец Талхум, которому не было и сорока лет. Видно сказались переживания и нелегкая жизнь. Какими бы двужильными не были люди, тяготы жизни все же сказываются на них.

В наследство отец оставил немного недостроенный домик. Но главным наследством Давида было имя отца. Односельчане очень уважали Талхума, небогатого, но справедливого и честного человека.

Давид достроил дом отца, посадил несколько деревьев. Будучи уже стариком под одним из них, перед домом он и сидел в начале нашего повествования.

Мысли возвращали Давида к зигзагам его жизни. Внуки, которые внимательно слушали дедушку, не подозревали, что в его жизни были такие повороты. Вспоминая жизненные коллизии, Давид думал о том, что после долголетней совместной жизни с женой Мэмэй, судьба подбросила ему ребус, который предстояло решать. Ребус был серьезный, болезненный. Разрешился он только благодаря мудрости и благоразумию Мэмэй.

Все началось тогда, когда Давид поехал по делам в Дагестан. Побывал в Дербенте, Петровске (Махачкала) и Темур-хан-Шуре с1921 года – город (Буйнакс). Давид гостил у своего близкого знакомого Милиха. Несколько лет тому назад Милих с семьей гостил у Давида в Кубе. Гости встретили тепло. Давид раздал детям подарки, сразу накрыли стол. Все громко разговаривали, веселились.

Вдруг Давид остановил свой взгляд и уже не смог его отвести, когда среди детей Милиха, он увидел одну девушку. Было чему удивляться! Ранее угловатая, стеснительная, выглядевшая как "гадкий утенок" Мирвори превратилась в красивого лебедя. Перед Давидом сидела расцветшая девушка. Ее черные длинные волосы ниспадали на округлившиеся плечи, кожа была цвета «мирвори» (нежно-жемчужного), огромные глаза ярко блестели, казались бездонными, в них можно было утонуть, и Давид утонул.... Наверное, именно о таких глазах поется в одной горско-еврейской песне "Чумһойту эджи духтер....".

Весь остаток вечера Давид провел как во сне, делал все машинально, утром он уехал. Давид вернулся домой под сильным впечатлением от этой встречи. Дома он был печальным и задумчивым. Все его мысли были о Мирвори.

Мэмей обратила внимание на состояние мужа и спросила: – Тебя что-то печалит? Дела не идут? Неужели, не дай Б-г, заболел? Может быть, тебя беспокоят какие-то мысли? Расскажи, тебе станет легче.

Ничего не ответил Давид, только вздохнул тяжело и отвел взгляд от жены. Не получив ответ и не зная причину печали мужа, Мемэй не стала приставать к нему с расспросами. Она была уверена, что со временем Давид сам все расскажет. Человек не может жить в молчании и в одиночестве, он обязательно поделится своими думами с женой или другом, а может быть, просто с незнакомцем,

например, со случайным попутчиком в вагоне поезда во время длинной поездки.

Спустя несколько дней, проведя несколько бессонных ночей, Давид решился и обратился к жене:

– Мэмэй, мы прожили немало лет супружеской жизни в любви и взаимопонимании. Мы всегда были не просто супругами, но и друзьями. Я никогда не мог даже себе представить, что смогу изменить тебе, обидеть тебя. Я все расскажу и хочу только встретить понимание и сострадание. Ты выслушай и вынеси свое решение.

Похолодев от плохого предчувствия, Мемэй взяла себя в руки и тихо ответила:

– Ты прав. Мы всегда понимали друг друга. Расскажи и облегчи душу, я пойму тебя, только сбрось тяжесть со своего сердца.

Тогда Давид решился излить душу, произнеся с тревогой и болью в голосе:

– Мемэй, ты хорошо меня знаешь. У меня была лишь одна избранница, моя красивая "Гойчек Мемэй". А теперь со мною случилось то, что случилось.

Мемэй перебила его:

– А теперь что, я постарела? Ты меня не любишь? Не уважаешь? А может, появилась другая избранница?

Давид обреченно ответил:

– Что ты говоришь? Вспомни, за столько лет счастливой жизни мы никогда не оскорбляли друг друга, не повышали голоса друг на друга. Сейчас дело в другом.

Мемэй вновь перебила мужа:

– Не тани, скажи прямо. Ты встретил другую женщину? Кто она такая? Из какой семьи? Я знаю всех наших жителей.

Ее слова как будто падали тяжелым грузом на голову Давида, он испуганно посмотрел на жену и сказал:

– Что ты! Что ты! Все немного не так.

Затем, собравшись с силами, он как на духу рассказал о своей последней поездке, о внезапно возникших по отношению к Мирвори чувствах, о мучавших его мыслях. Во время рассказа его лицо выглядело мученически.

Выслушав мужа, после долгого молчания и раздумий, Мемэй прерывисто прошептала:

– Давид, дорогой мой человек, мне нужно время... Я дам тебе ответ... через некоторое время.

Опустив голову, она ушла в другую комнату, откуда слышались звуки ее плача. Давид остался в одиночестве, с опустошенной душой и поникшей головой. Хорошо, что для разговора было выбрано время, когда детей не было дома. Возникла сложная тяжелая ситуация в дружной семье. Внешне, для детей ничего не изменилось.

Для супругов наступили сумбурные дни, они избегали смотреть друг другу в глаза, жили наяву, но в тоже время находились в каком-то сюрреалистическом мире. Очень беспокойно было на душе у Мемэй. Она видела, как мучается муж, но не знала, как ей быть. В тоже время казалось, что думать ей надо не о нем, а о себе, как жить дальше в случае развода. Что тогда? Ей очень не хотелось уходить с двумя детьми на руках, а еще и пересуды соседей. Задача была очень трудной.

На душе у Давида было другое. Он знал, что Тора позволяла полигамию, в семьях некоторых библейских героев было больше одной жены. Например, Яков имел четырех жен, у Авраама, кроме Сары была Агарь и т.д. В своей книге "Горские евреи Кубы" Хананил Абрамов (светлой памяти) пишет: "В редких случаях, мужчины по определенным причинам гласно имели двух жен. В таких случаях жены мирно жили между собой, имели равные права. В Вавилонском Талмуде есть одна притча – " У человека было две жены – молодая и старая. Молодая выдергивала ему седые волосы, а старая – черные. В конце

концов, он остался вовсе без волос". Правда, это Давиду не грозило. Известно, что "Коррой худорэ данустэ нибу!» (Пути Господни неисповедимы!), и поэтому трудно предугадать будущее.

Между тем Мемэй сильно задумалась о том, что если состоится развод, это станет большим несчастьем для семьи, а этого нельзя допустить. Перед ее взором мелькали разные картинки. Она вспомнила Мирвори, когда Милих с семьей несколько лет тому назад гостил у них. Мирвори была тогда подростком, было очень трудно представить ее в роли новой жены Давида. Она была стеснительной и уважительно относилась к старшим. Вдруг Мемэй вспомнила несколько семей односельчан, которые составляли "треугольники". Пусть и не много, но такие случаи были. В голове толкались противоречивые мысли, и она от всей души неистово молила В-шнего, чтобы он подсказал ей правильный выход из создавшейся ситуации. Взвесив все возможные за и против, она решила покориться судьбе, придя к окончательному решению, и сказала мужу: – Я согласна с тобой. В нашей супружеской жизни случалось всякое, но главное то, что между нами царило взаимопонимание. Если хочешь привести Мирвори, то приводи. Я немного знаю ее характер. Тебе надо изучить ее корни. Но прежде, скажи, какую роль ты отводишь мне? Какими тебе представляются наши взаимоотношения?

Не задумываясь, оторопев от вопроса, Давид ответил:

– Об этом ты не думай, все останется по-прежнему. Ты хорошо знаешь меня. Ты была, есть и останешься моей женой. Что касается ваших взаимоотношений, то думаю, что для тебя она станет как бы дочерью. Что касается детей, то они быстро привыкнут друг к другу. Я очень благодарен тебе за то, что ты сняла камень с моей души. Поверь, мне тоже нелегко, но я не могу ничего с собой поделать.

Перед супругами открывался новый этап совместной жизни, о котором они еще ничего не знали. Предыдущий разговор был нелегкий. Главное, что они пришли к общему решению, заложили фундамент будущей семьи. Словом, "треугольник" теоретически сложился. С приходом детей разговор закончился.

На следующий день Давид, неожиданно для себя, спросил жену:

– Может быть, у тебя появились какие-то вопросы или ты хочешь поставить какое-нибудь условие? Скажи, лучше мы сейчас это решим. Ничего недосказанного не должно остаться.

Тяжело вздохнув и подумав, Мемэй сказала:

– Да, Давид, у меня есть условие. Когда я выходила за тебя замуж, по нашему еврейскому обычаю был составлен кэтубо (религиозное свидетельство о заключении брака), которое подписали два свидетеля. То же самое ты должен сделать и на этот раз. Жизнь полна случайностей, да и родители девушки потребуют исполнить обычай. Если, не дай Б-г, с тобой что-то случится, то, как мы разберемся, я и Мирвори? Человек никогда не знает, что может случиться в будущем, так что надо обязательно заключить этот контракт.

Давид сразу согласился с этим условием. Он хорошо знал, что в кэтубо оговариваются условия сторон и обязанности мужа обеспечить материальные потребности жены в случае развода или его смерти. Немного подумав, Давид продолжал:

– Как всегда, ты ответила честно и с пониманием. Ты знаешь, что моих родителей нет в живых, о своих намерениях мне не надо никого оповещать. Ты согласна. Теперь обо всем надо сообщить родителям девушки. Надо подумать, как это сделать.

Мэмей в душе надеялась, что родители девушки могут отказать в сватовстве и тогда вопрос решится сам по себе. Но вслух она сказала:

– Прежде всего, сходи к нашему раввину, посоветуйся с ним, попроси разрешение на второй брак.

Давид так и поступил. Но раби его пристыдил и не соглашался. Давид же был настойчив. После вечерней молитвы, раввин собрал миньян (10 мужчин), который решил, что Давиду можно привести в дом вторую жену. В то же время никто не хотел противопоставлять себя раввину, и поэтому обязали обряд бракосочетания провести именно в своей синагоге. Для пущей важности, один из участников миньяна спросил:

– Ты сможешь содержать двух жен и прокормить детей от них?

Ответ Давида был утвердительным и понравился присутствующим. Получив разрешение, Давид поспешил сообщить об этом жене. Мэмей, не показывая своего недовольства, сказала:

– Давид, а кого ты хочешь послать в качестве сватов? Только не вздумай кого-нибудь из моих братьев или других родственников. Они все хорошо к тебе относятся, но это не значит, что их можно использовать в данном случае.

– Я так не думал, – ответил Давид. – К родителям Мирвори я пошлю моих близких друзей Нафтали и Ариэля. Если сватовство пройдет нормально, то я сам буду договариваться с Милихом.

Он так и поступил. Друзья выполнили свою миссию с оценкой "хорошо" и вернулись с радостным известием, как говорят джууро "шори оворди". Их короткое "Милих согласен!" - вызвало ликование в душе Давида, хотя внешне он этого и не показывал. Что касается Мэмей, то ее душевные страдания можно было понять. Отказ Милиха в данном случае, был для нее последней надеждой остаться

единственной женой Давида. Все обрадовались словам "Милих согласен", в то время как было бы уместно услышать "Мирвори согласна". Родители сообщили дочери, что пришли сваты, что жених – хороший человек и ее выдают замуж. Мирвори только спросила:

- А кто он? Я его видела? Знаю?

Отец ответил на ее вопросы. Больше ее мнением никто не интересовался, все только говорили о том, насколько хорошо она будет жить. Затем состоялась встреча Давида с Милихом, они договорились по главному вопросу: сумма калыма. Давид не жадничал. Милих остался доволен. Они назначили день составления кэтубо, выбрали двух свидетелей для составления документа. В назначенный день кэтубо было составлено. Давид взял на себя обязательство исполнять все пункты контракта. Новые родственники были довольны "сделкой". Что касается Мирвори, то она стала более молчаливой, находясь одна в комнате, больше плакала, не представляя свою будущую жизнь. Она знала "дядю" Давида и была знакома с его семьей, но не знала, как буду строиться ее отношения с ними.

Время шло, и шла подготовка к свадьбе. Сторона Давида послала "табагхо" – свадебные подарки на подносах обвязанных красным бантом в семью Милиха, была хупа (обряд бракосочетания) в присутствии раби. Давид надел золотое кольцо на палец правой руки Мирвори и сказал десять слов на иврите: "Харей ат мэкудешэт ли бэ табат зо кедат Моше бе Исраэль" (Этим кольцом посвящаешься ты мне по закону Моше и Израиля). Раби тихо произнес эти слова, а Давид громко повторил их.

После хупы был выполнен следующий ритуал. Давид разбил каблуком правой ноги стакан, вызвав одобрительные крики присутствующих. Раби сказал новобрачным несколько напутствующих слов. Под возгласы собравшихся "Симанту, мазанту" жених и невеста обняли родителей и

новых родственников. Началось веселье, танцы под народную музыку. В те времена свадьбы устраивались дома или во дворе. Эта свадьба была во дворе дома.

Прошла веселая свадьба, после нее все выглядели усталыми. Новые родственники убедились, что Мирвори в надежных руках и уехали. Ранее они очень беспокоились, мучались вопросом: как примет Мирвори старшая жена Давида? Внешне, опасения оказались напрасными, так как они увидели теплоту приема и благосклонность Мэмей.

Наступили будни. Уклад жизни семьи не изменился. Хотя семья и стала своего рода "треугольником" будни и праздники шли своим чередом: хозяйственные хлопоты, семейные посещения синагоги, прием гостей.

По-прежнему Мэмей продолжала вести хозяйство. Она пересилила себя и приняла Мирвори как дочь, жалела ее. Думала, что молодой девушке не повезло с замужеством. Мирвори старалась угодить Мэмей. В девичестве она привыкла носить кувшин с водой из речки Шура-озен. Она продолжала это делать, стала носить воду из Кудиал-чая. В свободное время она играла с детьми мужа. Особенно они любили играть в камешки "диглэ-вози" (традиционная детская игра с речными камешками). Все считали ее духтер хуне (добропорядочной девушкой). Когда подруги спрашивали ее?

– Мирвори, ты не ревнуешь мужа к старшей жене?

Она, не вдаваясь в подробности, отшучивалась:

– Нет. Все бы ничего, но я боюсь, бороды мужа, она такая колючая, щекочет.

Чтобы знать подробности супружеской жизни "двоеженца" надо, наверное, побывать на его месте или пожить в такой семье. Известно, что злые языки с негодованием и завистью говорили: "Посмотрите на Давида, живет с двумя женами, а о скандалах не слышно. А другие мужья и одной-то жене не могут такие условия

создать.... Или что-то такое, например: "Удивительно, как это две женщины не ругаются на одной кухне? Уж я-то смогла бы поставить вторую на место"! Этим злым языкам немешало бы посмотреть в зеркало на свой облик, как это сделала мартышка в известной басне.

Во главе этого "треугольника" стоял Давид – любимый муж и отец. Внешне он был суровым, у него был добрый и справедливый нрав. Для своего времени он был образованным человеком. Учился Давид в азербайджанской традиции, читал некоторые произведения классиков. Перечитывал "Лейли и Меджун" о романтической любви. Но он не читал "Ромео и Джульетту", да и с русской литературой знаком не был. Свои отношения с Мирвори он считал романтическими и благодарил Б-га за этот подарок.

По отношению к детям был терпелив, умел их выслушать, не кричал на них, не грозил наказанием, но его грозный взгляд заставлял детей прислушиваться к нему. В семье было много детей: от Мэмей сыновья – Ильяху и Зарахийо, дочери – Зулпо и Дворо; от Мирвори сыновья – Рафаил, Рамбом, Натан и дочь – Гэгэй.

С годами дети росли, у каждого своя судьба, своя доля, отведенная для него. Но в любом возрасте они соблюдали еврейскую заповедь - "Кабед эт авиха вэ эт имха" (Чти отца и мать своих). С малых лет дети видели мир и согласие в семье, доброту родителей, помнили беседы отца, теплые слова и ласковые руки матерей. Отец был для них образцом для подражания. Такое воспитание наложило отпечаток на их характеры и поведение. Родители смогли посеять доброе семя, и от него выросло доброе племя.

Как бы хорошо не текла человеческая жизнь, в том числе и семейная, болезни, тяжелый труд, переживания и потери влияют на судьбу человека. Рано или поздно он умирает. Горе не прошло мимо семьи Давида. Наступил печальный день, не стало Мэмей. Это был поистине черный день для

него. Трудно описать размеры этого горя, чувство утраты и потери охватило всю семью. Мэмей была настоящей еврейской женой, матерью. Ее похоронили по еврейским обычаям.

После похорон на всех субботних поминках в течение сиим - тридцати дней присутствующие вспоминали ее характер, поступки, жесты, манеры. Гирье (плач по усопшей) разносился далеко за пределами дома. Плакальщицы вспоминали наших предков, которые страдали, когда их гнали в иранский плен: "Э доггой Эрзуруми" (в горах Эрзурума). Историческая память джуурро сохранила то, что произошло с нашими предками, когда Персия захватила Вавилон и оттуда бывших вавилонских пленников угнали в другой плен. Это гонение сопровождалось большими жертвами. Эрзурумские горы находятся на границе Ирана и Турции. Таков наш народ, помнящий своих предков.

Горестный плач женщин вызывал слезы даже у серьезных мужчин. Семья почувствовала себя внезапно осиротевшей. Трудно было Давиду. Хотя говорят, что "время лечит", и траур закончился, у него все время сохранялось чувство безвозвратной утраты.

Вот и в тот день, описанный ранее, перед его глазами вставал образ незабвенной Мэмей. Тогда мысли Давида прервали пришедшие в гости друзья. Мирвори быстро накрыла стол. Застолье заметно улучшило настроение.

После душистого чая "мэхмэри", игры в нарды, приступили к трапезе. Немного выпили водки, не так называемой "магазинной", а своей родной тутовки. Это – чистый крепкий самогон из ягод тутовника (шелковицы). Рюмочку-другую пропустила и Мирвори. Была вкусная закуска – сыр "мотал" со свежим хлебом из тендира. Словом, это был обычный вечер для друзей. Говорили о разном, беседовали и на религиозные темы. Много

подшучивали друг над другом. Острый язык джурро эз Губэ всем известен.

Шли годы. Дети повзрослели, покидали отчий дом. Большая семья распадалась. В итоге получилось, что молодое поколение проживает не только в другом городе, близком или далеком, но даже оказались в другой стране. Общение с ними поддерживалось только по телефону, личные встречи были изредка.

Одна из дочерей умерла в раннем возрасте от перитонита, из-за врачебной ошибки. Другая вышла замуж за местного парикмахера, который вернулся живым с фронта. Спустя пять лет он умер из-за ран, полученных на войне. Потом двоюродный брат мужа сделал ей предложение, она вторично вышла замуж. Они жили в родном поселке. Муж работал ветеринаром. У них родилось семеро детей. Зулхо была счастлива.

Давид жил долго. Он пережил сына Ильяху, который после появления в его семье третьего ребенка, умер от болезни. Заботы о осиротевшей семье сына легли на плечи Давида, и он честно выполнил свой долг.

Один случай сильно подействовал на Давида. В тот злополучный день он был на поминках одного рано ушедшего из жизни односельчанина. Там он невольно слышал разговор двух женщин, которых знал:

– Посмотри на этого Давида. Он старше усопшего, имел двух жен, столько детей. Он еще живет и ничего его не берет. Я бы хотела, чтобы сегодня были его поминки, а не нашего соседа.

Эти слова были произнесены злым и ненавистным тоном. Услышанное сильно подействовало на Давида. Ведь он не заслужил такие речи, Давид был одним из уважаемых людей в поселке. Он чувствовал себя сильно оскорбленным. С этого дня он замкнулся в себе, стал много думать о жизни. Ему стало даже как-то неуютно жить на этом свете.

Дети были разбросаны по свету. Предчувствуя скорую кончину, однажды вечером он сказал своим домочадцам:

– Я хочу видеть своих родных и близких. Сообщите детям, чтобы они в течение недели приехали к нам.

Я понимаю, что не все могут приехать, но те, кто могут, пусть приедут. Родные забеспокоились, сначала, правда, отнеслись к сказанному как к причуде, но тон Давида был очень серьезный. Его авторитет был очень высоким, и послушаться было невозможно. Стали собираться родные из Баку, Москвы, Дагестана и из других городов. Кто-то не смог приехать. Телефонные звонки не прекращались. Давид прилег и уже не вставал.

Он все время молился, обращался к Б-гу. Около Давида рядом с его родными был и раби Ихиил Севи. Когда Давид был уже не в силах читать молитву, раби читал Видуй, а Давид пытался шепотом повторять за ним.

Пришло время последнего вздоха, когда душа покидает тело. В семье воцарился траур. Похоронные обряды были соблюдены полностью, зеркала в доме занавешены белыми простынями, зажжены поминальные свечи. Каждый день поминок проходил многолюдно и сопровождался плачем и рыданиями близких. Время проходило в мрачной обстановке...

Прошли семь дней и *сшим*-тридцать дней. Дорогие воспоминания были наполнены тоской и болью. Затем Давиду был поставлен памятник. Его светлая память передавалась из одного поколения в другое. В наше время его фотокарточки находятся в семейных альбомах его потомков, проживающих в разных странах мира.

Однажды, правнук Давида по имени Игаль и проживающий в Израиле, был в гостях у своего товарища в городе Кирыат-Ям. Там он разговорился со старенькой горской еврейской бабушкой товарища, которую звали Мазанту. Та сразу спросила:

– Кэлэтэойту кини? (Кто твои предки?)

Игаль ответил:

– Мой отец Зарахийо Талхумов, сын Давида.

Мазанту всплеснула руками:

– Не может быть. Мы почти родственники и жили недалеко друг от друга. Кто же не знает или не слышал о Давиде? Все знают, что уже будучи женатым, он полюбил девушку из другого города. Потом он или украл её, или он сама полюбила его, не помню.. Теперь все по-другому. Вы, молодые, не способны на такие дела.

Встреча произвела на Игалья большое впечатление и он решил составить свою родословную и собрать, по возможности, фотографии своих родственников. Его усилия помогли составить, пусть неполное, древо жизни.

В результате он узнал о родственниках в США, Германии, в Израиле. Началась переписка, приносящая радость и гордость. Что касается Давида, то он прожил свою жизнь и ушёл из неё в тесном окружении близких людей. Он прожил жизнь счастливого человека.

Сказано поэтом:

“Между собою люди все похожи,
Различие в том, какой приход бывает средь мужей,
Найдёшь ты знающих и не знающих,
И среди звёзд найдёшь ты много тусклых”.

Из хорошей семьи
...И сказал Господь: нехорошо человеку
быть одному... Берейшит, 20:16

Прежде чем рассказывать о том, как женили Ильяху сына Давида, надо вспомнить его детство. В какой среде он родился и жил, каким был он сам. В семьях горских евреев большое внимание уделяется рождению и воспитанию детей. Семья Давида не была исключением. Поэтому, когда в семье появился мальчик, сразу возникла необходимость выбора еврейского имени. Давид выбрал Ильяху (мой Б-г - Б-г истинный) но до обряда обрезания он никому кроме членов семьи об этом не сообщал. На вопросы отвечал: "Мы еще не решили". В соответствии с еврейской традицией был приглашен специалист по обрезанию – мозель, он задал вопрос:

– В каком часу родился ребенок?

Давид удивленно спросил:

– А какое это имеет значение? Я же сказал, мальчик родился во вторник.

– Ты знаешь о том, что день у евреев начинается ночью, с появлением первой звезды, а обряд обрезания необходимо совершать через восемь дней после рождения младенца. Так что если твой ребенок родился тогда, когда солнце уже село, значит, обряд обрезания надо назначить на среду, а не на вторник.

Давид согласился с доводом мозеля и спросил:

– А кого я могу пригласить в гости, из какого круга родственников, друзей, знакомых?

– Согласно обычаю, – сказал мозель – гостей на обрезание приглашать не надо, их следует лишь оповестить об этом событии.

– А почему? – удивился Давид.

– Потому что присутствие на обряде обрезания – это мисво и приглашенный не имеет права отказываться от этого. У каждого человека есть свои дела, и он не всегда может вносить изменения в свой распорядок. Поэтому людей надо поставить в известность о том, что в семье родился мальчик. Мазаль тов! Обрезание состоится в будущую среду в синагоге в 9.00 утра. Тогда все поймут, что они приглашены. Кто сможет, тот придет и мисво обрезания будет совершено в присутствии "миньяна", то есть не менее десяти взрослых мужчин евреев.

Наступил день обрезания, все обычаи были соблюдены и в новую жизнь вошел еще один еврей.

Детство Ильяху проходило также как и у других детей Слободы, в играх на улице и во дворе. Когда мальчик подрос и достиг 13-летнего возраста, он выглядел почти молодым человеком, не парень или юноша, но паренек. О нем уже заговорили в некоторых семьях односельчан. Он был из уважаемой семьи и поэтому некоторые родители дочерей, что называется уже "положили на него глаз". В тоже время "зуд" охватил и его близких родственников. Пройдет несколько лет и паренек вырастет в парня, то есть станет кандидатом в женихи. А пока надо было, по исполнению 13 лет плюс еще один день, по традиции устроить мальчику Бар мицву. Пришел час, когда отец сказал Ильяху:

– Теперь ты, Слава Б-гу, не мальчик, который думает только о своих играх и пустом время препровождении. Пора остепениться, стать серьезным и уметь отвечать за свои поступки. Время бежит быстро, не успеешь, оглянуться, как тебе исполнится тринадцать лет. Я уже пригласил гостей на твою Бар-мицву, а ты готовься!

Что касается приглашений, то вот уже несколько дней в семье – шум, гам, шли громкие споры. Каждый член семьи

называл имена тех, кого хотел бы пригласить. В итоге оказалось, что в список гостей вошло более половины всех жителей Слободы. Потом начали вычеркивать некоторые имена: кто-то был в отъезде, кто-то болел, а такой-то в свое время не пригласил на свое торжество Давида. Количество гостей заметно убавилось.

Раби подготовил Ильяху к торжеству, научил его накладывать тфилин, одевать талит. Учили его и молитвам. Правда, вся его молитва заключалась в громком повторении слов, которые тихо произносил раби. После чтения молитвы Ильяху почувствовал особую гордость, ведь он получил право находиться в миньяне с взрослыми. Его друзья-мальчишки завидовали Ильяху. Даже тематика разговоров несколько изменилась. Один из его товарищей Нафтали вдруг сказал:

– Ильяху, ведь где-то растет девчонка, которая через несколько лет станет твоей женой. Ты знаешь, кто она?

Мальчишки поддерживали тему, Бени сказал:

– У моего соседа уста Исога растет подходящая девочка. У нее красивые волосы, она их заплетает в косички. К свадьбе они будут длинные. А какие у нее глаза!

Симон фыркнул:

– Длинные волосы? Подумаешь, волос длинный, а ум короткий.

Бен возмущенно воскликнул:

– Ты... ты разве понимаешь что-нибудь! Волосы у нее черные-черные, глаза большие-большие, лицо красивое.

Симон насмешливо продолжал:

– А нос еврейский-еврейский с горбинкой!

Бени с дрожью в голосе произнес:

– Перестань, ты просто мальчишка, ничего еще не понимаешь. Да и откуда тебе понимать. Ты на полгода моложе меня. Обстановка накалилась, чувствовалось, что

Бени нравилась соседка, а Симон заводил его. Тогда Ильяху как "новоявленный мужчина" сказал свое веское слово:

– Я даже не думаю о женитьбе, а вам и подавно не надо заводить такие разговоры, давайте играть в свои игры.

Через некоторое время, забыв про все, товарищи нашли место, где было много жидкой грязи, взяли в руки заранее заостренные палки и стали кидать острием в землю. Надо было сбить палку противника так, чтобы своя палка не упала. Ребята очень любили эту игру. Игрушек было мало, поэтому они сами придумывали игры и мастерили игрушки. Очень любили футбол, только вместо надувного мяча использовали тряпичный.

В тот торжественный день очень тепло высказал общее пожелание близкий друг Давида:

– Ильяху, ты сейчас проходишь очень важный рубеж, он один из тех, который проходит еврей в период становления. Сегодня ты прощаешься с детством. Теперь пришло время принимать на себя определенные обязанности и частично освободить своих родителей от некоторых забот. Ты уже можешь принимать зрелые решения. Хорошо знаю тебя, ты достойный сын Давида. Желаю, чтобы ты был здоровым, выполнил завет Б-га, прожил не менее 120 лет и всегда помогал родителям.

На вечере было много замечательных тостов. Джуурро могут веселиться, радоваться и отмечать любые торжества. Многочисленные тосты были остроумные и красноречивые. Прошел первый значительный этап в жизни Ильяху. Постепенно с детскими играми было покончено, и он все больше приобщался к взрослым, временами ходил в синагогу, помогал, по мере возможностей. Своим родителям. А годы шли своим чередом. Согласно еврейским традициям, человек, который не создал семью, считался во все времена неполноценной личностью. Но чтобы создать семью необходимо, чтобы юноша нашел

свою избранницу. В те времена в Красной Слободе были еще случаи, когда родители не спрашивали мнения молодых, а обручали их, иногда сразу после рождения. Но Давид был против такого обручения.

Когда сыну исполнилось 18 лет, он решил поступить так, как написано в Талмуде: "В 18 лет пора жениться". К тому же Мэмей сразу заметила, что у Ильяху пробились усики и появились волоски на лице. Это значило, что надо искать невесту. Вскоре к ней присоединились и другие сердобольные родственницы, которые выразили желание помочь в этом серьезном деле.

У них оказался целый набор кандидаток в невесты. Основным критерием выбора служила установка – девушка должна быть из хорошей семьи. В это понятие включалось следующее: из богатой семьи, из известной фамилии, уважаемые люди, отец работает на престижной работе и т.д. Что касается мнения Ильяху, то оно было второстепенным.

Первоначальные поиски не дали результатов. Тогда решили прибегнуть к помощи опытных людей. Такой опыт имели свахи. Некоторые свахи, может быть в силу своей забывчивости, имели тетради, в которые заносили данные неженатых и незамужних людей, которые искали себе пару. Такие записи очень помогали находить то, что искали. Эта помощь была платной. Как правило, свахи были очень красноречивы. Можно сказать, что они хорошо знали мудрость джурро "Ширинэ зуун мараш эз лулэ мэдэшэну" ("Сладкий язык и змею из норы выманит») Первая сваха разочаровала тетушек. Она сразу спросила:

– А какую вы ищите невесту?

В ответ прозвучало:

– Молодую, красивую, небедную, из хорошей семьи.

– Хорошо, я поняла, кого вы ищите, но скажите, сколько невест вам нужно?

– Одна.

– А кто же жених? Каков он? Сколько ему лет, и какие у него достоинства?

Беседа как-то не состоялась и от услуг этой свахи отказались. Как известно, любой военной операции предшествует разведка, т.е. сбор сведений о противнике, в данном случае о невесте. Поиски кандидатки в невесты похожи на этапы военного искусства. Хотя еврейские свахи военных академий не заканчивали, но нужные познания были у них в крови и накапливались с опытом. Ввиду того, что вопрос не удавалось решить в родном поселке, "боевые действия" были перенесены в Баку. В Баку было больше простора и там проживало немало близких и дальних родственников. Количество поисковых групп увеличилось. Свахи находили подходящую кандидатку, Ильяху получал инструкции примерно такого рода: сегодня мы пойдем к родственникам, хотя не всегда это действительно были родственники, (это говорилось, чтобы меньше смущать Ильяху). Сиди спокойно, не стесняйся. Когда я попрошу девушку принести стакан воды, она принесет, я выпью и ей придется его унести. Пока девушка будет ходить, ты рассмотри ее, обрати внимание на внешность, походку, взгляд, улыбку. Смотри, смущается ли она, стыдлива ли. Одним словом, нравится ли она тебе.

После такого "похода" или правильнее будет сказать смотрин, дома устраивался настоящий допрос, чтобы выяснить впечатление Ильяху. Но он, не желая пока жениться, находил разные причины для отказа. После нескольких походов тетюшки забили тревогу, мама и бабушка плакали. Только отец, Давид молчал и ничего не говорил, но его взгляд как будто просил: "Сын, останови свой выбор на ком-то, не хочу тебе указывать, назови сам свою избранницу".

Обстановка в доме стала напряженной и Ильяху не выдержал и сдался.

- Вы знаете, тетя Яфа моя самая любимая из тетушек. Девушка, которая живет около Малоканского садика, вы мне ее показывали, очень похожа на тетю Яфу, может она такая же добрая. Я согласен. Реакция на эти слова была оглушительной. Женщины начали кричать:
- А я, что не твоя тетя? На меня не было похожих?
 - А почему девушка с Бондарной не подходит тебе?
 - Я так старалась для тебя, а ты?

Женщины кричали, только отец молчал. Когда настал конец крикам, перешли ко второму этапу – изучение родословной девушки. Сказано: "Одомирэ эз кэлэто мишнохут" (Человека узнают по предкам). С этого дня за девушкой буквально была начата слежка, достойная спецслужб иного государства. Установили ее родителей и родственников, с кем она дружит. Действовали по принципу: "скажи мне кто твой друг, и я скажу, кто ты". Собранная информация показала, что Тури из хорошей семьи, ее отец известный портной, у него большая клиентура. Это значит, что он может хорошо содержать семью, люди его уважают. Семья решила, что кандидатка подходит. Надо посылать представителей на переговоры. Пока переговоры еще не начались, немного о девушке по имени Тури. Она была пятым ребенком среди семерых детей портного. Родители с ней, как в прочем и с другими своими детьми, особенно "не носились". Взрослые сыновья женились и жили отдельно, дочери выходили замуж, дома остались Тури и два ее младших брата. Работы по ведению домашнего хозяйства частично были возложены на Тури. Она все делала как-то легко, "мурлыча" еврейские песенки. Также как у всех девушек, у нее были подруги, и она с удовольствием общалась с ними. Особенно она любила слушать рассказы подруг, которые были старше её на год, полтора, их рассказы о поездках в другие города, об известных односельчанах, Лейли и Межнуне были порой

забавными, порой грустными. Подруги любили Тури за ее характер певучий голос. Они часто говорили ей:

– Тури, спой нам то, что ты напеваешь, ты не стыдись нас, тем более что здесь нет юношей и вообще посторонних. Тогда Тури с чувством пела горско-еврейские и азербайджанские песни. Если песня была посвящена любви, то лица подруг становились серьезными, некоторые вздыхали или даже проливали слезы. Одна из подруг по имени Сара, услышав слова песни о «материнской любви и ласковых руках» – плакала. Она рано потеряла маму, жила с родным отцом и мачехой, второй женой отца. Заметив слезы подруги, Тури спросила ее: – Почему ты горько плачешь? Что тебя задело? Воспоминания о маме или что-то другое?

Всхлипнув, Сара сказала сквозь слезы:

– Тури, ты не понимаешь? Как ты можешь понять? Ты не знаешь, какой бывает жизнь в доме, где не мама с ласковыми руками, а мачеха, которая не может быть такой как она.

Подруги как могли, успокоили Сару, а когда она вытерла слезы, на ее лице появилось подобие улыбки, все продолжили нескончаемые разговоры. В один из прекрасных кубинских вечеров в доме родителей Тури появилась родственница Хивит, которая сказала, что Давид, сын Мордехая, хочет женить своего сына Ильяху на Тури. Поэтому он просит назначить день, когда можно будет получить ответ. Хивит была принята доброжелательно, она была хорошо знакома родителям Тури, так как являлась их родственницей. К слову сказать, Хивит была подругой Мэмэй. Её попросили передать семье Давида следующее: "Мы все поняли, даст Б-г, ответ будет дан к концу месяца".

Теперь родителям Тури пришлось в свою очередь провести работу по сбору информации о Ильяху. О Давиде они знали.

За длинным рублем
"Большие деньги - враг человека!"
"Амбара пул душмэн инсони!"

Судьба детей и внуков всегда заботила Давида. Особенно беспокоил внук, первенец Ильяху, Пардил. Внук закончил восьмилетку в азербайджанской школе. Рос здоровым и крепким парнем, всегда изъявлял желание помогать отцу и даже искал работу. Но в те времена найти работу в Красной Слободе было трудно. В поселке не было больших или средних предприятий. Работники местных богачей годами служили хозяевам, а те привыкали к ним. Места освобожденных нерадивых работников быстро заполнялись другими лицами, из числа тех, кто первым узнавал о таком случае. Один из товарищей Ильяху посоветовал ему отправить сына на работу в Москву, где, по его мнению, в таком огромном городе можно устроиться и найти работу. После долгих раздумий Ильяху решил узнать мнение сына. На вопрос отца:

– Ты хочешь уехать куда-нибудь и зарабатывать там деньги?

Пардил ответил:

– Как ты скажешь, так и сделаю. Я всегда хотел помогать тебе и думал об этом. Знаю, что найти работу здесь не удастся.

Тогда Ильяху взглянув на него сочувственно и в душе жалея сына, со вздохом сказал:

– Если ты хочешь, то можешь ехать в Москву. Там много заводов, в случае удачи и везения можно хорошо

заработать. Если не повезет, то ты можешь вернуться домой.

Пардил с радостью принял предложение отца и ухватился за него. Каждому юноше хочется вырваться на свободу, побывать в новых краях, о которых он только слышал и мечтал. Вся жизнь была впереди и представлялась в радужных тонах.

Родители собрали вещи сына, сложили в деревянный чемодан. Мать приготовила вдоволь еды, все время ее глаза были мокрыми от слез. Отец дал последнее напутствие:

– Сын, ты едешь в незнакомый тебе город, будешь находиться среди людей обычаи, которых несколько отличаются от наших. Ты не удивляйся. У нас говорят: "В какую синагогу ходишь, такую кипу и носишь". Присмотрись, внешне не показывай, что ты приезжий, в Москве ты должен выглядеть москвичом.

После прощания со всеми, Пардил в сопровождении своего друга Симона выехал на железнодорожную станцию Хачмас. Отец не мог поехать с ним на станцию, так как был болен. Пардил никогда не выезжал из дома и не был в Хачмаса. Симон был не только его лучшим другом, но и имел опыт железнодорожных поездок. Он часто выезжал в город Баку для закупки материалов для сапожного дела, да и про жизнь в большом городе он знал не понаслышке.

На вокзале Пардил растерялся. Там было много людей. Они сидели, некоторые прямо на полу, стояли, бегали и сустились, старались перекрычать друг друга. Разговаривали люди на разных языках: азербайджанском, русском, лезгинском и еще на каких-то других языках и наречиях. Стоял шум и гам. Особенно многолюдно было в очереди около билетных касс. Пардил был оглушен всем этим шумом и подумал, почему так много людей собралось на этой станции и как хорошо жить в родном поселке, где слышны голоса только крикливых женщин.

Пока он думал, Симон коротко объяснил: "Я иду за билетом" и исчез в толпе у одной кассы. Растерянный Пардил остался стоять, прижавшись к стене, крепко зажав между коленями свой деревянный чемодан. Между тем Симон уже стоял в очереди, но окошечко касс было закрыто. Недовольные "кандидаты в пассажиры" громко выражали свое недовольство разными выкриками, которые иной раз вызывали смех в самой очереди. Дело в том, что эти выкрики были на разных языках и поэтому некоторые безобидные слова одного языка обозначали совсем иной смысл и подтекст на другом языке. Спустя некоторое время окошечко кассы открылось, и раздался женский голос:

– На пассажирский поезд Москва-Баку билеты имеются, а на поезд Баку-Москва билетов нет, и не предвидится!

Касса закрылась. А многоопытный Симон стал оглядываться по сторонам. Он знал, что в таких случаях всегда появляются перекупщики, готовые в любой момент помочь в приобретении билетов. Как правило, они "работают" попарно. Один подходит к "искателю" и спрашивает: Билеты нужны?", а другой в это время контролирует обстановку, ситуация изменится если появится милиционер. Услышав вопрос, Симон ответил "да" и как бывалый человек сказал: "А, что? " Ему тихо прошептали:

– Есть билеты по доступным ценам без нагрузки. Вам куда?

– В Москву.

– Сколько? Один, два? Туда и обратно?

– Один, только туда. Сегодня.

– Ну, есть билет, – голосом старого знакомого ответил перекупщик, – идем за мной.

Симон спросил:

– Билеты у тебя нормальные, без обмана? Ты учти. Уезжает мой друг, а я остаюсь, я местный житель, меня все знают, хочу, чтобы ты знал и об этом. Перекупщик успокоил его, и

Симон переплатив за билет, принес его Пардилу со словами:

– Все в порядке? Вот тебе билет, вагон плацкартный, место нижнее. Худо эту кумек (Б-г тебе в помощь). О переплате он другу не сказал и даже отказался от денег за покупку билета.

После прибытия поезда, Пардил распрощался с другом, сел в свой вагон и благополучно отправился испытывать счастья. А Симон вернулся в поселок и сразу отправился к Ильяху, отца все интересовало: номер вагона, место плацкарты, в каком настроении был Пардил. Удовлетворив расспросы, Симон ушел домой, а в семье весь вечер только и говорили о Пардиле, нетерпеливо ожидая от него известий.

Лучше всего об отъезде и о пребывании вне родного поселка, конечно, расскажет сам Пардил:

– Я уехал с мыслями об отчем доме и с чувством беспокойства о его дальнейшей судьбе. Я хорошо владею азербайджанским языком, но слабо знал русский. В нашей школе русский язык, как иностранный, был дополнительным предметом. Правда, мой двоюродный брат учился в русской школе и благодаря этому я стал немного понимать и разговаривать. Слабым местом у меня был не только русский язык, но и кошелек, поэтому я должен был относиться к деньгам очень бережливо.

Я мечтал зарабатывать большие деньги, ведь я поехал за "длинным рублем". На мой успех надеялась вся семья.

Итак. Мой друг Симон помог поднять мой деревянный чемодан, и я поднялся в седьмой плацкартный вагон поезда. Проводница показала мне мое место, и я в первую очередь засунул чемодан под сидение, сел сам и долго смотрел на перрон, видел, как долго махал мне рукой Симон, а затем мимо меня медленно проплыл вокзал, поезд убыстрил движение, мы набирали скорость. На меня нахлынула

сильная тоска по отчужденному дому, по моей семье. Наверное, мое лицо отражало мысли в голове и поэтому попутчик, сидевший, напротив, мужчина спросил по-азербайджански (разговор приводится в переводе – автор):

– Здравствуйте, земляк. Вы едете в Москву или сойдете раньше на какой-то другой станции?

– Я еду прямо в Москву.

– Очень хорошо. Я тоже еду туда. Давайте знакомиться. Меня зовут Самедом. Я – уроженец города Баку, так сказать бакинец. Несколько лет назад я переехал в Москву, где живу и работаю.

Пардил представился в свою очередь и коротко рассказал о себе.

Самед сделал ему комплимент:

– Мне кажется, что ты разговариваешь и лучше владеешь азербайджанским языком, чем я, наверное, я немного "обрусел". За разговором незаметно наступил вечер, мы выпили не один стакан чая и поужинали "чем Б-г послал", объединив то, чем их снабдили домохозяйцы. Поездка была длинной, попутчики с верхних полок появлялись и уходили. При этом они были убеждены, что Самед и Пардил – родственники. За разговорами время шло незаметно быстро, говорили много, конечно, не выдавали своих секретов.

Иногда делились тем, чем иной раз не поделишься даже с близким человеком. Самед был доволен знакомством, выразил свою благодарность, записал и номер своего домашнего телефона. Я, в свою очередь, тоже обрадовался новому знакомству, тем более с "земляком". Прибыв в Москву, мы дружески расстались. Напоследок Самед напомнил свой номер телефона и попросил звонить ему безо всякого стеснения.

После расставания с Самедом я подошел к группе пожилых людей, в основном это были женщины, которые предлагали приезжим жилье. Цены за проживание были

разные, в зависимости от условий и площади комнат. Поторговавшись с несколькими из них, я остановил свой выбор на комнатке в районе парка Сокольники. Я не знал, в какой части города находится этот район, но мне понравилась цена и доброжелательная на вид старушка.

Мы вместе поехали на автобусе осматривать помещение. Сойдя на автобусной остановке, мы оказались перед двухэтажным домом. Вошли в тускло освещенный подъезд, поднялись по скрипучей лестнице и остановились перед дверью с табличкой "4". Хозяйка сказала: "Вот мы и пришли" и открыла ключом дверь. Я увидел небольшую кухоньку, в которой было три двери. Одна вела в комнату хозяйки, вторая в туалет, а третья в сдаваемую комнатенку.

Она представляла собой, нельзя даже сказать каморку, так как имела окно и была площадью 10-12 кв. м. Между окном и входной дверью стояла железная кровать с постелью, рядом небольшой столик и шкаф. Мне все понравилось и все устраивало. Я зашел в свою комнату и прикрыл дверь. Душа моя ликовала. Ведь впервые я почувствовал себя свободным, самостоятельным человеком, я находился в "своей" комнате в полной безопасности в чужом городе. Я был счастлив и горд собой. Теперь я мог найти работу, чтобы обеспечить себя и, дай Б-г, отложить что-то про запас. Я был молод и мечтал о светлом будущем.

Я заснул крепким сном, без всяких сновидений.

Утром проснулся в бодром настроении и запланировал посвятить весь день знакомству с городом и поискам возможностей трудоустройства. День прошел с большим интересом, с глубоким впечатлением от осмотра достопримечательностей Москвы. Последующие дни я посвятил поискам работы. Дни проходили один за другим, но долгожданная работа не появлялась, а кошелек все худел и худел, грозя полностью истощиться. Я хорошо знал, что когда деньги кончатся, то смогу попросить помощи от

родных и обязательно ее получу. Хорошо зная о положении семьи, я этого не сделаю, во-первых, я стеснялся, во-вторых, какой житель Красной Слободы мог бы поверить в то, что в таком большом городе, как Москва, молодой человек не может найти работу. Правда, у меня были случайные мало оплачиваемые заработки, но они не могли решить все мои проблемы. Я захандрил, мною овладела боязнь затеряться в этом, как мне казалось, негостеприимном городе.

Что касается моей жизни как квартиранта, то скажу, что хозяйка баба Дуся в первый день проживания потребовала задаток, а получив его, успокоилась и решила, что этот парень с Кавказа видно неплохой человек. Будучи одинокой, она всегда искала общения с другими людьми. Заимев квартиранта, она приобрела в моем лице хорошего собеседника. Баба Дуся "закабалила" меня, в свободное время она угощала меня чаем и старательно "улучшала" мой русский язык. Мое уважительное к ней отношение удивляло ее, она часто говорила, что такого она не встречала у московских ребят. Она не знала, что уважение к старшим, среди горских евреев, прививается детям, чуть ли, не с младенческого возраста. Как-то, заметив мою хандру, хозяйка сказала:

– Сынок, что ты такой скучный? Уж не заболел ли?

Я поделился своими проблемами. Баба Дуся несколько задумалась, а потом ее лицо засияло, как будто она нашла выход, она сказала:

– Сынок, я проверю свои возможности, и может быть смогу чем-то помочь тебе.

Время шло, и я стал задавать себе вопросы: "Зачем я здесь? Что я делаю на далекой чужбине? Что меня держит?" Наряду с этими вопросами на меня нахлынули воспоминания о родной Слободы, об этом чудесном крае, где живут очаровательные люди. Там мне никто не задавал

вопрос: «Эз кийи ту»? Вспоминая это, само собой в моей голове появились слова, выражавшие тоску по родным местам и людям.

О, ЖУРЧАНЬЕ ГУДИЯЛ-ЧАЯ - Я ТОБОЙ ДЫШУ!

Каждый день тебя ищу я,
находясь вдали.
Не могу найти покоя
без родной земли.

Ты, как тень, тебя ищу я
мечусь и грущу.
О, журчанье Гудиял-Чая,
я тобой дышу.

На сирень, что у крыльца
птицей прилечу.
Склоны снежного Шахдага
любовно облечу.

Птичья трель разбудит горы, нивы и поля,
очага коснусь родного взмахами крыла.
У родного очага, я пролью слезу,
а затем, смету слезу я, душу облегчу.

Эти слова не выросли до великолепных стихов, но они показывали степень моей тоски по родной земле, людям, отчему дому. Не каждый человек рождается поэтом, но каждый старается выражать свои чувства в меру своих способностей.

Через несколько дней баба Дуся сказала:
– Сынок, а ты помнишь, что рассказывал о своем попутчике в поезде, ну о том земляке? Вспомнил? Во-первых, очень нехорошо, что ты не позвонил ему, не спросил, как он

живет, как идут дела. Во-вторых, может он сможет найти для тебя работу. Позвони ему обязательно.

Я сразу кинулся искать телефон Самеда. После долгих поисков, нашел клочок бумаги с адресом в своем чемодане. Вечером того же дня, набрав нужный номер, услышав голос Самеда, очень обрадовался:

– Алло, кто говорит?

На мой ответ он воскликнул и приветливо ответил:

– Слушай, куда ты пропал? Я рассказал о тебе своей жене, она обрадовалась появлению земляка и хотела видеть тебя в нашем доме. Но я не знал, как тебя найти. Давай приезжай сейчас, как раз мы еще не ужинали, приезжай, диктую адрес и расскажу, как добраться. Ты где живешь?

– Около парка Сокольники, – ответил я.

– Тогда садись на трамвай "А" (Аннушка). Я живу на Лесной улице, недалеко от Бутырки (Бутырская тюрьма).

Я согласился и с одобрения моей хозяйки, которая дала мне с собой пирожки, поехал по адресу. Перед моим уходом баба Дуся спросила:

– Дай знать, ты приедешь домой ночевать или останешься там, я знаю, что кавказцы очень гостеприимные люди. Я пообещал выполнить ее "указания" и побежал в магазин. Купил сладости и бутылку азербайджанского вина "Кэмширин" и вскоре оказался в квартире земляка. Встреча была радостной, семья приняла меня как вестника из родного Азербайджана. Хозяйка, которую звали Мехрибан, накрыла стол, а Самед сразу предупредил меня, что сегодня они меня не отпустят, я ночую у них. Зейнаб согласилась с мужем. Как и все жители Азербайджана, супруги оказались очень гостеприимными людьми. Своей хозяйке я сообщил, чтобы она не беспокоилась, что ночую у надежных людей.

Мы вели разговоры до полуночи. Самед рассказал о своей семье, работе о том, что он считается человеком среднего достатка, не бедствует. По его просьбе я подробно

объяснил ему свое положение. Самед внимательно выслушал и сказал:

– Да! Дела идут у тебя не очень хорошо, но есть выход из любого положения. Теперь слушай. Я тебе скажу, а ты думай сам. На соседней улице находится автомобильная база. Летом, когда окна наших комнат открыты, невозможно в них находится – гул моторов, автомобильные сигналы не дают покоя. Шум начинается с самого утра и так до позднего вечера, когда машины возвращаются и заезжают в свои гаражи. Думаю, что там можно найти несложную работу. Это для начала. Завтра утром мы вместе пойдем туда, найдем моего земляка по имени Азери и поговорим с ним. А теперь идем спать.

Я долго не мог заснуть, то мне казалось, что со мной никто не захочет разговаривать, то я видел себя за рулем грузовика и т.д. К утру я все-таки заснул. После завтрака мы пошли искать этого Азери. Нашли его под грузовиком, в яме, где он закручивал гайки. Закончив свою работу Азери, вылез к нам из ямы и поздоровался. Самед представил меня и объяснил, цель нашего прихода. Азери внимательно и уважительно выслушал Самеда и сказал:

– Работа у нас, конечно, найдется, она не очень высокооплачиваемая и чистая. Скорее совсем наоборот. У нас всегда не хватает чернорабочих или помощников шоферов на грузовиках. Дело в том, что у каждого водителя грузовика есть молодой помощник, который помогает ему в черной работе по уходу за машиной.

Смекалистые сообразительные ребята могут через некоторое время, пройдя этот тяжелый путь, приобрести профессию механика или сдать экзамен на водительские права. Я пообещал подумать, попрощался с собеседниками и, вернувшись, домой, рассказал бабе Дусе о своем пребывании в гостях и о знакомстве с Азери. Она близко к сердцу приняла мой рассказ и воскликнула:

– Сынок. В жизни человека бывают случаи, когда сама судьба протягивает к нему руки, а мы не замечаем этого. Я думаю, что это как раз то, о чем ты мечтаешь. Воспользуйся случаем! Я призадумался над ее словами, полагая, что "на безрыбье и рак рыба", тем более, что другого выхода просто не было.

На следующий день я бодро зашагал на автобазу, где приняли меня на работу помощником водителя грузовика. Моим "хозяином" стал шофер Егор Васильевич. Он развозил товары по магазинам. Работа отнимала много времени. Я выполнял указания водителя, который заставлял меня что-то чистить, закручивать, выгружать и загружать, а в конце рабочего дня надо было привести на машину "шик" - "блеск". Домой я возвращался усталый, ел что-то и пил чай.

Но, несмотря на физическую нагрузку, я чувствовал моральное удовлетворение от того, что уехав из отчего дома, и живя в чужом городе, имею свой угол и буду зарабатывать. Я считал эту работу началом пути к исполнению моей мечты. Мои фантазии уводили меня далеко вперед: я был то шофером, то механиком, то хозяином автобазы. Будничная жизнь быстро отрезвила меня. Необходимость вставать ранним утром, работать с грязной машиной, чистить ее от грязи, масла и бензина, порой выгружать тяжелые товары. Но я цеплялся за эту работу, считая ее временной. Егор Васильевич ценил мой труд. Спустя два месяца он иногда на пустыре стал понемногу учить меня вождению, рассказывая о системах и деталях двигателя. Я все схватывал налету. Да и жизнь заставляла меня быть таким. Сказано, что "любишь кататься, люби и саночки возить". Егор Васильевич любил повторять эти слова. Тон моих известий родителям изменился к лучшему. Дома все решили, что я на хорошей работе, просили приехать в отпуск. Но по известным причинам, я не мог исполнить эту просьбу.

Будучи сам работягой, Егор Васильевич со временем оценил мою старательность и проявление уважения к нему, стал называть меня "сынком". Это произошло не за дни и недели, а за месяцы. В начале его "обучения" он задавал простые вопросы: как налить воду в радиатор, куда заливать бензин и т.д. Затем появились и сложные вопросы. Порой мы часами ожидали погрузки или разгрузки товаров. Эти часы не проходили без дела. Они использовались для обучения "сынка". И еще, как правило, водители получали от приемщика товара определенную мзду-чаевые. Иногда они были щедрые, иногда скупые. Но они всегда имели место. Со временем мой "хозяин" кое-что давал мне в виде какой-то нужной вещи или небольшой суммы. Так что к концу года я смог купить себе новый, пусть недорогой костюм. Однажды, во время длительной поездки я спросил: – Егор Васильевич, как, по-вашему, когда-нибудь я смогу работать водителем, получить права на вождение? Мне это разрешат?

– Конечно, разрешат, – твердо ответил Егор Васильевич.

– А когда?

– А ты не торопись. Поспешишь, людей насмешишь. Ты видишь, как я к тебе отношусь, учу тебя, ты уже имеешь некоторое понятие об автомобиле, но этого мало. Еще многое надо изучить. Что касается водительских прав, то когда дойдет дело до них, я тебе помогу. У меня есть хороший знакомый в автоинспекции. Ты должен уметь не просто водить автомобиль, а хорошо овладеть профессией. Ты умеешь крутить рулем, но этого мало. Заимей опыт, а за правами дело не станет.

Потянулись будни, день за днем срывались листки календаря, менялись времена года. Всегда что-то начинается и чем-то заканчивается. Пора работы учеником закончилась, и я с помощью уважаемого Егора Васильевича смог сдать экзамены и получить заветные водительские

права. Я овладел русским языком, выглядел москвичом, как меня напутствовал отец. "Я – шофер, водитель авто", – мысленно кричал я. Меня действительно приняли на работу на автобазе, правда, в качестве второго водителя-дальнобойщика. Автобаза имела несколько колонн, одна из них была для дальнобойщиков. Семейные водители туда не стремились, тем более, вторым лицом. А меня это устраивало – увижу мир и хорошо заработаю, – думал я. Тем более, что я не был отягощен семейными заботами, так сказать, казак, хотя и на второй роли. Я был молод, здоров, слава Б-гу, здесь я видел наяву то, что в своем поселке не смог бы увидеть. Не вдаваясь в подробности, я все время сообщал отцу о переменах в жизни. Отец гордился мною, моими достижениями, и говорил, что я очень похож на своих предков, которые достигали всего своим упорством и волей. Он не забывал предупреждать меня, чтобы я не курил и не вздумал связаться с какой-нибудь "матышкэ" (так жители Красной Слободы называли русских женщин древней профессии).

Через несколько месяцев меня перевели в разряд первого водителя. В этом качестве я совершил свою первую поездку в город Краматорск, куда отвез запчасти из московского автозавода для транспорта шиферного завода. Приехав туда, я зашел к заместителю директора завода по фамилии Шифрин. Он встретил меня с радостью, объяснив, что из-за отсутствия запасных частей часть транспорта стоит, а это плохо для всей работы завода. "Я очень рад, что ты их привез", – сказал он.

Прочитав накладные, он обратил внимание на мою фамилию и подробно расспросил меня о том, кто я и откуда. После моего ответа он хлопнул меня по плечу и сказал:

– Вот и хорошо. Мы – два еврея всегда сможем понять друг друга. На обратную дорогу я должен нагрузить твою машину товаром для того завода, откуда ты привез

запчасти. Я это сделаю, не беспокойся. Пока машину разгружают, пойдем, пообедаем, я приглашаю.

Во время обеда мы были вдвоем, без моего второго водителя, тот следил за разгрузкой. Во время обеда Шифрин сказал:

– Кроме груза по накладной, я загружу твою машину грузом для одного человека, он живет недалеко от Москвы, в Царицыно. Ты отвезешь товар моему адресату. Вот тебе конверт с деньгами, спасибо за твой груз из Москвы и за то, что ты отвезешь.

Я, конечно, понял, что речь идет о левом товаре, многие шофера занимались этим отвозом. Хотя определенный риск и был, но я подумал, что кто же станет подсчитывать груз, на который имеются накладные. Взвесив за и против, я решил рискнуть и согласился. Я взял "приятную пачку". После обеда второй шофер заправил по служебным талонам машину, которую уже загрузили и мы взяли курс на Москву. Конечно, было очень приятно ощущать в кармане сумму денег, но трудно описать страх, который я испытывал при виде гаишников. Я не раз повторял молитву о благополучии. Гаишники останавливали машину, проверяли накладные и... отпускали. Одним словом, все хорошо, что хорошо кончается. Приехав в Москву, я выгрузился у заказчика. Пока получатель выгружал груз, я присел к старушкам, которые сидели на скамеечке. Одна из них спросила:

– Ты, небось, не русский?

– Да, я с Кавказа.

– Значит, ты – кацо?

– Нет, я не грузин.

– Может быть, армянин?

– Да нет, я – еврей.

– Ты больше похож на цыгана, чем на наших евреев. Они настоящие евреи.

– Я тоже настоящий еврей. Нас называют горскими евреями.

После разгрузки получатель товара подошел к нам. Одна бабка сказала:

– Илюша, посмотри на этого парня, он, такой же как и ты городской еврей.

Илюша поправил старушку:

– Не городской еврей, а горский. А ты, земляк, идем чай пить.

С какой-то поспешностью он пригласил меня домой, где уже был накрыт стол. За столом он подробно расспросил меня: как зовут, откуда приехал, кто мои родители и т.д. После расспросов, он представился:

– Моя фамилия Симандуев, имя уже знаешь, родом я и моя жена из Дербента, тоже горские евреи. Здесь евреев не любят, для всех я просто кавказец, а кацо или армянин для них роли не играет. Они любят говорить: все кацо на одно лицо. Раз живешь в Москве, не спеши говорить о своем еврействе.

Получив такой урок, я поневоле вспомнил слова моего отца "в Москве будь похож на москвича, не выделяйся". Илюша познакомил меня со своей женой, которую звали Лея, но все называли ее Лариса. У них была дочь Света, года на 3-4 моложе меня и малолетний сын Дима. Илюша оказался очень гостеприимным человеком. С его слов он работал в магазине по торговле спиртными напитками. Клиентов у него было много. Хотя клиенты-покупатели были людьми небогатыми, зато любили выпить. За выпивку надо было платить, а денег нет. По согласию с Илюшей некоторые покупатели стали расплачиваться тем, что было у них дома (золотые кольца, серьги, изделия из янтаря и т.д.). Взамен они получали желаемое. Торг был далеко нечестным, но для Илюши очень выгодным. Никто не жаловался, каждый получал то, что желал.

После обильного застолья, мы обменялись адресами и номерами домашних телефонов. Я вернулся домой, и будни продолжились. Специально к Илюше я не ездил, но когда был заказ из Царицыно, то заходил к Илюше. Иногда он приезжал с женой или без нее в Москву за покупками. Чтобы не было тяжело, некоторые покупки он оставлял у меня, а сам продолжал свои хождения по городу. Моей хозяйке он понравился, тем более, что он приходил не с пустыми руками. Особенно бабе Дусе нравилась пахлава, которую она попробовала первый раз в жизни. Таким образом, мы все подружились.

Одним летним вечером, купив сладостей, я поехал в гости в Царицыно. Вижу Илюшу, который во дворе своего дома готовит шашлык, много шампуров. Я спросил Илюшу, не ждет ли он гостей. Он ответил, что на запах шашлыка сразу приходят соседи и просят "на пробу" кусочек мяса. Илюша, предвидя это, сразу поставил отдельный мангал. К тому же оказалось, что у Светы был день рождения, ей исполнилось 18 лет. Я был обескуражен неожиданной новостью, не мог найти причину, чтобы уехать, да и хозяин не отпустил бы меня. Имениннице надо было что-то подарить, а я не был готов к этому. У горских евреев не принято дарить книгу или безделушку, я был в замешательстве. Меня выручил Илюша. Заметив мой вид, и поняв мое состояние, он предложил мне купить у него золотое изделие по сходной цене. При этом он показал мне только золотое кольцо. Цена была низкая. Конечно, я обрадовался столь низкой цене и найденному выходу из неудобного положения. Когда гости сели за стол, начались тосты и поздравления. Дошла очередь и до меня. Я поздравил именинницу и подарил коробочку с кольцом. Света открыла коробочку и смущенно поблагодарила за подарок. Гости ели, пили, веселились. Один из них пожелал

Свете выйти замуж за порядочного молодого человека. А другой, как бы в шутку сказал:

– А вот здесь сидит ваш земляк, красивый молодой человек, вот и кандидат имеется.

Гости, успевшие хорошенько выпить, захлопали, вогнав в краску не только меня, но и Свету. Я сидел пунцовый от стыда. Заметив мое положение, Илюша умело повернул разговор в другое русло. Вечер закончился за полночь. Гости разошлись, меня уложили спать в отдельной комнате. Но я не мог уснуть, все время вспоминал разговоры за столом. Я думал, что Света – хорошая девушка, из порядочной семьи. К тому же я уже в какой-то степени знал ее характер. Я заснул с мыслями, что надо позвонить домой и посоветоваться с родными. На следующий день я так и сделал. Выслушав меня и получив сведения о семье Симандуевых, родные посоветовали дней 8-10 не общаться с Илюшей. Представляю, какая закипела работа у моих родных. Они пустили в ход все связи в Москве, Дербенте, Баку. В результате проведенной работы через неделю было собрано досье биографии Илюши.

На девятый день мне сообщили, что ко мне прилетает дядя Изя и тетя Чимназ. В указанное время они прилетели в Москву и остановились у меня. Они привезли подарки для бабы Дуси. Старушка до того была растрогана оказанным вниманием, что отвела место для тети в своей комнате и сказала, что та будет ночевать бесплатно. Дядя спал на моей кровати, а я на полу. На следующий день гости посетили Илюшу. Я не знаю, в каком ключе прошел разговор, но после возвращения тетя сказала:

– Дорогой Пардил, ты можешь встречаться со Светой у них дома, прогуливаться по городу и пригласить ее в кино.

Все было решено за меня, и я не сопротивлялся. Были встречи со Светой, откровенные беседы. В результате достигнутого взаимопонимания состоялось обручение, и

договорились о свадьбе. При этом учитывалось, что родители жениха и невесты жили далеко друг от друга, также по еврейскому календарю указано, когда можно и нельзя отмечать это торжество. Совместно решили: Илюша проведет девичью свадьбу в своем доме в Царицыно. Будут гости, музыка, веселье. Главная свадьба состоится в доме Ильяху. Туда приедут и гости из Дербента.

Как сказано, так и сделано. Все церемонии были проведены в соответствии с еврейскими традициями и прошли успешно. До свадьбы завершили заполнение брачного контракта, об обязательствах жениха и невесты. Поговорка гласит: "как бы хорошо не была любовь сама по себе, а одобренная лапшой, она все-таки лучше". Поэтому оговаривая финансовую сторону соглашения, Илюша проявил большую щедрость. За годы работы продавцом спиртных напитков он имел немало, в денежном выражении пользы от пьющих покупателей.

Прожив три недели в Красной Слободе, молодожены вернулись в Москву. Илюша приобрел для них небольшую уютную квартиру. Они были счастливы, материально обеспечены. Работа дальнотойщика позволяла не только содержать семью, но и посылать деньги родным. К тому же Илюша очень заботился о семье дочери.

Прошло несколько лет, в семье появились дети сын Йовдо и дочь Мазанту. Жизнь текла по нормальному руслу.

Но в стране появились диссиденты, в Москве стало как-то неуютно. Чаще стало звучать слово "жид". В разговорах полупешотом на кухне евреи все чаще стали обсуждать положение в Израиле и возможность выезда. Эти возможности были крайне ограничены. Все ждали перемен. И они наступили. Толчок дали американцы. 6 декабря 1987 года на огромной площади перед Капитолием в Вашингтоне собрались десятки тысяч американцев из разных штатов: афроамериканцы и белые, представители азиатских народов

и различных религий – христиане, буддисты и конечно, евреи. Все они, 250 тысяч человек дружно скандировали лозунги, среди которых была фраза: "Отпусти народ мой!" Этот призыв прозвучал уже много столетий тому назад и был обращен как требование к египетскому фараону, чтобы он отпустил еврейский народ из рабства. Теперь же этими словами призывали к освобождению советских евреев из лап советского тоталитарного режима. Эти слова дошли до законодателей и президента Рональда Рейгана. Евреи СССР получили право на репатриацию в Израиль, выезд на постоянное место жительства в другие страны. Именно с этого периода евреи ведут отсчет своей свободы, имеющей бесспорно вечную ценность.

На нашем большом семейном совете решили (конечно, единодушно) надо ехать и как можно быстрее. Мы стали собираться. Долго думали с чего начать. Надо было уволиться с работы, продать мебель и кое-какие вещи. Чтобы это продать, надо было найти покупателей. Зная о вынужденной распродаже евреями своего имущества, покупатели хотели приобрести все за бесценок. Выход был патовым. А куда было деваться евреям?

С моего согласия выездными делами стал заниматься пробивной Илюша.

После долгих проводов моя семья прибыла в долгожданный Израиль. Своим местом жительства мы выбрали святой город Иерусалим. Спустя две недели прилетел и Илюша с семьей. Началась новая жизнь. Начав свою молодую жизнь с поиска "длинного рубля" и прожив в борьбе за это, я пережив случаи невезения и неуспехи, все таки вышел не только победителем, но и достиг своей мечты. Слова моего дедушки, светлой памяти Давида "В следующем году в Иерусалиме" сильно запали мне в душу. И вот эта мечта сбылась. Поэтому я и выбрал для жизни

этот святой город. Он нам очень понравился, в самой высшей степени.

Здесь Илюша не мог сидеть праздно, он проявил кипучую деятельность. Обойдя весь город, узнав, где живут выходцы с Кавказа, он стал хозяином магазина "Кавказ" и ресторана "Дербент". Доходы от этих предприятий были хорошие.

Ресторан привлекал посетителей своими горско-еврейскими, азербайджанскими и израильскими блюдами. Мы узнали здесь, что нас называют "кавказскими евреями", но по существу это ничего не меняло. В городе было много семей выходцев из Красной Слободы. Они имели свою синагогу, встречались друг с другом и т.д., словом, была привычная среда. Что касается поговорки "Два еврея – три мнения", то, живя среди евреев города, нам не надо было к этому привыкать.

Большую моральную поддержку нам оказал, проживавший в Израиле мой родной дядя Зарахийо. Он относился к нам очень тепло. Помогал приспособливаться к местным условиям жизни, отойти от "совковой" ментальности. Будучи прекрасным рассказчиком, он с восхищением говорил о том, в какую прекрасную страну мы приехали, какие достопримечательности здесь находятся. Меня очень интересовал вопрос пребывания горских евреев в Израиле. Потому я спросил:

– Дядя, расскажи о горских евреях, джууройму. Когда они начали приезжать в Израиль? Где селились? Как жили? Есть ли среди них известные люди? Как их принимали здесь местные жители?

Зарахийо ответил:

– Вопросов ты задал много. Можно беседовать на эту тему часами, но я отвечу коротко. Кое-что тебе расскажу. Например, скажи, что ты слышал о Еврейском квартале (не просто о еврейском, а о кавказском)? Ты отрицательно

качаешь головой? Тогда слушай. Начну с того, что в XIX – начале XX века евреи Кавказа прибывали сначала поодиночке, а со Второй алии большими группами, в основном они селились в Иерусалиме.

– Как и мы, – вставил я.

– Не перебивай. Настало время, когда в городе стала ощущаться нехватка рабочих мест. Некоторые семьи решили переехать в другие города. Часть семей переселилась в молодой еврейский город Тель-Авив, полагая, что там они найдут работу. Таким образом, возле бульвара на улице Ерушалаим (ныне Ар Цион) появился Кавказский квартал. В настоящее время на этом месте разбит парк, который называется "Ганн ха-Кавкази" (Кавказский сад). В 1930-х годах рядом были построены школа и рынок, а через несколько лет автобусная станция "Тахана мерказит". Со временем обитатели этого квартала частично переселились в другие места. Сейчас там живут не только выходцы с Кавказа, но и из других стран и коренные израильтяне.

Мне было интересно слушать этот рассказ, но у меня возникали и другие вопросы, поэтому я их и задавал.

– Интересно, как себя сумели показать наши земляки? Были ли среди них известные люди? Как их встречали местные жители?

– А как ты думаешь? Ты, что не знаешь свой народ? Конечно, были замечательные выдающиеся горские евреи. Приведу пример. Героем Израиля является Егутиэль Адам. Его отец Юда Адамович прибыл с Кавказа. А он, сам служил начальником Главного управления Генерального штаба Армии Обороны Израиля. Имел звание генерала. Ты представляешь, какой это важный пост для страны, которая вынуждена была быть в состоянии войны с врагами?

Я с восхищением слушал дядю. В связи с моим языковым барьером, я заинтересовался этим вопросом.

– Дядя. Я не знаю иврита и поэтому мне тяжело общаться с местными жителями. Имеются ли слова нашего языка в иврите? Говорят, что мы разговариваем на языке, который близок к персидскому, так ли это?

– Язык горских евреев относится к группе "фарси". Корни этого языка восходят к древней цивилизации, к Месопотамии. Мы используем слова этого языка. Но многие слова полностью идентичны с древним ивритом.

– Например? Скажи два-три слова.

– Хорошо. Слово "человек" у нас звучит как "одоми", а на иврите "адам", "богатый" у нас и на иврите "ашир", также и слово "бедный" – "ани", слово "счастье" – "мозол". И много других слов.

– Дядя, а что это означает?

– А это означает, что мы – настоящие евреи, являемся потомками десяти колен Израиля, которые жили в древнем Вавилонском царстве.

Такие беседы, общение с земляками и другими людьми, а главное – осмысленное понимание своего пребывания на Святой земле, помогли нам приспособиться к новой, отличной от советской ментальности и жизни. Мы нашли свою Родину, где жили и трудились наши предки, где слово еврей писалось и произносилось без всяких приставок, европейский, азиатский, индийский, китайский или горский, бухарский.

В начале нового тысячелетия мы посетили Красную Слободу. В последующий день после прибытия мы навестили могилы наших предков и родственников. При этом нас взялось сопровождать десятка два местных жителей, хорошо знавших наш род. На кладбище мы заметили поразительные изменения. Вместо заросших бурьянов, непроходимых тропинок появились дорожки, могилы были ухожены, имели и металлические черного

цвета ограды. А как изменился весь поселок? Его трудно было узнать! Где старые трудно проходимые улицы?

Вместо этого везде обочины и асфальт. Около бывшего дома дедушки в пяти метрах от него я увидел пальму. Для Израйля пальма – обычное дерево, которое встречается и вдоль автострад и в других местах. А здесь, где раньше видели пальму только в кинофильмах? А трехэтажные дома, общественные здания и все прочее? Много изменилось! Но неизменным остался воздух, удивительный воздух родной Слободы. По-прежнему, ветерок со стороны горы Шагдаг приносил прохладу в знойные летние дни. Время нашего пребывания проходило в застольях и встречах, порой совершенно неожиданных, обязательных и "чтобы не обиделись", мы все время были чем-то заняты и поэтому отъезд наступил несколько неожиданно. Мы вернулись в Израиль.

Репатриация в Израиль. Через тернии Страны Советов на свою историческую Родину

Дети Давида любили и нетерпеливо ждали, ставшие привычными, его многочисленные рассказы. Он всегда находил время на то, что называл беседами и общением с детьми. Рассказав историю еврейского народа, он коснулся жизни в Красной слободе.

– Раньше нашей страной управлял русский царь. Жил он далеко от нас. Государство было большое, а мы жили на его окраине. Царь евреев не любил. От этого нам тоже доставалось. К тому же, местные богачи, из числа неевреев,

замучили нас своими поборами. Евреи не хотели с этим мириться, и надо было изменить положение, такой порядок. Чтобы исполнить свое желание, надо было иметь много образованных людей, которые могли бы повести за собой народ. И в 1919 году в городе Баку был создан Первый еврейский университет. Среди учащихся и учителей были также и те, кто думал о своей далекой Родине "хорриой бэбэи" – Израиле. Их называли сионистами. Они мечтали о времени, когда все евреи соберутся там, и будут жить на родной земле.

Зарахийо спросил:

– А что, если нашего соседа зовут Суин, значит он – сионист?

– Нет, конечно. В Израиле есть гора Сион. Евреи, которые жили вблизи этой горы, очень любили и защищали свой народ. Таких людей стали называть "сионистами". Так и появилось имя Сион. На нашем языке оно звучит как Суин. Так вот, слушай и не перебивай.

Зарахийо не унимался:

– Откуда ты все знаешь? А что означает мое имя? Ты, наверное, не знаешь?

Давид не задумываясь, ответил:

– Молодец, что задаешь вопросы, что тебе все интересно. Еврейские имена имеют свой смысл. Твое имя в переводе с нашего древнего языка означает "Сияние Г-да". Учение Торы нам приносит свет радости жизни, поэтому с 13-ти лет мальчики начинают изучать Тору наряду со взрослыми. Вы меня прервали, но я хочу продолжить разговор про Еврейский университет в городе Баку.

Там, среди сионистов был мой знакомый Асаф Пинхасов. Он подарил мне одну фотографию, которую я сейчас вам покажу.

У детей сразу возник вопрос:

– Раньше ты ее нам не показывал. Почему? И еще, почему

она не висит на стене?

В это время Давид из какого-то тайника вытащил фото.
– Вот она. Посмотрите! А не показывал я ее вам потому, что если бы эту фотографию увидел кто-нибудь из посторонних, то меня сразу же назвали бы сионистом, и я бы сидел в тюрьме. Хотя меня нет на снимке, но я ее храню. Это уже могло вызывать подозрения в сочувствии к сионистам. Он показал детям фотографию и спрятал ее. Спустя несколько лет эту фотографию можно было увидеть в некоторых печатных изданиях. Среди горских евреев сидит Асаф Пинхасов.

Вопросы продолжались. Тот же Зарахийо сказал:

– Ты рассказал о евреях всё, историю, имена, об Израиле и о сионистах. Но ты ничего не сказал, как живут другие народы, как они относятся к нам? По ту сторону Кудиал-чая джууро не живут, там есть лезгины, азербайджанцы, даже армяне и русские. Почему когда мы купаемся в речке, они бросают в нас камни и кричат "джууд баласы"?

Давид улыбнулся.

– Я очень люблю, когда вы часто задаете вопрос "почему". Это значит, что вас что-то интересует. Надо остерегаться равнодушных людей, того, кто ничем не интересуется.

Рассказав еще про Израиль, Давид погладил по голове Зарахийо и сказал ему, чтобы тот приготовил еще много вопросов. Этот сын потомок Мэмей, он росмышленным мальчиком. На его воспитание в большой степени влияло общение с отцом. В детстве он считал Красную Слободу самым лучшим местом для жизни. Он полагал тогда, что в других местах живут не евреи, поэтому там не может быть лучше. Он считал, что Б-г специально послал евреев на эту землю, потому что очень любит евреев.

С возрастом он узнал, что есть еще Израиль, в котором находится город Иерусалим. А когда об Израиле он узнал больше, то у него появилась мечта – посетить эту землю и

святой город. Он еще не знал, какие препоны надо преодолеть, чтобы его мечта исполнилась.

*На фото: Теодор Герцель среди кавказских евреев.
При активном участии Т.Герцеля в августе 1897г. в Базеле
состоялся 1-ый Сионистский Конгресс, в котором приняли
участие горские евреи.*

Детство проходило беззаботно. В жаркие летние дни он купался со сверстниками в Кудиал-чае, они загорали и

резвились в свое удовольствие. Чуть ниже по течению реки девушки стирали ковры, паласы, дорожки. После купания мальчики играли в свои игры, обменивались своими "товарами", например, косточками абрикосов. Если очистить косточку от мякоти, то получится прекрасная свистулька. А это уже был товар для обмена на ножичек, кусочек зеркальца или пуговку. В ход шли даже гвозди, разные черепки. Зачастую эти обмены заканчивались ссорами и обидами. Услышав истошные крики, взрослые разгоняли мальчишек. Эти "обмены" имели характерные черты в праздники. Например, во время Хануки особенно ценились волчки, в Пурим – колотушки-погремушки. Детская фантазия была широкой, кто во что горазд. Любили игру в наездники. Для этого только требовалось иметь палку, носиться на ней по улицам с криком "но, но, быстрее" и погонять кнутом своего "коня". Еще к палке привязывали какое-то колесо (большое, маленькое, не имело значения) и бегали, соревнуясь, кто быстрее добежит. Игрушек было мало, поэтому игры выдумывали.

В детстве Зарахийо тяжело болел. Врача в поселке не было, больных лечил местный лекарь, по имени Йовдодарам. Главным способом лечение проводилось одним способом, больным ставили на спину банки, причем банки не всегда были маленькие медицинские, а в некоторых случаях ставили одну большую. Иногда он "пускал кровь", то есть острым ножом вскрывал нарыв, очищая кровь. С годами детские игры закончились, и после бар-мицвы он хотел уже находиться среди взрослых, часто посещать синагогу.

Он прислушивался к разговорам и присматривался к манере поведения. Разговоры велись на разные темы, в том числе и об Израиле. Чаше всего звучали слова "В будущем году в Иерусалиме". Особенно ему нравились рассказы, в которых говорилось о победах евреев над врагами. А если

евреи проигрывали, то настроение у него падало. Но, пересказывая услышанное, он выдумывал что-то свое, дополнял повествование положительными событиями. А мальчишки гордо кричали "и дузи, и дузи" (это правда, это правда). В своих фантазиях он улетал на ковче-самолете в далекий Израиль, где живут такие же евреи, как и в родном поселке.

Таким образом, у него появилась мечта. Для ее воплощения в жизнь надо было получить разрешение властей, а его не было. К этому надо добавить, что в поселке стали распространяться различные, порой противоречивые слухи. То говорили, что как-то можно выехать, но тогда человек будет считаться изменником Родины и не будет иметь возможность, скорее всего, право на возвращение. А если человек не приживется там? Тогда что?

По другим слухам, в России есть деревня, жители которой, неевреи приняли иудаизм и сумели выехать в Израиль. Эти и другие, порой нелепые слухи будоражили народ. Зарахийо ежедневно слышал бурные споры соплеменников о выезде на Святую землю предков.

От родственника, который приехал из Баку, он услышал шутку о том, что когда к двум евреям подходит третий, то он обязательно скажет: "Я не знаю, о чем вы говорите, но ехать надо". С одной стороны шло "промыывание мозгов" советской пропагандой, а с другой, была сильная тяга к отъезду в свое еврейское государство. Возникали те или иные сомнения. Как говорят горские евреи: "Дэс э дул, дул э хэйл" (Рука на сердце, а сердце в раздумье). Соблюдая особую осторожность, люди говорили, что некоторым счастливицам уже удалось добраться до Израиля.

Окончательную точку в принятии решения Зарахийо поставил после того, когда в одну хмурую пятницу, сделав субботние покупки, он возвращался домой. Достав ключи,

чтобы открыть дверь, он заметил, что она приоткрыта. Толкнув дверь, он увидел довольно неприятную картину. В квартире никого нет, вещи валяются на полу, все перевернуто. Светлым пятном выглядела часть стены над кроватью. Раньше там висел подарок родителей – ковер ручной работы, солидной стоимости. Вскоре по телефонному звонку Зарахийо прибыли сотрудники милиции райотдела. Они составили протокол осмотра места происшествия, почему-то спросив национальность хозяина квартиры, и уехали.

Пришлось потратить деньги, купить новый замок, отремонтировать дверь и поставить решетки на окна. Что касается милиции, то расследование не дало результатов. Чтобы показать свою активность в поисках, Зарахийо несколько раз вызывали в отдел милиции, показывали какие-то вещи, коврики, но это были чужие вещи. Воров так и не поймали. Особенно обидна была потеря подарка родителей.

В эти дни пронесся слух о том, что можно обращаться к властям для получения разрешения на выезд из страны. Слухи слухами, но опасения остались. Неожиданно Зарахийо узнал, что его сосед Лэнгэ Нувах получает вещевые посылки из Израиля. Он знал, что сосед не имеет там родственников. К своему удивлению, вдруг он сам получил валюту почтовым переводом из Израиля от незнакомого отправителя. Правда, валюту на руки ему не выдали, а вместо этого дали сертификат, по которому, предъявив свои документы, он мог приобрести дефицитные импортные промышленные товары в магазинах "Березка". Конечно, в Красной Слободе такого магазина не было. Значит, надо ехать в Москву и там приобрести эти товары. А еще, думал Зарахийо, можно приобретенные вещи перепродать и хорошо заработать.

Накопив необходимую сумму можно репатриироваться в Израиль. Взвесив все за и против, Зарахийо собрал семейный совет и внес свое предложение. На совете он также высказал опасения, что вполне может быть, что государство проводит "какую-то провокацию", "вдруг все у нас отнимут". Сегодня требуют оплатить "полученное образование" и неизвестно, что потребуют завтра. Но всё же он сказал:

– У нас есть опасения. Если подумать, всегда найдется выход из трудного положения. Что такое государство? Власть. Это люди, которые решают за нас, простых граждан. А раз так, то людей можно подкупить деньгами, а если это не получится, то надо использовать большие деньги.

Несколько дней длились жаркие споры. И вдруг семья получила еще посылку. Главное впечатление это произвело, потому что посылка была из Иерусалима. Сама судьба протягивала нам руку. Прежде чем открыть посылку, Зарахийо потрогал ее, погладил, повторяя: "Это знак свыше, Божья милость, значит, безо всяких сомнений надо уезжать". Открыв посылку, они обнаружили в ней одежду, чему были очень рады. С большим удовольствием члены семьи носили одежду с ярлыком на иврите "Сделано в Израиле". У соседей это вызывало зависть, так как некоторые из них посылки не получали.

Семья сделала первый шаг на пути выезда, преодолев разногласия. Теперь надо было добиваться разрешения. А это было трудным шагом, хотя, как известно "дорогу осилит идущий".

Таким "идущим" был Зарахийо с его давней мечтой. Он поехал в Баку, побывал в приемной отдела виз и разрешений, узнал, от какого служащего зависит получение желанного документа. Затем узнал о горском еврее по имени Шолум, который имел нужные связи и за деньги мог

устроить все дела. Он помог многим соплеменникам. Зарахийо еще раз убедился, насколько была высока сила денег в те смутные времена. Трудности на этом этапе не закончились. Надо было подготовиться к выезду.

Для этого необходимо было собрать все, что надо продать и найти покупателя. А его еще надо найти, ведь многие пользовались положением человека, который уезжал и не имел возможности забрать с собой нажитое. Зарахийо должен был продать ту или иную вещь или оставить, бросить.

Одни люди, как Зарахийо, теряли, а другие, покупатели наживались. Хорошо, что можно было отправить багаж. Тут же появились "мастера", которые могли очень аккуратно складывать вещи в приносимые ими стандартные ящики. Они не работали тят-ляп, а приносили с собой все, что нужно было для упаковки и качественно выполняли свою работу. При этом они могли кое-что просто украсть. Хорошая упаковка требовала хорошей оплаты. Зарахийо видел, что деньги постепенно тают. Но семья не знала о финансовых делах, расходах, поэтому все были в хорошем настроении в ожидании отъезда.

При отправке багажа таможня придралась к часам с кукушкой, стоячие часы вековой давности. Дело с часами закончилось тем, что они вообще как-то и куда-то пропали. Чтобы не было других придирок со стороны таможенников, Зарахийо был вынужден, скрипя зубами, перенести эту горечь потери. Перед отъездом Зарахийо совместно с близкими людьми выполнил обязательный ритуал, без которого не только он, но и не один еврей не мог покинуть насиженные места. Он побывал на кладбище, где были похоронены его родные, близкие люди. Затем был долгий прощальный день. Друзья считали Зарахийо счастливым человеком. Ему повезло в том, что он жил в "удачное" время. После Шестидневной войны в 1967 году (нападение

Египта, Сирии, Иордании на Израиль) началось движение евреев за репатриацию. В начале 1978-го года, когда горские евреи начали подавать заявления о выезде, они не могли предполагать, что заявления подавались в нужное время, через несколько лет станет уже поздно. В 1979 году двери захлопнулись, и открылась ловушка для тех, кто планировал выезд. Зарахийо торжествовал, ведь он же собрался, проделал необходимую работу и мог пуститься в путь.

Дорога была нелегкой. Надо было ехать в Баку, оттуда лететь в Москву, там прожить где-то какое-то время, приобрести необходимые документы, а потом сесть в самолет, который и доставит в Израиль. Первая часть пути прошла относительно спокойно. Поездка в Баку была привычной, а купить, по благу, билет на самолет московского рейса было делом нетрудным. Приехав в аэропорт, сели в самолет и с некоторой печалью в глазах, улетели в Москву.

Необходимо отметить, что еще за полгода до выезда, Зарахийо женился на дочери Бэжеми, которую звали Мэнэн, она была красивой светлицей девушкой, поэтому ее прозвали Сипрэ Мэнэн. Они жили недалеко друг от друга, были не только знакомы, но и одержимы мечтой о жизни в Израиле. Обручение и свадьба прошли на фоне "борьбы за право выезда", поэтому были относительно скромными. Ее родители также думали выехать вслед за ними.

Прибыв в Москву, Зарахийо через знакомого нашел одного европейского еврея, который за умеренную плату дал им приют до дня вылета самолета.

Тогда из Москвы в Израиль прямого воздушного перелета не было. У Советского Союза не было с Государством Израиль дипломатических отношений. По радио и телевидению говорили, что это страна является агрессором, она оккупировала "бедную" Палестину. Зарахийо тогда

этому не верил и слушал другие "Голоса". Один факт был бесспорным – прямого вылета нет, надо выезжать через пересылочные пункты. Таковыми являлись Вена (Австрия) и далее Италия.

День вылета был великолепным. Такой день выпадает обычно во время "бабьего лета". Еще с раннего утра солнце выглянуло с края неба, засияло и начало прогонять серый туман. Капли росы заблестели, засверкали. Все выглядело прекрасным. Зарахийо чувствовал себя счастливым человеком. В душе он славил Г-да за это прекрасное утро, за его милость к нему, маленькому еврею, рожденному в маленьком и многим неизвестном местечке Еврейской Слободе Кубинского уезда Азербайджана.

Его настроение не смогли испортить никакие досмотры в аэропорту, где были всякого рода придирки, о которых потом, он даже не хотел вспоминать. Порой ему даже казалось, что некоторые чиновники низкого ранга завидовали ему, мол "ты уезжаешь, а мы остаемся в этой переживающей не лучшие времена стране". Когда объявили посадку, он не пошел, а побежал, чтобы быстрее занять свое место и поверить в долгожданный отъезд.

Посадка прошла благополучно, взревели моторы, и самолет оказался на определенной высоте над территорией бывшей географической Родины. Он летел, и с ним была память о невозвратном прошлом. Во время полета о многом передумал, вспомнил, как в нем зародилась мечта, какими путями он шел к ее исполнению, и как, наконец, она осуществилась. В самолете Зарахийо сильно задумался и не обращал внимания на других пассажиров. Был задумчив и его сосед по креслу, который позже представился, Аззи Мишиев из Дербента. Они познакомились и разговорились. Постепенно беседа стала откровенной, они стали открывать друг другу свои "секреты". Оказалось, что хотя сосед и получил разрешение на выезд в Израиль, он хочет

воспользоваться этим, чтобы ухать в Канаду. По его мнению, в Израиле жить опасно, это страна, которая всегда воюет. Канада, хотя и чужая страна, но там к евреям относятся хорошо и там есть небольшая горско-еврейская община. О таких людях говорили, что они "едут за колбасой", то есть по экономическим причинам. Но Зарахийо с этим не был согласен, он мечтал жить среди евреев на святой земле наших предков. Он, как и многие евреи, считал и был уверен в том, что в Израиле лучше, чем в Советском Союзе.

Разговаривали не только Зарахийо со своим соседом. Громко кричали, жестикулировали и другие пассажиры. Вдруг одна пассажирка встала во весь рост и под моторный гул самолета громко, на весь салон сказала:

– Послушайте! Я очень волнуюсь и не могу успокоиться. Пока я не совсем представляю, как мы все вырвались из той страны, где мы жили. А сколько людей не смогло добиться свободы. Я написала стихи и хочу прочитать их вам сейчас в этом месте. Ведь это время неповторимо, будни увлекут нас. А время получения свободы время исполнения мечты должно остаться в памяти на всю жизнь.

Она говорила и с волнением прервала свой монолог, лицо ее покраснелось, она была чудесной, эта горская еврейка. Прочитанные с вдохновением собственные стихи потрясли всех пассажиров:

Бакинские подворотни

*Бакинских подворотен запах пряный,
И горько-нежный аромат духов
Подхватит ветер вечно пьяный
Все, превратив в звучание стихов.*

*Тех встреч наивных сон дурманный
Не растревожат шорохи шагов.*

*Знакомых рук рисунок странный
Запомнится на несколько веков.*

*И постареет время кошкой дранной
Когтями круг скитаний очертив,
Не изменить судьбы порядок данный
Корявых этих строк речитатив.*

Моя мечта

*Мечта моя взлетела высоко,
Чтоб с неба с облаками подружиться,
Со стаяй птиц умчаться далеко
В других краях с ветрами подружиться.*

*Мне отпустить ее так будет нелегко,
Она чиста, есть повод поглумиться.
Ее обидеть могут глубоко,
Ей не на кого будет положиться.*

*Но я раскину руки широко
Пускай летит, куда она стремиться,
Пора освободиться от оков,
Ей не дано пока, осуществиться.*

К своему стыду и огорчению Зарахийо так и не узнал, как зовут эту поэтессу, откуда она родом, но воспоминания о ней он сохранил на всю жизнь.

Но автор точно знает, что эту красавицу зовут Эльвира Якубова, так как она является, родной племянницей Владимира Агабабаева – автора этих строк.

Прибыв в Вену, Зарахийо потерял из вида и своего соседа Мишиева. Наверное, тот уехал в Канаду. Пробыв несколько дней в Вене, они вылетели в Италию, а оттуда взяли курс на Израиль.

В салоне родного израильского самолета все было интересно: переговоры персонала, надписи на иврите и даже еда, продукты, из которых она была приготовлена, казались вкуснее, чем аналогичные тем, которые были там, откуда мы летели. Среди стюардесс была одна русскоязычная девушка. Она помогала в переводе с иврита на русский язык, и все время была как бы на подхвате, помогая пассажирам. Все повторяли слова знакомой песни "Хава нагила", которая звучала в самолете. Музыка прекратилась, и прозвучало объявление на русском языке: "Господа пассажиры! Сейчас мы раздадим вам бланки анкет. Не беспокойтесь, они на русском языке. Вопросы понятные, если что-то будет не ясно, мы вам поможем и все разъясним. Вы должны заполнить бланки и отдать их стюардессе. Когда объявят посадку, не толпитесь в проходе. Первыми из самолета выходят члены экипажа. После выхода из самолета, следуйте прямо в зал ожидания. Там вас встретят служащие министерства абсорбции. Рассаживайтесь и ждите вызова. Услышав свое имя и фамилию, подойдите к указанному окошку и отвечайте на вопросы служащего. Не волнуйтесь, вопросы несложные и на русском языке".

Пассажиры зашевелились, стали обмениваться мнением относительно услышанного, и начали заполнять анкеты. Вопросы действительно оказались несложные, вполне понятные и анкеты были вскоре заполнены. Потом опять зазвучала приятная музыка.

Неожиданно для Зарахийо прозвучало объявление: "Анахну бе намаль атеуфа Бен Гурион". Зарахийо ничего не понял и даже слово "Бен Гурион" не уловил. Но он увидел, что в салоне началось движение. Стюардесса тут же перевела: "Мы совершили посадку в аэропорту имени Бен Гуриона". Тогда все и началось. Хотя слова на иврите и не были понятны горским евреям, все равно они звучали

величественным гимном в ушах. Затем голос из громкоговорителя спросил: "Еш кан мишеху ше мэдабэр русит?" (Есть кто-то, кто говори по-русски?). Такие ивритоязычные люди нашлись. Один немолодой мужчина подошел к Зарахийо с приятной улыбкой и сказал:

– Шалом! Добро пожаловать в Израиль! Хош омери!

Зарахийо расчувствовался от такого теплого, неожиданного для него приема и ответил:

– Спасибо! Шалом! Эз кийойи ту?

Незнакомец засмеялся и сказал:

– Шалом! Шалом! Я не кавказец, а сабри. Ани мевин кцат русит (Я немного понимаю по-русски). Ани – Мордехай.

Зарахийо понял, что мужчину зовут Мордехай, и в свою очередь представился. Между ними состоялась короткая беседа с использованием жестов. Мордехай повел его в зал для оформления документов и распрощался. После исполнения всех формальностей, с помощью переводчиков, Зарахийо уже выглядел, как выжатый лимон. Сказалась усталость от трудной дороги, новых впечатлений, неизвестности того, что ожидало впереди. Зарахийо выглядел потерянным.

Что касается общей картины, то встреча прибывших евреев была обставлена тепло и красочно. Радостные возгласы приветствий в аэропорту, музыка, угощения, объятия. Местные евреи, сабры встречали своих соплеменников так, как могли встречаться братья-близнецы. Трудно передать дружелюбную атмосферу, которая царила в аэропорту имени Бен Гуриона. Некоторые прилетевшие евреи от радости целовали Святую землю, на которую они, наконец, вступили. В будущем не одно поколение евреев будет вспоминать об этом, воистину эпохальном событии. В какой-то степени оно напоминало вступление первопроходцев на землю страны, им предназначенной.

Итак, Мордехай оставил Зарахийю в зале ожидания и показал на уши, подразумевая то, что надо внимательно слушать радио. Никаких очередей около окошек не было.

Люди спокойно подходили, получали документы и отходили. Зарахийю услышал свое имя и фамилию, подошел ко второму окошку. Беседа с ним велась на русском языке и не вызывала затруднений. Он получил необходимые документы, информацию о правах репатриантов, чек на 5 тысяч шекелей на расходы, а также тысячу шекелей наличными. Ему сказали: "Так как вам негде остановиться, мы направляем вас в гостиницу. Вы должны выйти из зала на автомобильную стоянку, там стоят такси, подойдите к свободной машине, дайте адрес водителю, и он доставит вас до гостиницы". Все шло спокойно и деловито. Никак не ощущалось, что человек находится за границей и не знает местного языка. Он подошел к одной машине, водитель встал у дверей и, заметив вещи, уложил их в багажник. Только затем спросил, знают ли они иврит. Увидев отрицательный кивок Зарахийю, он дружески похлопал его по плечу, улыбнулся и с кем-то переговорил по телефону. После коротких переговоров, он протянул трубку Зарахийю. Голос из трубки звучал по-русски. Таким образом, водитель и пассажир могли объясниться. А дальше он поселился в удобном номере гостиницы.

На следующий день, хорошо отдохнувший Зарахийю с семьей, уже ехал в автобусе Тель-Авив – Хайфа. Они буквально прильнули к окнам. Мелькавшая панорама захватила их. Это был другой мир, неизвестный, он был не похож на прежний. Их поразили пальмы, разделявшие две гладкие асфальтированные половины дороги. Пальмы росли посередине и напоминали стражей необычайно красивой страны Израиль. Проносившиеся перед глазами пальмы напоминали Зарахийю ту одну единственную пальму, которую он видел в своей жизни. Та пальма росла одиноко

у входа в сквер "парапет" в Баку. Зимой от холода ее укрывали полиэтиленом.

В дальнейшем периоде своей жизни Зарахийо обычно рассказывал о своих беспокойствах при приезде в Израиль:

– Я родился и жил в Красной Слободе, знал своих односельчан, ни разу не летал на самолете, да и видел его только высоко в небе тоже нечасто. За границей не бывал, их языков не знал. Много чего не видел и не слышал. И вдруг оказался в другой стране, хотя она и является "землей предков", иврит не изучал. Меня удивило, что нас так доброжелательно встретили, дали деньги и кров, оказывали разную помощь. Это надо высоко ценить, любить свой народ, защищать такую страну. Несмотря на тысячелетнюю давность, родная еврейская земля ласково принимала своих детей-изгнанников.

Итак, Зарахийо устроился в гостинице, прекрасно выспался и на следующий день вышел на улицу. Настроение было превосходным. Деньги в кармане имелись. В первую очередь он зашел в банк, чтобы открыть счет на свое имя. Еще в гостинице он узнал, что слово "счет" на иврите читается словом "хешбон", а слово "открыть" – "лифтоах". Поэтому, зайдя в банк, он подошел к окошечку и произнес записанные на бумажке слова:

– Понимаете, лифтоах хешбон?

Служащая банка улыбнулась, когда увидела смущенное лицо и услышала произнесенные слова:

– Говорите по-русски, не смущайтесь. Я выпишу вам чековую книжку и расскажу, как ею пользоваться.

Зарахийо поблагодарил ее и с чековой книжкой, о которой ранее не имел никакого представления, вышел на улицу. То, что он там увидел, тоже поразило его. Тут и там в глаза бросались вывески не только на иврите, но и на русском языке. Вывески весели на входах в различные конторы. Одни предлагали помощь в трудоустройстве,

другие оказывали помощь в съеме квартир, третьи могли помочь в медицинском страховании и т.д. Казалось, что эти конторы могут оказать людям любую помощь. А какое-то общество предлагало записаться к ним коллекционерам значков, монет, гербов городов и много другого. Постепенно он узнал, что везде были посредники (метавхим), без которых проситель не мог удовлетворить свою просьбу. Посредники занимались буквально всем. Например, даже если человек хотел устроиться сторожем в магазин. Зарахийо так и не понял, зачем нужны эти посредники. В Красной Слободе люди находили работу через отделы кадров колхоза, совхоза, поселкового совета и любого другого учреждения.

Счет в банке помог им в оплате небольшой квартирки в двухэтажном доме. Относительно быстро Зарахийо трудоустроился. Он нашел столярный цех, где хозяин, марокканский еврей предложил ему работу разнорабочего, типа работы по принципу "бери-подай". Особых знаний не требовалось, была только физическая нагрузка, которая заставляла к вечеру основательно устать. Со временем хозяин не только заметил усердие Зарахийо, но между ними установились дружеские отношения. Они с интересом слушали друг друга, расспрашивали о жизни родителей, дедушек и бабушек. Находили общие традиции, а также и различия в обычаях, еде и т.д. Это также сближало их.

Зарахийо пересел на автопогрузчик и перевозил по цеху необходимые товары и ящики. Он так и проработал на одном месте, у одного хозяина. К слову сказать, свое 60-тие он встретил там же. Что касается Монэн, то она быстро овладела ивритом и сносно разговаривала на нем. Пройдя соответствующие курсы, она стала работать в лаборатории, а значит, начала получать стабильную зарплату. Вот так устроилась семья горского еврея, не то, что богато, но как говорится, "жить можно".

Любой переезд, тем более в другую страну на постоянное местожительство, заставляет человека ломать свою судьбу. Он чувствует себя неуверенно, не всегда может реализовать свои знания, способности. Некоторые начинают впадать в депрессию. Если раньше они имели привычный уклад жизни, они стремились к нему и здесь. Хорошо если в стране были родственники или знакомые, если судьба давала возможность использовать свои знания, профессию.

С годами выезд в Израиль то запрещали, то разрешали вновь. Изменились маршруты полетов самолетов. Репатриация евреев стала обычным делом. В 1989 году Зарахийо получил известие о том, что в Израиль приезжает внучка двоюродного брата Ливго с мужем и двумя детьми. Переезд состоялся, семья постепенно адаптировалась в новой жизни. Ливго подробно описала проделанный путь:

– Волнения при подготовке к выезду, оформление документов, сдача багажа и все остальное – всем известно. Скажу, что торжественные проводы состоялись в ресторане "Баку" на улице Горького в Москве. После этого торжества семья не выспалась и тронулась в далекий путь. Нам было предложено лететь через Будапешт или Бухарест. Мы выбрали Бухарест. Таможенники попались придирчивые и "лишние" золотые украшения пришлось оставить у родственников. Наконец, сели в свой вагон. Расположившись в купе дети, да и мы сами завалились спать. Затем был пограничный контроль. Он прошел удачно, хотя пограничники придирчиво осмотрели не только документы, но и все помещение купе. Они даже отвинтили плафоны и искали другие, на их взгляд, возможные тайники. Хотя мы ничего не скрывали, было все равно страшно. Приехав в Бухарест, устроились в гостинице, а на утро вышли в город погулять. В центре города было многолюдно. Можно было услышать русскую

речь. Это помогло нам найти достопримечательности и посетить их. За обед и покупки мы расплачивались долларами, чем вызвали удивление продавцов. Сначала они приняли нас за американцев, но, узнав, что мы "русские", стали смотреть на нас несколько свысока. Во второй половине дня на главной площади стали собираться люди, был митинг, а мы вернулись в гостиницу.

Когда мы приехали в аэропорт в Бухаресте, то там тоже натерпелись страха, так как нас почему-то охраняли военные с автоматами. От кого и почему мы нуждались в охране, было непонятно. Успокоились только в самолете. Полет прошел успешно, даже смогли подремать немного. Подлетая к Тель-Авиву, мой муж Ливи сказал:

- Ну, Ливго, готовься, сейчас состоится бурная встреча, транспаранты, лозунги, митинги. Причеши детей, да и сама приведи себя в порядок, мы должны выглядеть парадно.

После полета, спустившись с борта самолета, в это темное время суток мы были несколько шокированы увиденным. Полупустой аэропорт Бен Гурион выглядел обыденным, никаких транспарантов, лозунгов, митингов и даже не было дяди Зарахийо. За некоторыми прилавками стояли продавцы, которые говорили по-русски:

– Угощайтесь напитками и бутербродами. Сегодня все бесплатно, а завтра надо будет платить.

Когда оформляли документы, нам задавали вопросы:

– Вам есть к кому ехать? Встречают вас?

Затем нас устроили в гостинице. Позже мы узнали, что дядя в это время заболел и очень переживал, что не смог приехать в аэропорт. Вскоре встреча с дядей состоялась, а с этим пришло и большое облегчение и с жилищным вопросом и с другими сопутствующими проблемами.

Урил открыл для себя Америку

Иммиграция в США

В 1980 году внук Давида 30-ти летний Урил с женой и сыном решил уехать в Израиль. Встал вопрос, как получить желаемое разрешение. Поиски практического решения вопроса оказались неутешительными. Из московской газеты "Зеркало" они узнали, что началась война с Ираком. Склады (снаряды) Садама Хусейна падают на израильскую территорию. Советское государство не имеет дипломатических отношений с Израилем, а за всякого рода документами, необходимыми для любого выезда в Израиль, надо обращаться в голландское посольство.

Путь долгий и непонятно насколько он перспективный. Решили, что можно ехать в Соединенные Штаты Америки в "гости", а там видно будет, как уехать в Израиль. Обратились в Бакинский ОВИР и получили визу на шесть месяцев. Виза была выдана на основании приглашения американской мифической двоюродной сестры жены. Если в сталинские времена главным лозунгом считалось "Кадры решают все", то теперь в 1980-х годах появился другой "Деньги решают все". Деньги решали, казалось бы, неразрешимые вопросы. Главное было, в чью "лапу", через кого и сколько надо дать. Остальное – дело техники. Словосочетание "надо ждать" (например, в приемной чиновника, врача, юриста и т.д.) Можно произносить, имея в виду, разный смысл, двояко: "надо ждать" – то есть какое-то время, и как "надо же дать" (необходимо дать деньги). Люди привыкли к этой "традиции" и поэтому оставался только один вопрос: сколько?

Выезд состоялся под Новый год, за две недели до этой даты. Для Урила не было неожиданностью, когда на

таможне оказалось, что таможеннику хочется отметить наступающий Новый год, а зарплата маленькая, и он даже не может выполнить желания детей. В этой связи ему стыдно смотреть в глаза своим детям, которые очень ждут подарки на Новый год. Чтобы отец не был "опозорен" перед семьей, некоторая сумма в долларах перешла из одного кармана в другой. Таможенник повеселел и быстро поставил желанный штамп. Для Урила это означало, что он может находиться на территории США шесть месяцев. Посадка в самолет прошла благополучно. Рейс был прямой, только с одной остановкой в пути. Урилу понравилось обслуживание пассажиров, хорошее питание, музыка в радиосети и т.д.

Приземлились в аэропорту Кеннеди. Поразило то, что когда экипаж проходил на выход, то все время они деликатно повторяли "эскьюз ми". Оказалось, что это слово переводится как "извините". Теперь Урил знал по-английски уже три слова: "хай", "о,кей", и "эскьюз ми". С таким "богатым" словарным запасом он вступил на американскую землю.

Аэропорт показался грандиозным строением, очень многолюдным. Урил, его жена Шошана и сын Нисим несколько минут стояли в растерянности, пока пришли в себя от этого первого впечатления. Пройдя все досмотры и закончив бумажные дела они, наконец, вышли в пассажирский зал ожидания, где их ожидал близкий человек с трехлетним опытом жизни в США. Это был Симон. Встреча была бурной, радостной. Объятия, поцелуи и слезы от избытка чувств были долгими.

По дороге из аэропорта до дома, гости с восторгом смотрели по сторонам. Перед ними проносились не одноэтажные дома, которые описаны в книгах об Америке, а прекрасный Манхеттен с Башнями Близнецов, высотные здания, непохожие друг на друга. Дорога шла вдоль

широкой реки Гудзон. На противоположном берегу высилась громада небоскребов. Было такое чувство, будто все это видишь во сне или во время просмотра кинофильма. Трудно описать словами наше восхищение происходящим.

По дороге, Симон комментировал увиденное нами. В квартире Симона Урилу с семьей была выделена отдельная небольшая комната, в которой они и расположились. Вечер провели за накрытым столом и в многочисленных воспоминаниях. Все время раздавались возгласы: "А помнишь...?", "А как живет...?" и другие бесконечные вопросы.

Две недели они теснились у Симона. Все познания Урила о Нью-Йорке сводились к тому, что в городе есть русскоязычный район Брайтон, там все говорят по-русски и можно даже услышать "родной" мат. Американцы этот язык не знают и ничего не понимают. Вывески в этом районе на ресторанах, магазинах, аптеках и т.д. естественно на русском языке. А еще, есть улица Рашен парквей, хотя официальное ее название "Ошен парквей" (англ. слово океан – читается ошен).

На первый взгляд американцы не то, что наши, они какие-то странные.

Родственники быстро нашли им относительно дешевую студию. Не подумайте, что студию художника, скульптора и т.д. Эти странные американцы так называют квартиру. Осмотрев квартиру, Урил обрадовался, решив, что квартира – это уже пристанище, хотя и на несколько месяцев. Беспокоило то, что в квартире не было мебели. К удивлению этот вопрос решился самым необычным образом. Еще до въезда в пустую студию Симон сказал:

- Урил, готовься. Завтра пойдем в "универмаг" за мебелью.
- А ты что, такой богатый, что купишь мне мебель или дашь займы денег? Не надейся. Я просто не смогу вернуть тебе долг.

Симон рассмеялся.

– В наших "универмагах" деньги не берут. Филантропы освобождаются от своей мебели, не требуя платы. Берешь все, что хочешь из увиденного. Только туда надо идти пораньше, так как таких желающих, как ты, много, к 9-10 часам все разберут.

После такого разговора Урил и его жена долго не верили, что это может быть. До утра они не сомкнули глаз. Такой ситуации советские люди не могли себе представить. Урил опять подумал, что от странных американцев можно ожидать, наверное, и не такого. Урил почистил свои ботинки, надел костюм и галстук. Он был выбрит и готов идти к благотворителям. Все имеет свое начало, как говорил мудрый царь Соломон, есть время загадывать желания, и есть время их исполнения. В 7 часов утра в дверь постучали, и они услышали голос Симона:

– Урил, слышишь? Надо идти, одевайся быстрее, потом будет поздно.

Урила не надо было торопить. Он надушился одеколоном, поцеловал спящую жену и вышел. Жена окончательно проснулась и стала просить Б-га, чтобы он помог мужу. Симон сидел в маленьком грузовичке, и, увидев Урила, засмеялся:

– Ты, что идешь к Президенту на апоймент?

Урил обиделся, тем более, что он не совсем понял сказанное, он оглядел свой костюм и стал искать какой-то изъян. Симон понял его состояние и сказал серьезным тоном:

– Ты извини меня. Я тоже подготовился к сегодняшнему дню. Взял «в рент» на прокат грузовик, чтобы отвезти мебель.

Урил сел в кабину рядом с Симоном, и они поехали. Какого же было удивление Урила, когда они подъехали к "универмагам". Грузовик остановился около одного дома.

Вдоль дороги на обочине в черных мешках лежал мусор. Среди гор мусора тут и там лежали или стояли столы, стулья, комоды и другие предметы мебели, вплоть до громоздких диванов. Урил стоял, почти, разинув рот от удивления. Симон сказал:

– Слушай, закрой рот. Ты не в Красной Слободе. Здесь Нью-Йорк, Америка. Поэтому ничему не удивляйся. Здесь многие, в особенности итальянцы, обновляют свою мебель. Порой попадаются вещи, которыми почти совсем не пользовались. Теперь быстрее за работу! Ты выбираешь, загружаем. И нам выгодно – приобретение мебели бесплатно, а уборочным машинам останется меньше работы, меньше мусора будут выбрасывать на свалку. Ты не беспокойся, наступит время, даст Б-г, и ты будешь обновлять мебель!

Изумленный Урил спросил:

– А ты говорил пойдем в "универмаг".

Симон с улыбкой ответил:

– А как ты позволишь назвать такое скопление разнообразных товаров? Может быть, "Салон мебели"?

Урил не ответил, он стеснялся сначала проходивших людей, подбирать что-то на улице, а потом подумал, что заметив его действия, полицейские смогут арестовать его, уличив в воровстве. Затем увидев спокойствие и уверенность своих "коллег", он стал быстрее и энергичнее "работать". Объездив несколько "универмагов", они доставили мебель домой. Вновь обставленная квартира стала выглядеть уютной. Супругам это понравилось, и они выразили желание и в будущем совершать подобные рейды.

Как потом узнал Урил, один энергичный бывший одессит, по прибытию в Америку, в первую очередь купил грузовик и всегда с двумя бывшими соотечественниками собирал мебель из "универмагов". Их было много особенно в Бенсерхосте, районе проживания итальянцев в Бруклине.

Он привозил в "арендованный" гараж: диваны, обтягивал их новой тканью и продавал, как новые. Цену он запрашивал ниже, чем она была в мебельных салонах. Бизнес процветал, а хозяин богател.

По словам хозяина студии, которую арендовал Урил, он сделал ремонт. На деле оказалось, что ремонт был чисто косметический. А что это такое он начал понимать в первую же ночь. Оказалось, что кроме него в квартире живут и другие "незванные жильцы". Ночью Урил проснулся в каком-то тревожном предчувствии, выйдя на кухню, он включил свет и увидел, что светло коричневый стол почему-то почернел. Подойдя ближе Урил, застонал. По всему периметру стола ходили усаые "австрийцы".

Успокоило его то, что в стране, из которой он приехал, тоже были тараканы. Но там они были "социалистические" – худосочные. Здесь же "капиталистические, буржуазные" – толстые.

Утром Урил все рассказал жене и увидел ужас на ее лице. Но не рассказать совсем, он не мог. Они решили "объявить тараканам войну". В ближайшем супермаркете они купили "оружие для уничтожения тараканов". Ведь в Америке так же как в Греции – все есть. Возникли, правда, затруднения в языке, но среди сотрудников неожиданно нашлись русскоязычные, которые и помогли решить проблему. Бои с насекомыми велись с переменным успехом, окончательной победы не было. Стоило уничтожить некое количество тараканов, как появлялись их усаые сородичи из соседней квартиры (справа, слева, сверху, снизу). Они немедленно приходили на смену уже убитым.

Были и другие "прелести" вышеуказанного ремонта: засоренный туалет, "идеальная" звукоизоляция, которая позволяла узнавать обо всех секретах соседей. Вот когда понадобилось знание английского языка. Мы узнали и о "замечательных" свойствах ковролита – хранить старые и

новые пятна. Да и еще многие другие "мелочи". Все это действовало на нервы. Но Урил не знал, куда идти жаловаться, не знал, где находится ЖЭК (жилищно-эксплуатационная контора). Единственным источником информации был для них Симон. Ему и было все высказано. Тот лишь посмеялся над их наивностью:

– У нас в Америке ЖЭКа нет. Для тебя хозяин и сантехник, и электрик, и все другие специалисты вместе взятые. Надо обо всем сообщить ему и если это порядочный человек, то он пришлет нужного специалиста. В основном хозяева жульничают, делают все, чтобы не тратить свои деньги.

Жизнь постепенно налаживалась, но было еще много забот и вопросов, которые надо было решать. Познакомились с соседями по дому. Супером (смотрителем дома) оказался турок, с которым можно было разговаривать по-азербайджански, но всё равно понимания не возникало. Соседкой по этажу была иранка, давно жившая в США. Ввиду схожести языка джуурой с фарси с ней можно было объясниться. Среди новых знакомых оказался европейский еврей из Ленинграда Марк, который прекрасно владел английским и русским языками. В беседах с ним выяснилось, что если Урил подаст просьбу о том, что он хочет остаться в Америке по политическим убеждениям. Он сразу получит разрешение на работу, через какое-то время (2-3 месяца) его вызовут на интервью, где будет рассматриваться вопрос о дальнейшем пребывании в США. Урил задал вопрос

– Как я буду отвечать на вопросы, если я не знаю английского языка?

Марк его успокоил:

– Ты не беспокойся, я пойду с тобой. Думаю, что все будет Окей. Только ты должен сказать сейчас, сколько денег ты мне дашь за помощь. Они немного поторговались и

остановились на сумме в 500 долларов, 250 заранее, остальные позже.

Вскоре Урил и его жена получили разрешение на работу и дату апойтмента (в данном случае – интервью), через месяц. Этот месяц Урил готовился к вопросам интервью, для этого существовала специальная брошюра на русском языке (вопрос-ответ). Но оказалось, что помощь Марка заключалась в точном переводе с английского, которым Урил не владел и в "точном" ответе на русском, которым "экзаменатор" не владел. Одним словом, желаемое не было достигнуто. 250 долларов пропали. Жизнь продолжалась.

Дом, в котором находилась студия Урила, был многонациональным, в том числе и многоязычным. Только среди представителей еврейского народа среди жильцов были грузинские, горские, бухарские евреи и "примкнувшие" к ним таджики, узбеки, молдаване и др. некоторые из них не владели не только английским языком, но даже и "великого и могучего" не знали. После того, как расширился круг знакомств, Урил заметил, что его квартира превратилась в продовольственную лавку. А как это произошло, читатель может понять, если вспомнит свою прежнюю жизнь в Советском Союзе.

Народ привык к тому, что все продукты питания люди не покупают в открытой торговой сети, а они "достаются" в этой торговой сети. После каждого завоза товаров продуктов выстраивается длинная очередь у входа в магазин. А раз очередь, значит надо вставать в очередь, записывать номер и обязательно ругаться, стоя в ней, так как всегда находились "смелые", которые пытались пролезть без очереди. Правда, была и другая очередь, намного короче, которая стояла к противоположному входу, то есть к входу на склад магазина. В ней собирались люди, которые "по благу" (по знакомству) получали желаемое без нервотрепки, но по завышенной цене.

С таким "багажом опыта" и приезжали бывшие граждане Советского Союза, ныне имевшие различные статусы беженцев, постоянных жителей, "висевшие в воздухе" и т.д. все устраивались по-своему.

А вот как устроился Урил. Однажды к ним зашла соседка Зохра, бывшей уроженка одной из среднеазиатских республик. Во время чаепития она вдруг спросила:

– А у вас сахар есть?

– Есть немного, где-то полпачки.

Зохра улыбнулась:

– Вы что? Только полпачки? Срочно купите несколько пачек. Вы что не слышали, что США и Куба – Фидель Кастро, не дружат? А что это значит? Это значит, что скоро будет дефицит сахара. Поверьте мне, надо обязательно запастись сахаром. Уж я это знаю по себе.

На следующий день утром Урил и Шошана посетили ближайший супермаркет. Хозяин магазина пакистанец удивился количеству закупаемого сахара и несколько раз повторил, что он очень признателен им за то, что посетили его магазин и надеется, что они придут вновь.

Урил пережил еще одну "издержку" прошлой жизни. Новый знакомый, жилец их дома, сидя во дворе на скамеечке, вспоминал, как плохо жилось раньше, так как у него в Грузии было много трудностей с "доставанием" необходимого для жизни. Урил поддакивал и вспоминал о своих проблемах, оба радовались изобилию в американских магазинах. Потом Зораб, так звали знакомого, вдруг помрачнел и, вздохнув, сказал:

– Земляк, ты слушал радио? По радио объявили, что Парагвай отказался поставлять нам чай и поэтому надо запастись чаем.

Естественно, утром они были в супермаркете, где их приветливо встретил продавец:

– Хай, раша! Плиз!

Дальше супруги не поняли и жестами объяснили, что они хотят купить. В результате этой беседы чай был закуплен про запас. Им опять сделали подарок – две пачки чая.

Вот таким образом делая покупки, квартира превращалась в продовольственную лавку, пока не наступило прозрение, и Урил понял, что здесь дефицита нет. С годами цены на продукты менялись, правда, только в сторону повышения.

В одном повезло Урилу и его жене. В год их приезда в США люди могли легко получить разрешение на работу. Без этого официального разрешения работать было нельзя. В тоже время это предполагало, что работающий человек обязательно должен платить налоги. Люди открывали счет в банке и поэтому зарплату получали в виде банковского чека.

Как большинство приезжих женщин, Шушана пошла искать работу по уборке квартир. Она нашла работу по присмотру за больными людьми. Ей предлагали такую работу с проживанием, на 8 часов и меньше. Шушана окончила курсы и стала работать по 8 часов. Ей попалась больная старушка, бывшая москвичка, учительница английского языка. Они быстро нашли общий язык. Шушана сама любила порядок в доме и работала добросовестно. Ее подопечная оценила это и их взаимоотношения скорее напоминали отношения матери и дочери. В свободные время Фаина, так звали старушку, стала обучать Шушану английскому языку. Таким образом, к обоюдному удовольствию, время шло незаметно.

Что касается Урила, то с работой ему повезло больше. Дело в том, что в те годы некоторые русскоязычные приезжие из разных городов Советского Союза имели некоторые суммы денег. Они открывали мелкие пошивочные мастерские. В Бруклине их было много. В этих мастерских работало, как правило, 20-30 человек. Все

работники были русскоговорящие. Мастерские были в основном в огромных многоэтажных домах. Мастерская, в которую устроился Урил, была в большом помещении, там стояли швейные машины, за которыми работали русскоязычные женщины. Среди них были как легальные, так и нелегальные приезжие. Хозяева, Саша и Славик (еврей и русский) были одесситы. Документы они не спрашивали, платили мало, если кто-то возражал, его просто выгоняли. Желающих работать было много. Дверь в помещение мастерской всегда закрывалась на внутренний замок. Снаружи была кнопка звонка.

Урил не был портным, поэтому он устроился на работу, которая не требовала никаких профессиональных навыков. Надо было весь день, стоя за столом, утюжить производимые товары, в основном это были предметы одежды. За работу он получал 80 центов в час. Это было лучше, чем совсем не иметь денег. Недельную зарплату получали "кеш" — наличными деньгами. А Урил, боясь нарушения законов США, получал зарплату чеками. Это нравилось хозяевам, потому что такие люди тоже были нужны.

Работники, которые получали "кеш" в списках не значились и поэтому налог за их работу государство не получало, а все шло в карман хозяев. Урил был законопослушным. Проработав там полгода, Урил ушел в другую такую же мастерскую, но уже на работу за 1 доллар и 20 центов в час. Здесь работа заключалась в том, что готовую продукцию надо было развешивать на специальные вешалки. У него начала болеть спина, ведь весь рабочий день надо было стоять и развешивать продукцию. Он должен был "стоячую" работу поменять на "сидячую". Хозяин мастерской, болгарин владевший русским языком, предложил ему работать чистильщиком.

Эта работа заключалась в том, что Урил используя мощный поток воздуха, отрезал нитки на краях рукавов и подолов рубашек, юбок, маек, трусов и других вещей, сшитых в мастерской. Во время работы разговаривать запрещалось. Оценивалась эта работа в 1 доллар 80 центов в час. Если заказчики, которые в основном были американские евреи, обнаруживали брак (необрезанные нитки), то они заставляли "дочищать" продукцию, а хозяин вычитал с зарплаты Урила. Хотя минимальная зарплата предусмотренная законом тогда составляла 4 доллара 25 центов в час, в мастерской никто не получал такой суммы. Пошивочные мастера получали за количество сшитой продукции, но в итоге получалось, что более 3 долларов они не зарабатывали.

"Больным" вопросом была медицина. Лечение стоило дорого. По тогдашним законам государство обязало работодателей давать своим работникам страховки, но в этих мастерских слово "страховка" просто отсутствовало. Работники не могли возмущаться. Во-первых, они просто не знали об этом, во-вторых, у хозяев был один ответ: "Не хочешь работать, не задерживаю!" Рабочих рук было много, а китайцы, мексиканцы и другие получали и того меньше. Так что, все вынуждены были держаться за свои рабочие места.

Естественно, что все эти мастерские были частными, а их хозяева стремились лишь к одному – побольше заработать. Они хорошо знали крылатое выражение "Деньги не пахнут".

Шушана работала "home attendant" по уходу за пожилыми и больными людьми и зарабатывала 7 долларов в час. Больше всего работники боялись заболеть или получить травму. Все говорили, что в США медицина очень дорогая.

Вскоре Урил на себе почувствовал эту "прелесть". Однажды, на работе он получил травму. Кто-то поставил на край стола тяжелый утюг, который упал ему на ногу. С большого пальца ноги, в месте ушиба пошла кровь. Хозяин увидев случившееся, сказал:

– Урил, я повезу тебя в госпиталь. Предупреждаю, ты должен сказать врачу, что ушиб получил дома, ни в коем случае, не на работе. А еще лучше, если говорить буду я.

Урил согласился, боясь, что он может лишиться места работы. К тому же он слишком слабо владел английским языком. В госпитале ему оказали помощь и перевязали место ушиба. Его обязали прийти на следующий день для перевязки. Итого, он дважды посетил госпиталь. Какого же было его удивление, когда через неделю он получил счет на 700 долларов. Чтобы заплатить эту сумму он должен был работать не менее месяца.

По совету своих товарищей по работе он поехал к администратору госпиталя. Тот направил Урила к финансовому инспектору. Между ними состоялся разговор, который может состояться между глухим и немым. Сказывался языковой барьер. Урил обратил внимание на то, что фининспектор смуглый человек, похожий на одного артиста из индийского фильма и неожиданного спросил:

– Are you from India?

– Yes.

– You Radz Kapur?

Заметив удивление инспектора, Урил добавил:

– Я люблю индийское кино. Там играет артист Радж Капур. Фильм называется "Бродяга".

И запел один куплет из песни из этого фильма.

Необходимо заметить, что в те годы в Азербайджане были очень популярны индийские фильмы "Индийская гробница", "Бродяга" и многие другие. Их смотрели по несколько раз, и содержание знали наизусть.

Сикх, так звали инспектора, стал подпевать и после продолжительного смеха написал на листе бумаги "No 400\$, yes 30\$. OK". Урил понял, что он может заплатить не 400 долларов, а 30. Сделав утвердительный кивок головой, он получил квитанцию на 30 долларов. Поблагодарив Сикха, Урил заплатил в кассу 30 долларов, и выяснилось, что ему оказали еще одну важную помощь, он получил карточку постоянного пациента госпиталя. Карточка предоставляла различные льготы. В частности на приобретение лекарств в аптеке госпиталя. Если в городских аптеках цены на лекарства доходили до 120 долларов, то здесь по рецептам врачей госпиталя надо было заплатить, лишь 5 долларов. Урил долго пользовался этими льготами.

Бывшие граждане Советского Союза: старики и больные в Америке чувствовали, что государство о них заботится. Среди них попадались и озлобленные люди и любители побрюзжать, но и наоборот, добрые и душевные люди. У каждого своя судьба, свое везение, удача или поражения. В один из осенних дней во время ужина Шушана спросила Урила:

– А ты сможешь работать как я – хоматентой? (уход за пожилыми и больными людьми).

Урил удивился:

– А почему ты спрашиваешь? Предлагаешь мне работу в банке?

– Да нет. Я же сказала хоматентом. Сейчас ты получаешь мало. Я получаю в 2–3 раза больше. В нашей кампании работает куратором одна татарка. Хочешь, она направит тебя на курсы. Они расположены недалеко от нас на Дональд Авеню. Недолго поучишься на русском языке, получишь диплом "Home care core curriculum". Мой куратор даст тебе удобного пациента. Мы ее, конечно, отблагодарим. Подумай, я не настаиваю. Ты будешь

получать чеки. В нашей кампании много работников–мужчин.

– Хорошо. Я подумаю.

Через несколько дней Урил сказал:

– Ну, веди меня к "своей" татарке. Я уже уволился с работы. Правда, хозяин не заплатил мне за последние четыре дня работы. Сказал, что я должен был сообщить ему о своем уходе за неделю.

Татарка оказалась приятной женщиной и дала направление на курсы. В группе оказалось 20 человек: мужчины и женщины разного возраста. Некоторые из них приехали на заработки в Америку. Курсы были не только теоретические, но и практические. Иногда тренировались в оказании помощи инвалидам, старикам и больным людям, используя манекены–куклы. Иногда сами играли роль подопечного.

Между слушателями курсов завязались знакомства, и они продолжили общение и после окончания курсов. Вместе с дипломом они получили учебное пособие на 40 страницах "Уход на дому" на русском языке. В ней подробно освещались права и обязанности клиента и хоматента.

Урилу попался клиент 83-х лет, европейский еврей с болезнью простаты. Урил должен был сопровождать старика во время визитов к врачам и заниматься небольшой уборкой в квартире. Но дочь этого человека жила недалеко, к тому же, она не доверяла мужчинам, она сама приходила раз в неделю и убирала его однокомнатную квартиру. Она же и готовила на несколько дней. Продукты питания старик покупал сам, а доставлял их до дома Урил. Он любил поговорить о политике, особенно об Израиле. Урил всегда слушал радио, смотрел новости по телевизору и был в курсе событий. Обо всем, что он знал сам, Урил рассказывал

своему подопечному. Они подружились и были довольны друг другом.

Как-то раз старик лукаво посмотрел на Урила, и сказал:

– Я вижу, как сильно ты любишь Израиль. Я его тоже люблю. А знаешь ли ты, какая израильская валюта – рубли, доллары или что-то ещё?

– Если честно, не знаю.

– Я открою тебе одну мою тайну. Я интересовался этим вопросом и стал собирать коллекцию бумажных денег и монет Израйля. Я тебе покажу мои альбомы. Я кое-что установил.

– Что именно?

– Нет, скажи сначала, а обратил ли ты внимание на герб Соединенных Штатов на наших долларах? У тебя есть, посмотри. Скажи, что ты видишь?

– Вижу орла, который раскрыл крылья и в когтях держит лист какого-то дерева и как будто сноп злака, может быть пшеницы.

– Во-первых, это не орел, а орлан. Во-вторых, над головой птицы 13 звездочек, они означают, что первоначально было 13 соединенных штатов.

– Это я знаю. Теперь их 50.

– Дело не в этом. Обрати внимание, в каком порядке расположены эти звезды. Внутри круга пятиконечные звезды расположены так, что они образуют шестиугольник.

– Да это же Звезда Давида, Маген Давид.

– Молодец! Какой ты догадливый. А что еще ты видишь?

– Белые полосы.

– Это не просто белые полосы. Они точно напоминают еврейский семисвечник – Менору.

Радость этих двух евреев, европейского и горского, была неподдельной. Хотя они и не знали, как это получилось, что на американских долларах была еврейская символика. Кроме того, Урил с интересом узнал, что в 1756 году Россия

издала 48 копеек для Ливонии и Эстонии. На них вокруг герба расположены 4 Звезды Давида. А в 1827 году на рубле Российской Империи расположены ниже герба 3 Звезды Давида.

Через три года старик скончался, и Урил перешел работать к другому человеку. С ним Урилу пришлось порядком помучиться, так как это был капризный человек. Но в жизни все проходит, не только время работы, но и сама жизнь, как сказано: "После партии и король, и пешка следуют в одну и ту же коробку".

Слава Б-гу Урил с женой живы, у них двое детей, сын и дочь. Проработав 40 кварталов, то есть 10 лет, они уже заработали пенсии. Таков американский закон. Но они продолжали работать. Дети росли и уже с 4–5 лет начали разговаривать на русском, вставляя некоторые слова на английском языке.

Урил относительно часто звонил в Израиль своему брату, телефонные разговоры стоили тогда немалые деньги. Каждый разговор заканчивался приглашением в гости.

Настал час, когда исполнилась мечта семьи Урила, весной они смогли посетить Израиль. Подготовку к поездке он начал с того, что стал откладывать деньги, семья сэкономила на всем. Семейные разговоры сводились к поездке. Отпуск на работе можно было взять на 7 дней. Как не вспомнить здесь месячные отпуска, которые были в Советском Союзе. Нужно было организовать поездку так, чтобы она состоялась в какие-то памятные дни. Урил стал чаще звонить дяде Зарахийо в Израиль. Тот настойчиво приглашал в гости.

Урил узнал, что лучше всего поехать в мае, потому что цены на некоторые авиарейсы более доступны, а в Израиле в это время будет отмечаться День Иерусалима. Это и некоторые другие обстоятельства подтолкнули Урила к действию, и он купил билеты.

Еще до поездки он начал изучать историю еврейского народа и отношения между Америкой и Израилем.

В назначенный час супруги прибыли в аэропорт имени Кеннеди. Их удивило и то, что пришлось даже снимать обувь для таможенного досмотра. Проверка была тщательной. Они этого не боялись, потому что в чемоданах были только подарки и личная одежда.

Затем, в помещении, где проходил досмотр, их, встретила симпатичная девушка, которая представляла израильскую авиакомпанию. С улыбкой она задавала разные вопросы на русском языке: "К кому вы едите? В какой город? Знаете ли вы адрес? Сколько там пробудите? Какие подарки везете? А вы, евреи?" и т.д. Разговор длился минут десять. Девушка делала для себя какие-то пометки. Слава Б-гу, все закончилось благополучно. Думается, что она сделала вывод о том, что супруги не террористы и с улыбкой пожелала счастливого пути.

Далее, пройдя пограничный и таможенный контроль, супруги проследовали к красивому лайнеру израильской авиакомпании "Эл-Ал". Самолет начал набирать высоту и взял курс на Тель-Авив. В самолете были удобные кресла, экраны телевизоров, всем раздали наушники и одеяла. В самолете за время рейса несколько раз кормили пассажиров. Урилу все было интересно: он сидит в израильском самолете, кушает еду в целлофановом пакете с надписями на иврите.

Оглядев пассажиров, он обратил внимание на сидения в рядах справа, где расположились ортодоксальные евреи в темных костюмах и шляпах. Их было не менее 30 человек. Привлекало внимание их поведение. Все время то один, то другой поднимались на ноги, открывали и закрывали свои чемоданы, которые лежали в специальных ячейках, которые были расположены над сидениями, и достали оттуда что. Затем они облачились в талиты и начали стоя, молиться.

Урил посмотрел на часы, увидел, что уже 7 часов вечера, и понял, что наступило время молитвы "минха" (вечерняя молитва). Он вздохнул, так как хотел вспомнить слова молитвы, но ничего не вспомнил. Все слова, которые во время молитвы произносил дедушка, позабылись. Кроме "Барух Ашем", "Худо њштгэ" они ничего не мог произнести.

На спинках сидений были установлены маленькие экраны, и пассажиры могли смотреть разные каналы, а также следить за маршрутом рейса, были видны океаны, моря, страны. Эта трансляция сопровождалась титрами, и можно было узнать названия стран, городов и других населенных пунктов, над которыми они летели. Это было очень интересно, они с восхищением смотрели и говорили о том, что желательно было бы больше путешествовать и посетить эти места.

Полет был долгим. Кормили вкусно. Стюардессы отменно обслуживали пассажиров. Пассажиры чувствовали себя спокойно во время полета, так как считали самолеты израильских авиакомпаний самыми безопасными в мире. Урил уже предвкушал радость от встречи с братом, который должен был их встретить. Соседка, которая сидела рядом, тоже летела к своим родственникам, поэтому разговор велся вокруг этих встреч.

Наконец, самолет приземлился в аэропорту имени Бен Гуриона. Взмолнованные пассажиры вышли в зал досмотра. Опять состоялся разговор с сотрудником авиакомпании, к кому и зачем приехали. Затем пограничники проверяли документы, и тут случился некий казус. Пограничники заявили супругам, что они не имеют права въехать в Израиль. Немая сцена. Пограничники поняли, что надо разъяснить ситуацию.

– У вас есть грин-карты, то есть вы являетесь постоянными жителя США, но у вас нет американского гражданства. Вы должны были сделать визы для въезда в Израиль.

Урил всполошился:

– Как же так? Я и не знал, что надо иметь визу. В аэропорту нас ждут родственники-израильтяне. Спросите у них, кто мы такие.

Видимо пограничники были растроганы несчастным видом Урила, который никак не мог понять, как он – еврей, едет в Израиль, а его не пускают. Поэтому позвонили кому-то и сказали Урилу, что скоро придет начальник, а пока надо подождать.

– Я подскажу вам выход из положения, – сказал один пограничник. – Скажите боссу, что вы не знали о необходимости приобретения визы. Вы готовы купить ее здесь в Израиле.

Так и получилось. Пришел начальник, посмотрел на Урила и его жену, выслушал своего подчиненного и сказал: – Вот квитанция, оплатите в кассе, здесь рядом, а я выпишу визу.

К счастью все уладилось, к большому удовольствию Урила, если не считать того, что он с женой пережил за это время, и с какой тревогой их ждали родственники. Все окупилось радостью встречи. Смех, слезы, объятия.

Поехали к двоюродному брату, где их уже ждали знакомые и незнакомые гости. Эти дни, проведенные в Израиле, трудно описать словами. Они были насыщены посещениями различных достопримечательностей страны и родственников Урила и его жены. Были дни, когда они завтракали у одних, обедали у других, а ужинали уже у третьих родных или знакомых. Везде джууро старались хорошо угостить, часто подавали "ош япраги" и другую вкусную еду.

Кульминацией поездки стало участие в праздновании Дня Иерусалима.

Урил с женой и с другими близкими поехали на Арсенальную горку, где находится Мемориал памяти. Они обратили внимание на то, что этот Мемориал совсем не похож на Арингтон (военное кладбище в США). Здесь не было больших памятников, стел, вздымающихся в высоту. Никакого пафоса. На этой горке они увидели блиндажи, на наружных стенах которых были таблички с именами погибших солдат. Четко были видны следы разорвавшихся снарядов. Там где пересекались траншеи, были установлены таблички. На них значились имена санитаров, которые выносили храбрых израильских воинов из под огня противника. Здесь, по числу 183 погибших солдат были посажены ростки оливковых деревьев. Здесь же были видны барельефы персонажей еврейской истории, начиная от Моше, царя Давида, Иуды Маккавей и многих других, включая и героев современности.

Неизгладимое впечатление произвела на них Стена Плача. Еще только подходя к ней, Урил попросил у ортодоксального еврея бумажную кипу. Он почувствовал какую-то дрожь, даже воздух показался каким-то особенным. Мысли о том, что здесь, все прошедшие столетия, ходили евреи, среди которых были и его предки, перехватывали горло, вызывали невольные слезы. Урил долго стоял там, перед 15-ти метровой стеной, повторяя слова молитвы, восхваляя Творца. Затем он исполнил установившуюся традицию, и положил между камнями стены небольшой кусочек бумаги, на котором заранее написал свои пожелания благополучия еврейскому народу. Мужчины и женщины молились около Стены Плача раздельно. Урил увидел, как много людей собирается здесь ежедневно. Особенно много молящихся в день 9-го Ава. В этот день "Сурины" горские евреи оплакивают, усопших,

посещая кладбища. Этот плач в Красной Слободе Урил помнил с самого детства.

У Стены Плача евреи как бы ведут диалог с Б-гом, здесь люди молятся не только днем. Со слов раби, "до самой глубокой ночи можно встретить одинокие фигуры, которые стоят перед Стеной и ведут свой бесконечный разговор". Урил дал себе слово, что он будет неоднократно возвращаться к Стене Плача – Ха Котель ха-маарави.

Закончив молитву, Урил с мужской стороны и увидел заплаканное лицо жены. Все ее чувства отражались на ее лице. В тот день они уже никуда не ходили, а беседы велись только на одну тему: впечатления, полученные от посещения Стены Плача.

Семь дней пребывания в Израиле очень и очень малый срок. За это короткое время можно получить только некоторые впечатления. Поэтому, каждый еврей, в том числе и Урил с Шушаной, неспроста повторяют: "В будущем году в Иерушалаиме!"

Супруги успели побывать в Иерусалиме, Тель-Авиве, Беер-Шеве, но и провести 3 часа на берегу Мертвого моря, где они, конечно же, искупались. Везде они фотографировались и сейчас в их бруклинской квартире есть стенд с фотографиями, где хорошо читается надпись: "Ура! Мы в Израиле! Это лучшее время нашей жизни!" О своем пребывании в Израиле Урил и его жена рассказывали окружающим взахлеб, с чувством гордости за свой народ. Вновь вспоминается притча царя Шломо: время начала и время конца. В данном случае имеется в виду – кратковременность бытия. К слову сказать, обидно и жалко, что визит на Святую землю длился всего неделю. Но впереди была вся жизнь и даст Б-г, представится новая возможность для повторения этого визита. Итак, супруги вернулись и вновь начались "трудовые будни", но светлое время поездки всегда освещало эти будни.

Впервые месяцы своего пребывания в Америке, Урил нечасто посещал ближайшую синагогу. Именно потому нечасто, что надо было трудоустроиться, потом началась изнурительная работа. Со временем, когда он уже приспособился к новому образу жизни, Урил стал раз в неделю ходить на утренние молитвы.

Синагог в Бруклине было много, целый район города, под названием Боро-парк был населен ортодоксальными евреями. В синагогах было много религиозных книг, которые давали ответы на вопросы таких людей как Урил, входящих в иудаизм.

В Бруклине их часто посещали какие-то люди, которые предлагали книги на русском языке. Одни утверждали, что они представители религиозного движения "Евреи за Христа", другие, что они из движения "Христианство за иудаизм" и т.д. Как правило, Урил эти книжки не брал и не читал. Он только говорил: "Я – еврей! Был им и буду им всегда!"

В один летний день у него дома зазвонил телефон, на его: "Алле", он услышал: "Ты – джуури?" Урил механически ответил: "Эри, ту кини?" Женский голос сказал на русском языке:

– Я – американка, хочу посетить твою семью. Скажи, могу я это сделать в следующее воскресенье, часов в 12?

– Приехать можно, но скажите, кто вы и что хотите мне сказать?

– Я все объясню.

Урилу ничего не оставалось, как согласиться. В ожидании гостыи, Урил написал на стандартном листе бумаги: "Хош омери! Wellcomt!" и прикрепил его на входной двери. В положенное время к дому подъехал джип, за рулем которого сидела женщина лет 60-62. Услышав звонок, Урил открыл дверь. Женщина держала в руке лист бумаги, глаза у нее увлажнились, она воскликнула:

– О, как я тронута! Вы настоящие джууро, можно я заберу этот листок себе и повешу в своем кабинете?

Женщину пригласили войти в комнату, сели за стол. Шушана тут же поставила чайник на плиту, подала на стол разные сладости. Обстановка была благожелательная.

Во время беседы Урил спросил:

– Скажите, пожалуйста, Вы имеете отношение к горским евреям? Откуда Вы знаете язык джуури? ВЫ посещаете синагогу?

– Мои предки из Шотландии. Меня зовут Люси. Я – христианка. Хожу в церковь. Мы – евангелисты. Еще, будучи студенткой, я изучала русский язык. Это было просто увлечение. Тогда я и узнала, что Россия имеет Сибирь, Урал, Кавказ. А где-то в районе Кавказских гор живет община каких-то евреев. Я поделилась этой информацией с нашим Пастором. Тот мне сказал, что жизнь евреев интересует христиан. Евреи – "богоизбранный народ". Теперь настало время, когда этот народ поверит в наш Крест. Для этого, если хочу, я могу поехать на Кавказ. Церковь поможет в поездке и со всеми финансовыми расходами.

Через некоторое время я поехала в город Баку, а оттуда в город Кубу, Красную Слободу, где и общалась со многими горскими евреями. Я побывала в синагоге. Возвратившись домой, я рассказала подробно обо всех контактах, показала некоторые познания (правда, слабые) в языке джуури. А потом я побывала в Израиле. Там я тоже встречалась с горско-еврейской общиной. Их там называют "кавказцы". Беседа была долгой.

Урила беспокоил один вопрос: "В чем заключается сегодняшний визит гости?" И он спросил:

– А можно называть Вас сестрой? (Известно, что евангелисты друг друга называют братьями и сестрами).

Люси ответила сердито:

Мы все от Б-га – братья и сестры! Все люди должны так общаться между собой. Это и означает "Возлюби ближнего своего, как самого себя". И тут же она вручила брошюру "Сифир эн Јуно". В ней было 4 колонки одинакового содержания: на кириллице, одна на языке горских евреев дагестанской графики, две с использованием кириллицы и алфавита горских евреев, выходцев из Азербайджана, четвертая на английском языке. Брошюра была издана в США, Американо-израильской ассоциацией "Дэр Имиди" (Врата надежды).

Оказывается, эта организация помогла создать фильм в Голливуде в 1974 году, на языке джуури, который был записан на 8 дисках. Эти все диски гостя подарила Урилу. Фильм о первой книге Торы "Берешит", называется Сер-Суффде. Урил поблагодарил за подарок и в свою очередь подарил ей шаль, такую, которую носили еврейки Красной слободы. Беседа закончилась тем, что они обменялись адресами и номерами телефонов. Урил понял, что именно интересовало гостью. С ее слов получалось, что мы приближаемся к эпохе, которую еврейские пророки называли "ахарит ха-ямим" (конец дней). "Завет" изначально предназначен для евреев, но христиане полагают, что он принят всем человечеством, но выполнить завет могут только евреи. Смысл визита – нацисты наказали евреев за грех (богохульство).

Поняв абсурдность дальнейшей беседы, Урил учтиво поблагодарил за диски и на этом визит закончил.

Урил стал глубже изучать еврейскую историю. Супруги смотрели диски, иногда не понимали некоторые слова. Роли библейских персонажей звучали не на кубинском, а на северо-кавказском наречии.

Надо найти место

Урил узнал много нового. В США есть 20 городов, которые называются Jerusalem. Причем разбросаны эти города-тезки по всей стране: Северная Каролина и Мичиган, Алабама и Вермонт, Джорджия и Нью-Йорк. Самое интересное заключается в том, что "американские" иерусалимцы, правильнее сказать делегаты этих городов приезжают в главный Иерусалим в Израиле в День города.

Этот День Иерусалима отмечают в Израиле 28 числа месяца Ияр (соответствует маю). В этот день жители Святого города собираются в главном месте на Арсенальной горке. Именно в этот день в ходе Шестидневной войны израильская армия, выбив из Иерусалима Иорданский легион и заняв все стратегические высоты, через Львиные ворота вошла в Старый город и освободила Храмовую гору. В том далеком 1967 году 66-ой батальон ЦАХАЛа, потерял 183 солдата. Тогда прозвучали вошедшие в историю слова израильского полковника Моты Гура: "Храмовая гора в наших руках!" Спустя 19 столетий после разрушения, Иерусалим вернулся к своему народу. В дополнение к истории эмиграции Урила в США необходимо добавить, что не все эмигранты адаптировались в диаспоре. Речь идет не только о материальных вещах, но и о духовной адаптации. Среди горских евреев Красной Слободы выделялся Савелий Лазаревич (Рафоил-Севи) Нисимов. Он был педагогом по профессии и публицистом по призванию. Скромный человек, автор учебников для учеников средней школы, ветеран войны 1941-1945 гг. Он прошел через все трудности военных лет: ранения, суровые зимы и т.д. Он в возрасте 73-х лет эмигрировал в США. Даже в эмиграции он печатался в общинной газете. Но сама эмиграция далась ему нелегко. Он не мог забыть покинутую

Родину, свою родную Красную Слободу, переживал о том, что не смог уехать на историческую родину. Эта тема была ярко выражена в его книге, где он горестно пишет: "...Пройдет еще несколько лет... Я уже надломленный, больной, без Родины, без языка и гражданства, сижу и жду, когда окончательно иссякнут еще оставшиеся силы, когда краснозем примет меня в свои объятия". Такова судьба еврейского народа, когда приходится выживать в той или иной стране, но при этом всегда оставаться верными мечте: "В будущем году в Иерусалиме".

Здесь оказался Рамбом

"Мне не надо было ехать в Германию".

Эри кэс сухте шээм, эри хушмэ юшуг кэс дорэ.

От чужой свечи светлей не станет.

Герб Германии

Время быстротечно. Младшее поколение подрастает, поступают в школу и заканчивают ее.

После этого надо определяться. Когда этот вопрос встал перед Рамбомом, то он понял, что дальнейшее образование ему не светит, просто нет таких возможностей, а работы в родном поселке нет. Тогда его отправили в

Баку, где он временно проживал у одного из самых близких друзей отца – Мухоила. Тот устроил Рамбома на военный имущественный склад. На складе хранилось военное обмундирование для солдат и офицеров. Работа заключалась в одном, надо было выполнять указания заведующего складом Донника.

Работал Рамбом старательно, знал, что иного выхода для него нет.

Вскоре Донник обратил на него внимание, к тому же между заведующим и Мухоилом была своя дружба. Рамбом не был конкурентом, в силу сказанного. Донник стал учить молодого парня разным тонкостям и хитросплетениям в торговле. Клиентов этого склада было много, и со всеми Донник умело находил общий язык.

Клиенты, как правило, старшины сверхсрочной службы (солдаты их называли "кусочниками") нуждались в дефицитных товарах, а Донник умел воспользоваться своим шансом. Кое-что доставалось и Рамбому. Он набирался опыта. Через полтора года работы он впервые получил отпуск. Донник выдал двойную сумму оплаты и посоветовал поехать на отдых куда-нибудь за границу, посмотреть мир. Но отец поставил свое условие: "Сначала женись, потом поедешь гулять!"

Слово отца было крепким. Пришлось жениться по совету отца на дальней родственнице, по имени Рут. Рамбом был с ней знаком, общался как с родственницей, никогда не думал о женитьбе на ней. Переступить через совет (что было равносильно приказу) было невозможно и Рамбом женился (женили) по всем традициям еврейского народа. Смирный сын отца, стал женатым человеком.

Происходило это в "горбачевские" времена оттепели. В Западную Германию не пускали, но в "родственную" Восточную можно было поехать. После свадьбы отец дал путевку молодоженам и сказал:

– Дети, хочу, чтобы вы посмотрели на потомков тех немцев, которые принесли столько бед нашему народу. Два брата нашей мамы и мой сын были убиты на той войне. Там в Берлине живет один горский еврей, сапожник Хагай. Постарайтесь его найти, может быть, он чем-то поможет вам. Езжайте с Б-гом и возвращайтесь к нашей радости.

Сначала надо было получить выездную визу. Начальник ОВИРа (отдел виз и разрешений), азербайджанец хорошо относился к горским евреям (причина этого отношения была самая банальная, т.е. сразу не торгуясь, давали "на лапу").

Получив визы, Рамбом и Рут вылетели в Москву, где "достали" железнодорожные билеты на скорый поезд "Москва-Берлин". В тот день накрапывал дождь, и они вошли в вагон промокшими до ниточки. Посмотрев билеты, проводница сказала, чтобы они прошли по вагону до предпоследнего купе и заняли одно нижнее и одно верхнее место. Дверь в купе была открыта. На нижней полке сидели мужчина лет 35-40 и женщина несколько моложе...

– Здравствуйте, – сказал Рамбом и стал разглядывать свои места. Перехватив его взгляд, мужчина сказал:

– Ваше место внизу напротив нашего сидения. Место моей жены здесь, там, где мы сидим, а мое наверху, над ней.

Положив чемодан под сидение, Рамбом вздохнул и с усталым видом, присел. Рут опустилась рядом. Поезд дернулся дважды и медленно отошел от перрона, затем он набрал скорость, и за окном замелькали городские пейзажи и дивные виды Подмосковья.

После некоторого молчания и удобно расположившись на сиденьях, пассажиры стали знакомиться. Первым представился Рамбом и вопросительно посмотрел на попутчиков. Мужчина в свою очередь представился, назвал свое имя. Его звали Гансом, и он поспешно разъяснил:

– Мы – муж и жена. Я – Ганс, она – Элиза. Мы советские немцы из хутора в Казахстане. Наши предки из Германии попали в Россию, мы родились уже здесь. Теперь едем на свою историческую родину. Нам здесь было хорошо, времена изменились и вот...

В свою очередь Рамбом рассказал, что едет к своему однокласснику, который служит в Советской армии, его

гарнизон дислоцируется в Берлине. Думает, что в Берлине он найдет своего друга.

В это время проводник принес чай, попутчики достали вареную курицу, колбасу, другие продукты. Ганс выставил бутылку вина. Далее под мерный стук колес, несколько в полумраке купе пошла беседа. Она была доверительной, с высказываниями того, что накопилось в душе. Такое часто бывает между попутчиками, ранее незнакомыми людьми. Они думают, что после приезда на коечную остановку, разъедутся в разные стороны и больше не встретятся.

После короткого рассказа Рамбома (где работает, как достал визу и т.д.), Ганс рассказал о себе:

– О своих предках знаю мало, якобы они приехали еще при царе Петре Первом. Может быть и так. Я сам родом из немецкой немногочисленной колонии в Казахстане. Мы, немцы – аккуратный народ, любим во всем порядок.

Председатель нашего колхоза был известным на всю страну хозяйственником. Мы всегда отмечали советские государственные праздники и наши религиозные. Ходили в церковь, хотя молодежь не очень. Все было так, как во всем Союзе, многое было просто формальностью.

Перед отъездом мы молились в церкви, долго просили Б-га, чтобы он помог нам адаптироваться на исторической родине. Среди прихожан были и такие немцы, которые выезжали в Германию и возвращались назад. Хотя мое имя "Ганс", я привык к тому, что русские называют меня "Геной". Из-за своего имени я уже натерпелся. Были случаи, когда мне в лицо говорили: "А ты, Ганс, из недобитых фрицев". Где-то я понимаю вину немцев перед советским народом. А что плохого сделал я? В чем моя личная вина? Поэтому мы решили ехать в Германию, только не в Западную, а в Восточную. Там почти советские порядки и живут люди, которые будут принимать меня как Ганса, а не как Гену.

Долго длилась задумчивая беседа знакомых незнакомцев. Экспресс-поезд быстро преодолевал расстояния, но и время бежало не медленно. Проехав территорию Советского Союза и Польши, поезд прибыл на польско-немецкую границу. Проехав через границу, поезд остановился на каком-то вокзале с названием на немецком языке. Время было позднее, пассажиры собирались ко сну. В вагон вошли немецкие пограничники и приказали всем одеться, взять с собой багаж, ничего не оставлять в вагоне и выйти на перрон. Все происходило как в кошмарном сне. Раздался крик: "Шнель! Шнель!" Пассажиры охватили страх. Вспомнились кадры из кинофильмов: война, фашисты погоняют людей (пленных, арестованных, в газовые камеры и т.д.) и при этом крики "Шнель, шнель!"

Вскоре все пассажиры оказались на перроне вокзала, поезд ушел пустой. Через полчаса пришел другой состав, похожий на то, что мы называем "электричкой". И он повез пассажиров... не в Берлин, как они полагали, а назад в Варшаву. На вокзале всех встретил начальник станции, и на русском языке объяснил, что в Берлине разрушена стена между Западной и Восточной его частями. Германия воссоединилась. Границу охраняли уже пограничники из Западной Германии. В этой связи предлагалось – всем пассажирам, едущим в Восточную Германию, утром зайти в немецкое посольство и переоформить визы на "въезд в Германию".

После бессонной ночи на скамейках вокзала, уборщики были все турки, всю ночь беспокоили, заставляя вставать с места, пока шла уборка, к 9-ти часам утра толпа стояла у ворот немецкого посольства. Надо сказать, что немцы работали аккуратно и после короткого опроса быстро ставили свои штампы в загранпаспорта.

Рамбому было выдано разрешение на посещение немецкой территории. Можно было ехать. Рамбом и его

измученная жена сели в поезд "Варшава-Берлин". Прибыв на конечную остановку, Рамбом спустился с поезда, и, зайдя в зал ожидания, устало опустился на скамейку. Рядом присела Рут и через мгновение, опустив свою прекрасную головку на его плечо, заснула. Рамбом боялся шевельнуться, не хотел ее будить. Спустя некоторое время он все же разбудил жену и пошел искать ответ на вопрос: "где можно остановиться на ночлег?" Не в одной кассе он не нашел ответа, его русский и азербайджанский языки кассиры не понимали. Утомившись, теперь и он задремал.

Проснулся он от толчка по ноге. Оказалось, что усатый уборщик вытирал полы. Открыв глаза, Рамбом спросил по-русски:

– Я не знаю, где имеется гостиница. Ты не подскажешь, как мне проехать туда? Адрес, понимаешь, адрес!

На лице мужчины восточного типа промелькнуло удивление:

– Ты посмотри на этого неверного. Что-то говорит, а я не понимаю! – Сказал он по-турецки.

Услышав знакомые слова, Рамбом, хорошо владевший азербайджанским языком, спросил:

– Ты из Турции?

– Да, – ответил турок, – а ты кто и откуда?

Рамбом уклончиво ответил:

– Мэн бакилийем. (Я бакинец).

Из разговора с турком он понял, что в Берлине проживает много выходцев из Турции. Несмотря на то, что разговор шел на смешанном азербайджанском и турецком языках. Рамбом понял рассказ турка, который сказал:

– Мы здесь селимся по принципу землячества, помогаем друг другу.

Например, если кто-то из турок хочет устроиться уборщиком на вокзале, то надо обязательно получить разрешение Османа-эфенди, который принимает на работу

только надежных людей из числа лиц турецкой национальности и имеющих рекомендации. Вокзал является его вотчиной, и мы подчиняемся только ему. Все мои коллеги-уборщики ходим в одну и ту же мечеть, служим одному имаму. Уверен, что со временем, Германия станет единым халифатом. Нашим братьям азери там тоже будет место. Излияния турка были неприятны Рамбому, и он перевел разговор в другую плоскость. Тем более, что ему нужен был ночлег. Он сказал:

– Братец, ты можешь посоветовать, где можно найти ночлег в этом большом незнакомом городе? Никого я здесь не знаю, помоги!

Турок подумал и сказал:

– Я, кажется, знаю, чем тебе помочь. В двух шагах, а точнее, в двух кварталах от вокзала имеется здание немецкой школы. В летнее время школа пустеет, ученики уходят на каникулы. Руководство школы не упускает шанса подзаработать, им нужен доход. Поэтому они ставят в классах койки-кровати, столы, стулья, шкафы. На летнее время школа превращается в постоянный двор. Цены относительно недорогие. Там одно время проживали мои товарищи.

Поблагодарив турка, Рамбом взял адрес школы и вместе с Рут пошел искать это место для ночлега. Нашли школу быстро, ее здание выделялось среди других домов. Комната, в которую они вошли, оказалась бывшей учительской, которую превратили в столовую. Здесь стояли столы, покрытые целлофаном. На столах были солонки, перечницы и салфетки. Там же была кухня. Одна из поварих оказалась чешкой и сносно владела русским языком. Она помогла Рамбому выбрать комнату с двумя койками.

На вопрос Рамбома:

– А что означают эти накрытые столы?

Повариха, по имени Искра, сказала:

– Вы можете здесь завтракать и обедать. Как правило, на завтрак подается омлет, сосиски с капустой, ветчина, сыры, колбасы; на обед – супы и котлеты. То, что предлагается, хватает для приезжих. Многие у нас только завтракают, так как уходят на весь день. Я сама, как вы, приехала немного заработать летом.

Рамбом убедился, что свет не без добрых людей, ведь они нашли приют и питание. Он еще раз в душе поблагодарил Б-га за свою судьбу.

Денег у супругов было не густо, поэтому они старались экономить на расходах, как могли. Хорошо отдохнув за ночь, утром они зашли позавтракать в столовую. Здесь они попробовали немецкие сосиски с капустой и познакомились с соседом, "земляком" из Украины Василием. После знакомства Рамбом спросил:

– Василий, ты знаешь, где поблизости есть сапожная мастерская? У Рут отлетел каблук и надо срочно прибить его на место.

Василий ответил:

– Напротив здания, в котором мы находимся, есть сапожная мастерская. Там работает один сапожник, он похож на тех, о ком говорят и называют "лицо кавказской национальности", не знаю, он армянин или кацо.

Рамбом поблагодарил за совет Василия и после завтрака вышел на улицу. Немного прогулявшись, он увидел вывеску, на которой был нарисован сапог и что-то написано по-немецки. Подойдя к вывеске, он заметил ступеньки, которые вели вниз, спустился и зашел в дверь. В небольшой комнате сидел безусый пожилой мужчина и ремонтировал дамские туфли. Кроме него в комнате больше никого не было. Подняв голову, сапожник что-то сказал по-немецки. Рамбом ничего не понял, но вытащил из сумки туфельку жены и поломанный каблук, показал, что хотел бы отремонтировать обувь. Сапожник спросил:

– Раша?

Рамбом кивнул головой и сказал:

– Да, я русский, только кавказский, а ты понимаешь по-русски? На немцев ты не похож. Интересно, откуда ты родом?

Сапожник подозрительно посмотрел на Рамбома и спросил его уже по-русски:

– Да, я не немец. А почему ты хочешь знать, откуда я родом?

Рамбом растерялся:

– Да, так. Ты похож на кавказского человека. Может быть, ты – армянин, грузин, лезгин, я не знаю.

Сапожник спросил:

– Ну и что? А ты откуда приехал? Я же не спрашиваю

Рамбом ответил:

– Я приехал из города Баку, который в Азербайджане. Слышал?

Сапожник внимательно посмотрел на Рамбома и взволнованно сказал:

– Я из Кубы. А ты – азербайджанец или кто?

– Я не азербайджанец и никто иной. Я – горский еврей. Если ты из Красной Слободы, то ты – мой земляк!

Так состоялась встреча двух горских евреев из Слободы в далеком Берлине. Их взволнованные разговоры легче представить себе, чем передать словами. Встреча завершилась тем, что мастерская была закрыта, а Рамбом с женой оказался в гостях у сапожника, которого звали Хагай. Хозяйка, по имени Зульпо и двое сыновей принимали гостей, как своих самых близких родственников... Радости присутствующих не было предела. Порой реалии жизни превосходят придуманные предположения. О себе Хагай рассказал:

– Я сын Нуваха. Родился в нашей красивой Слободе, работал сапожником. Меня все знали, можно сказать, что

все местные жители были моими клиентами. Жил в достатке, ни в чем не нуждался. Мне захотелось открыть собственную мастерскую, обучить двух-трех учеников. Но поборы местных властей (ОБХСС, участковых и т.д.) оказались непосильными, а я хотел дать своим детям высшее образование. Все в жизни оказалось сложнее, чем я думал. Например, для поступления в институт надо было иметь "правильную" пятую графу и немалые деньги. Будь, кем хочешь, только не евреем. Жизнь подсказала, что надо уезжать из страны. Услышал, что немцы чувствуют свою вину из-за действий фашистов, что "русских" они зачисляют в нищих и несчастных. Тогда, чтобы получить статус постоянного жителя Германии, было достаточно иметь справку из синагоги и обратиться в еврейский центр. Здесь были социальные организации и фонды оказания материальной помощи. В связи с такими благоприятными условиями, мне удалось устроить свой быт, занять свой бизнес, сапожную мастерскую, где я сам себе хозяин.

Сбылась моя мечта. Дети свободно говорят по-немецки, я тоже говорю на бытовом уровне. Только плохо, что дети не говорят на джуури, хотя немного понимают.

Освоившись с обстановкой, и выслушав Хагая, его излияния, Рамбом глубоко задумался. Хагай заметил это и сказал:

– О чем ты так задумался? Я много слышал о твоих предках, они были людьми, заслуживающими уважение. Может быть, я смогу дать тебе нужный совет или чем-то помочь? Что ты можешь делать? Чем занимался? Какая у тебя профессия?

Рамбом подробно рассказал о своей жизни, прежней работе, а Хагай выслушав его, сказал:

– Я тебе дам один совет. Не надо изобретать велосипед и бросаться на любую работу. Ты используй тот опыт, который имеешь. В Берлине есть военный гарнизон, не

немецких, а советских войск. Я говорю о них. В военном городке живут офицеры и сверхсрочники со своими семьями. Не знаю, сколько их, но знаю, что немало. Советую тебе зайти к коменданту, поговори с ним и договорись о работе. Если работа найдется, то поработаешь, накопишь денег, а там видно будет, на какое время останешься в Германии. Если надумаешь остаться, то синагога поможет тебе. Если нет, то ты всегда волен уехать, возвратиться в Кубу.

На это Рамбом заметил:

– Ты говоришь очень хорошо, но я человек не военный, а только работал в военторге. Чем мне это поможет?

– Ты же еврей, подумай головой, "господин военторговец". Комендант любитель выпить, даже без закуски. Особенно, если выпивка дармовая. Сделай вложение в свой бизнес. Купи ему пару бутылок водки, коробку шоколадных конфет. Затем попросись к коменданту, а когда тебе разрешат посетить его, то расскажи, какой ты опытный работник военторга. Если рассказ будет убедительный, да еще с помощью "дара", то он тебе поверит. Я думаю, даже пригласит такого "хлебосольного" кавказца к себе домой. Только водку в кабинете не давай, скажи, что придешь со своей сумкой. В случае удачи все образуется. Не забудь завтра утром зайти в синагогу на утреннюю молитву "сахарит".

Синагога была маленькая, не всегда в ней собирався миньян. Справа от входа от входа стоял Арон-хакодеш (шкаф для хранения свитков Торы). Заметив нового человека, раби, который стоял около бима (возвышение для чтения Торы), радостно улыбнулся и сказал:

– Как хорошо, что ты зашел, у нас как раз не хватает людей для миньяна, только девять человек.

Рамбом присел и взял в руки молитвенник. Этот "Сидур" был на иврите и на русском языке. После окончания молитвы

Рамбому пришлось коротко представиться. К своему удивлению, он обнаружил, что среди присутствующих нашлись люди, хорошо знавшие его предков. Это было очень приятно. Он обратил внимание на то, что присутствующие неоднократно повторяли: "Здесь лучше, чем там, здесь можно свободно торговать, никакой участковый не вымогает деньги и не может арестовать".

Возвратившись на ночлег, Рамбом с женой долго "переваривали" услышанные за день новости.

Проходили дни, и наличные деньги быстро таяли. Вокруг было много соблазнов, поэтому контроль над расходами, был ослаблен. Он решил попробовать использовать полученный совет и пойти искать заработок у военного коменданта. Рамбом подошел к контрольно–пропускному пункту и сказал дежурному, что хочет пройти к коменданту. После переговоров по телефону, дежурный провел его по коридору к дверям, где было написано "подполковник Безруков В.П.". В кабинете за т - образным столом сидел краснощекий подполковник в летней форме одежды. Пригласив жестом руки и усадив Рамбома за стол, он коротко сказал:

– Представьтесь.

У Рамбома почему-то заплясали колени, и он, заикаясь, рассказал, что приехал из Закавказья посмотреть Германию, найти могилу своего дяди, погибшего при взятии Берлина. С деньгами стало туго, и он решил подзаработать. С собою привез некоторые кавказские сувениры, а подарить их здесь некому. После такого вступления "гостя", лицо подполковника смягчилось, строгость пропала, и он сказал:

– Я о кавказской доброте и гостеприимстве наслышан. Сейчас я на службе, но ты вечером приходи ко мне домой, расскажешь о нашей Родине, про Кавказ и всякое другое. Заодно, я и посмотрю, какие вы добрые.

Таким образом, совет Хагая пригодился. К вечеру Рамбом приготовил подарки (2 бутылки водки, конфеты, азербайджанский маленький коврик и шерстяные джурабки). И отправился по указанному адресу. Найдя квартиру коменданта, он нажал на кнопку звонка, дверь сразу открылась, так как будто его уже ждали. Миловидная женщина спросила по-русски:

– Вы к нам? Сейчас скажу мужу.

Затем она слегка повернула голову и прокричала в сторону комнаты:

– Василий, к тебе пришли.

– Пусть заходит, я знаю, – послышался ответ.

Женщина жестом пригласила Рамбома войти. Гостиная, она же и столовая была средней комнатой, где стояли: накрытый скатертью стол, диван, кресло и сервант. Рамбом присел за стол и сразу достал из сумки все, что принес. Глаза у хозяев повеселели. Раздались возгласы: "Вот что значит, настоящий кавказский человек! Надо будет когда-нибудь поехать туда". Хозяйка начала накрывать на стол. Через некоторое время на столе оказались: жареная картошка, колбаса, соленья, селедка и хлеб.

– Чем богаты, тем и угощаем, – сказал комендант, наполнил рюмки и произнес короткий, но выразительный тост: "Поехали!"

Присутствующие ели, пили и вели непринужденную беседу. В основном водку пил хозяин, а Рамбом отвечал на вопросы. Хозяевам было очень интересно послушать восточного человека с его своеобразным акцентом. Хозяйка обратила внимание на то, что Рамбом внимательно смотрит на хрусталь в серванте, и с улыбкой спросила:

– Ну, что? Нравится хрусталь? Я люблю вазы, лодочки, бокалы и другие вещи из хрусталя. В Берлине хрусталь дорогой и трудно найти что-нибудь оригинальное. Говорят, стоит выехать в другие места Германии и можно найти

гораздо дешевле. Для этого нужен человек, понимающий и работавший в торговле. А военные? Они могут хорошо стрелять и только. А какая у тебя профессия? Чем ты занимался?

– Я долго работал в военторге, знаю и понимаю запросы офицерских семей, бывал во многих гарнизонах Азербайджана.

Она тут же обратилась к мужу:

– Вася, пригласи его на работу. Твои работники военторга уже "мышей не ловят". Пусть он опросит наши семьи, что мы бы хотели купить, что хотим увезти из Германии. Рома ездил бы по Германии и привозил товар. Думаю, что для тебя была бы скидка в цене.

– А как с языком? – задал вопрос Рамбом. – Я же не знаю немецкий, как же я буду торговаться?

Тут в разговор вмешался Василий:

– Все можно решить, уладить. Я оформлю тебя работником военторга, это в моих правах, дам тебе сопровождающего со знанием немецкого языка. Дальше все зависит от тебя. Ты знаешь, по какой цене покупать и продавать товар. Я думаю, что ты не забудешь нас?

– Я – кавказский человек!

Так решился вопрос с трудоустройством. Что касается жилищного вопроса, то еврейская община помогла найти однокомнатную квартиру. Рут тоже нашла для себя работу, не высокооплачиваемую, но приносящую "живые" марки. Рамбом построил для себя план работы, один день в неделю он изучал запросы офицерских семей, которые полюбили кавказца за его услужливость. В остальные дни выезжал в другие населенные пункты для закупки товара. Выезд осуществлялся на военторговском УАЗике в сопровождении старшины.

Первая же поездка показала Рамбому преимущества его работы. Выгода была превосходной. В первую очередь он

хорошо отблагодарил своего "благодетеля" полковника и его семью, преподнес подарок и семье Хагая. После нескольких выгодных поездок он вошел во вкус и по рекомендациям своего окружения (в частности из синагоги, Хагая и даже коменданта) подал документы на получение статуса постоянного жителя Германии. Ответ был получен положительный.

Таким образом, первоначально не изъявляя желания жить в Германии, волей судьбы, Рамбом стал ее "постоянным жителем". Опять же, не зря евреи говорят: "Корой Худорэ тануста ни бу" (Пути Г-сподни неисповедимы). Мы полагаем, а он располагает. Неизвестно, это – везение или умение вживаться в жизнь. Рассуждений здесь может быть много, как говорится, всякое мнение имеет место быть.

Естественно, о своей жизни в Берлине Рамбом сообщил своим родным, те были довольны его успехами и переводом им определенной суммы денег.

В одну из своих поездок Рамбом приехал в городок с трудным названием Рейлингене (Федеральная земля Баден-Вюртемберг), где произвел очень выгодные покупки у простодушных жителей. В один день он не успел закончить свои дела и поэтому он со своим сопровождающим переночевал в местном отеле. Здесь он узнал, что это городок известен во всем мире. Здесь находится самая узкая улица мира. Ширина улицы Шпрройерхофштрассе в самом узком месте составляет всего 31 см.

Город пострадал от сильного пожара в 1726 году и затем был перестроен. И хотя улица была, по сути, проходом между двумя домами, в 1820 году она все же получила статус улицы. И таких интересных вещей Рамбом узнал немало.

Спустя несколько лет советские войска, в том числе и местный гарнизон, были выведены из Германии. К этому

времени Рамбом сумел накопить денег, купить квартиру в многоэтажном доме и открыть магазин по продаже изделий из хрусталя. Как советский гражданин (хотя Советского Союза уже не было) он мог совершать поездки в Москву. Там он открыл еще один магазин, который унаследовал его сын.

Рамбом с семьей посетил своих родных, привез дорогие подарки. Дни пребывания в родном поселке проходили радостно, с многочисленными встречами, обязательным посещением родных могил на кладбище. Дни ни чем не омрачались.

Будучи в Баку он наметил открыть там собственный ресторан с еврейской и немецкой кухней. Практически ресторан заработал через несколько лет. Клиентов было много. В глазах своего окружения Рамбом выглядел успешным бизнесменом, он таковым и являлся.

Хотя в бытность его жизни в стране произошло объединение Западной и Восточной частей Германии, но разница между ними осталась существенной. В частности, если дороги в ГДР были неухоженными, с ямами и выбоинами (напоминали дороги в Советском Союзе), то в другой части страны они были ровными, покрыты асфальтом или бетоном, по обочинам были высажены деревья. Люди на Западе выглядели раскованными и довольными, в восточной части часто встречались хмурые, озабоченные лица. Это особенно бросалось в глаза во время переезда из одной части в другую.

Были между людьми и идеологические различия. Рамбом присутствовал на одном митинге. Немцы обсуждали вопрос о переименовании аллеи Карла Маркса (улица в Восточной части Берлина). Местные жители называли эту улицу "Сталинский вампир". Многие дома на этой улице были построены в XIX – XX веках, имели историческое значение, своеобразную архитектуру. Западные немцы

предлагали внести их под защиту ЮНЕСКО, а улицу переименовать. Восточные же, подверженные марксизму, отстаивали старое название. Спорили до хрипоты...

Рамбом в споры не вмешивался. Он привык, что в СССР все вопросы решались "наверху". Глас народа при этом, ничего не значил. Даже в одной песне 1970 года были слова: "Туда нельзя, сюда нельзя и вообще никуда нельзя!"

Молодежь из числа "русских" жителей Берлина быстро нашла способ бесплатных поездок в метро. Это им часто удавалось. Дело в том, что в Советском союзе для поездки в метро надо было купить билет и через турникет предварительно закомпостировать и дорога в вагон свободна. Кататься в вагоне можно весь день. В Берлине турникетов не было, иди и садись в вагон. Но на билете указано время покупки. Срок его действия 2 часа. Казалось бы, очень хорошо, пришел, сел в вагон и поехал. Но оказалось, что у немцев другой способ выявления "зайцев". На любой остановке поезда в вагон внезапно с двух сторон входят контролеры и проверяют наличие билетов и их срок. При отсутствии билета и документов они спрашивают адрес пассажира и по указанному адресу высылают штрафную квитанцию. Указанная выше молодежь сообщала вымышленные адреса. Так было в те далекие годы.

Проживая в Германии, Рамбом узнал о таком феномене. Оказалось, что русскоязычных людей в этой стране не менее 4 миллионов. Из них, основное количество составляют переселившиеся в Германию российские немцы. Они все говорят по-русски, часть женаты на русских женщинах. Несколько сот тысяч человек перебрались в Германию, по так называемой, еврейской линии. Есть и выходцы из среднеазиатских республик. А ещё сосед рассказал:

– Я приехал несколько лет тому назад и мог сказать, что отношение немцев к "нашим" менялось. Раньше всех

"русских" зачисляли в нищие и несчастные. Потом их стали считать "мафиози". Потом отношение начало меняться. Стал свободным выезд из страны. Я каждые два года еду на Украину. Дело в том, что "наших" много, и мы уже представляем собой потенциальные голоса на выборах.

Рамбома заинтересовало другое, и он спросил:

– Меня интересует отношение немцев к таким как я.

Петр ответил:

– В целом немецкое общество терпимо относится к евреям, у них есть чувство вины, даже можно сказать – болезненно терпимо. Хотя, я знаю евреев, которые живут в глубинке страны, они боятся афишировать свое еврейство, носить разные атрибуты, например, маген Давид.

В настоящее время многие средние немцы зачисляются в категорию: "Я не люблю иностранцев", их раздражают цыгане из Румынии и Болгарии.

Рамбои жил материально обеспеченным человеком. Но его настораживало то, что если в Берлине терпимо, то в провинции не очень. Знакомый горский еврей, бывший бакинец, рассказал ему:

– Я живу в Дюссельдорфе. Дети учатся в немецкой школе, хорошо владеют языком. Советские дипломы о высшем образовании здесь не признают. Мы стараемся не показывать свое еврейство, не носим свою символику. Если и принимают на какую-нибудь работу, то только с четырехнедельным испытательным сроком, а потом могут отказать от человека.

Но Рамбом размышлял по-своему. Он думал, что советские дипломы не отвечали некоторым требованиям профессии, а испытательный срок был установлен, чтобы выяснить степень подготовленности человека для выполнения своей работы. И еще он заметил одну странность. В советском Союзе люди искали работу там, где жили. А у немцев было по-другому. Если находили

работу в другом месте, пусть вдали от своего местожительства, в другом населенном пункте, они переезжали туда. При поступлении на работу требовали резюме, характеристики. Все эти рассуждения не мешали Рамбому удовлетворять свою любознательность. Он изучал историю страны пребывания, памятники и особенно, все то, что было связано с еврейством. Как-то ему сказали:

– Как ты можешь жить в стране, где о евреях ничего не напоминает?

Вопрос для него был интересным и вот, что он узнал, а затем написал в письме своим родным: "...По городу Берлину разбросаны памятные таблички с именами известных евреев жителей города. Город, как будто говорит, что страна готова протянуть руку помощи и дружбы всем евреям. Я пишу только о столице, о провинции знаю мало. Я не исключаю, что и здесь есть люди, думающие по-другому.

Недавно мы посетили район Ораниен. Здесь находится Новая Синагога, которую считают самой красивой в Европе. Первая синагога в Берлине была построена в начале 18-го века и находится вблизи Александр плац. Во время войны в нее попала бомба и только в 1980 году ее восстановили...".

Вот так подробно описывал памятные места Рамбом своим родным. Рамбом приехал в Германию просто туристом, не думая о переезде, он хотел "посмотреть в глаза" потомкам фашистов, но остался жить и работать. Когда он собирался с друзьями, любил повторять: "Мне не надо было ехать в Германию, а надо было прислушаться к мудрым словам стариков: "В будущем году в Иерусалиме!" А пока, он купил, через свои связи, большой участок земли на Святой земле, чтобы быть похороненным на земле наших далеких предков.

*Здесь евреев поддерживают.
В Канаде еврею можно устроиться*

*Эри худби сохтогор - худби сох.
Эри зодбу сохтогор - худби сох. Худо митану.
Тому, кто творит добро - делай добро.
Тому, кто творит зло - делай добро.
Б-г знает, что верно.*

Герб Канады

В конце 1991 года Советский Союз распался. В стране ощущался недостаток продуктов питания, хотя по знакомству можно было "достать из-под прилавка". Цены сильно подскочили, а деньги обесценились. Если не хаос, то все-таки наступила неразбериха или своего рода "смутное время". Люди задумались о своей дальнейшей судьбе. Если всем было тяжело, то евреям было очень тяжело, ведь их не признавали за "равного брата". "Старший брат" умело руководил другими "равными братьями". Кто-то из них с завистью, кто-то злорадствовал и с ненавистью говорил евреям, чтобы "они уезжали (убирались) в свое государство" и т.д. Призадумались и жители Красной Слободы. Молодые и старые люди. Бедные искали улучшения качества жизни своих семей. Богатые, хотя богатели, кто, как мог, за счет государства, не любили отдавать львиную долю нажитого тому же государству, в лице различных чиновников. Наиболее ловкие (в том числе

и мошенники) умело пользовались манипуляциями с "левыми" товарами, цехами и т.д.

Каждый считал своим насущным делом выражение "ехать надо" претворить в реальность. Конечно, это коснулось и племени Давида. Иные уже были там, а другие собирались туда. Почувствовали необходимость покинуть родные края правнук Давида, по имени Севи и его жена Билго.

Сама жизнь перед каждым поколением ставила одни и те же вопросы: "Как быть?" и "Что делать?". Каждый человек должен выбирать однозначный ответ. Севи ответил однозначно: "Надо!". Тогда возник другой вопрос: "Куда? В какую страну: Израиль, США, Канаду, Австралию или даже может быть в Германию?"

У многих евреев даже сама мысль о выезде в Германию сразу отвергалась. Последних можно было понять, свежи еще были в памяти потери евреев в прошедшей войне. Полученные с фронта "похоронки" на погибших мужей, отцов, братьев постоянно напоминали об этом.

Но некоторую часть молодежи это не смущало, им было любопытно узнать, что это за страна. Какие они бывшие фашисты? Лично Севи остановил свой выбор на Канаде. Будучи в Москве он несколько раз посетил Государственную библиотеку имени В.И. Ленина. Прочитал массу брошюр, в том числе и рекламных о Канаде. Узнал, что там есть еврейская община. Она содействует приезду своих соплеменников, в том числе и небольшие этнические группы. Севи знал, что горские евреи относятся к такой группе. Они составляют всего не более 200 тысяч человек. Евреи, проживающие в Канаде, всячески поощряют развитие этих меньшинств, понимая, что каждая такая группа вносит свой собственный неповторимый вклад в развитие всего общества.

Севи слабо владел английским языком, но на бытовом уровне как-то мог доводить до собеседника свои мысли. Он знал, что в Канаде разговаривают на английском и французском языках. Как выходец из Красной Слободы, он боялся ехать в какой-нибудь большой город, где легко затеряться в суете повседневной жизни. Он хотел жить в таком же маленьком городке или поселке, как Красная Слобода, где все евреи знают друг друга, знают, кто в каком положении находится, и при необходимости могут прийти на помощь.

Оказалось, что неподалеку от канадского города Торонто расположены маленькие городки, в которых есть еврейские общины. Севи нашел телефон еврейской общины города Торонто 1-416-229-4229 и решил позвонить, чтобы получить нужную информацию. Он неуверенно набрал номер, и ему ответили на английском языке. Севи представился, назвав свое имя, и сообщил, откуда он звонит. Он был ошеломлен, когда услышал в ответ:

– Алло, Нум мэ Мардахай, ту джуур имуни? (Мое имя Мардахай, ты из наших горских евреев?)

– Эри, эри, – радостно ответил Севи.

Телефонная беседа была очень дружественной. Мардахай интересовался предками, родом Севи, его жизненными планами. Севи рассказал о себе, о своих планах и получил подробную информацию о жизни общины. В итоге беседы Мардахай посоветовал, чтобы Севи не раздумывая, решился и приехал в Канаду. Он обещал всяческими советами и делами оказать свою помощь, даже сказал, что среди членов общины обязательно найдется близкий или дальний родственник. По его мнению, жизнь в Канаде больше подходит для повседневности, чем в Красной Слободе. Севи от всей души поблагодарил Мардахая и обещал обо всем подумать и взвесить.

Принятие решения сопровождалось долгими и жаркими спорами до хрипоты. Высказывались разнополярные мнения. В результате выявился ответ: ехать надо и причем в Канаду. Это был первый вздох облегчения. Теперь наступил черед других мытарств. Они были связаны с хождением в ОВИР (правда, здесь вопрос решился в соответствии с лозунгом "Деньги решают все").

Получение нужных документов, подготовка к отправке багажа, покупка билетов на транспорт и сам выезд составляли собой вязкий, засасывающий грунт, в котором можно с трудом продвигаться к своей цели. Севи с большой неохотой вспоминал это время. Думается, что его хорошо понимают те соплеменники, которые тоже прошли подобные этапы в жизни.

Новый этап для Севи начался с момента вступления на канадскую землю. Необходимо заметить, что еще до выезда Севи сообщил Мордахая о дате своего прилета. В аэропорту Торонто Севи ожидал теплый прием. Он, конечно, знал, что кто-то из еврейской общины будет его встречать. Но такого трогательного приема он не ожидал. Его встречали мужчины, на груди одного из них весела табличка с надписью "Wellcome" (Добро пожаловать) на английском языке и русскими буквами было написано Нум мэ Мордахай. Хош омери! (Моя имя Мордехай, Добро пожаловать, Севи!).

Встреча состоялась, и его повезли в какой-то городок. В пути следования ему сказали, что этот городок расположен поблизости от Торонто, там ему подобрали небольшую квартирку по приемлемой цене. Приехав на место, Севи и его жена увидели квартирку с кроватью, столом и тремя стульями. Была и небольшая кухонька. Супруги были очень благодарны людям этой общины, им казалось, что они встретились с давними знакомыми, а точнее с близкими родственниками. Со временем квартира оказалась

полностью обставленной, потому что незнакомые люди дарили им предметы первой необходимости.

Выезд Севи из СССР в Канаду на постоянное место жительства явился исходом одной семьи, но он был характерным для еврейского народа. Со времени исхода из Египта и до современной истории народ находится в вечном движении, переселении из одной страны в другую. Но евреи всегда были уверены в том, что весь народ сможет объединиться и жить в одном своем государстве. Эти и другие подобные мысли беспокоили Севи, когда он летел в самолете, да и после приземления в Канаде.

Мысли мыслями, а проживая в новой стране, было очень нелегко разобраться во всех аспектах деятельности Канадской еврейской общины. Реалии были неизвестны. В частности, Севи не знал о существовании даже в маленьких городках массы еврейских благотворительных организаций, синагог ОСЕС (Общество содействия еврейским семьям) и других комитетов. И все это многообразие было объединено в одном государстве – в Канаде.

Характерным для этого государства был теплый прием евреев, не разбирались, какие они есть: европейские, грузинские, бухарские или другие. О свободе и равенстве мечтали Севи и его жена, уезжая из Советского Союза. Они их получили. Уже здесь они узнали о глубокой преданности этой страны дружественному Израилю. О глубине этой дружбы им еще предстояло узнать.

Еще до приезда в страну, по совету Мордахая, Севи проучился в автошколе и получил международные водительские права. Поэтому он полагал, что сразу сможет использовать свой шанс на работу в качестве водителя автомобиля. На деле оказалось, что это не так просто.

Сначала надо было пройти курсы английского языка и сдать экзамен для получения канадских водительских прав. Тем временем Севи и его жена Бильго проходили курсы

английского языка. Потом Севи готовился к своим экзаменам, а его жена поступила на курсы медсестер. Для них это было очень тяжелое время. Экономии на каждой мелочи. Спасибо общине и синагоге, они поддерживали супругов и на бытовом уровне, учили объясняться на английском языке. В своем упорстве они дошли до того, что стали стараться разговаривать на английском языке даже дома. Порой это выглядело комично, они подшучивали друг над другом.

Окончив курсы, Бильго устроилась на работу. В ее обязанности входило посещение больных на дому: проверка наличия лекарств и насколько правильно и своевременно больной их принимает. При необходимости она должна была делать перевязки, измерять давление и проверять условия проживания. Бильго сама по характеру была спокойной, общительной, умела находить общий язык с больными. Единственное чего она не хотела, это чтобы кто-то из пациентов оказался горским евреем или еврейкой. Она стеснялась. Ведь, что сказали бы люди, узнав, чем занимается дочь уважаемых родителей. Она не считала свою работу плохой или хуже любой другой, но она думала, что менять повязки, иметь дело с ранами и болячками – дело для нее непристойное. Не все люди одинаковы в своих рассуждениях, она в том числе. Видно, она сама накликала на себя, чего боялась, то и случилось.

В один из летних дней ее направили к одному больному, 70-ти летнему горскому еврею. У него был диабет, глаза плохо видели, а на ногах тропические язвы. Вот эти язвы и надо было перевязывать. Войдя в комнату, Бильго увидела, что на кровати лежит грузный мужчина, который повернулся на стук в дверь и спросил:

– Жена, это ты? Ты все купила, что я просил?

– Нет, это не жена, – ответила Бильго.

– А кто ты? Я все вижу смутно, ты кто?

– Я – медсестра, привезла вам бинты, хочу поменять повязку.

Пройдя мимо стола, она увидела, как по нему бегали тараканы. Старик тараканов на столе не замечал. Немного поговорив, и поменяв повязки, Бильго собралась уходить. Старик внезапно сказал?

– Дочка, а ты не горская еврейка? Мы с тобой разговариваем по-русски, а я чувствую по твоему разговору, что ты моя соплеменница.

Бильго растерялась и ответила:

– Да.

– А ты из Баку или из Кубы?

– Нет, я с Северного Кавказа.

Старик вздохнул:

– Было бы хорошо, если бы ты оказалась из Красной Слободы.

Быстро закончив свою работу, Бильго буквально вылетела из этой квартиры. Затем, она связалась со своим куратором из офиса и по ее просьбе, больше к горским евреям она не попадала.

Что касается Севи, то его устроили на работу у одного относительно обеспеченного еврея, который имел несколько автомашин, типа вэн, на которых подвозили верующих евреев от их домов до синагоги на молитвы. По окончании службы в синагоге, он развозил пассажиров по домам. По ходу маршрута он останавливался и подбирал своих пассажиров. Маршрут был популярным, пассажирам нравился веселый водитель, а если у него не было настроения, то его в шутку называли "Садам Хусейн". Он не сердился на шутки, но это имя постепенно сохранилось за ним. Обычно, при входе в салон пассажиры опускали деньги за проезд и проходили к свободным сидениям. Иногда, некоторые из них выражали желание отдать деньги водителю, что делать запрещал хозяин. Севи знал, что

могут быть провокации, к тому же по своей натуре, он был честным

человеком и не хотел терять работу.

Одно время у хозяина Севи появился конкурент, вновь прибывший богатый эмигрант, который хотел воспользоваться тем же маршрутом. Но он получил отказ в мэрии, ему даже не помог намек на взятку. Таким образом, Севи работу не потерял, чем был очень доволен.

Любого человека в эмиграции интересует вопрос медицинского обслуживания. Если он молод и здоров, то он об этом не задумывается, а если заболевает? Сколько денег потребуется на лечение?

В начале для Севи этот вопрос был праздным. Но в дальнейшем, когда Бильго сказала о своей беременности, он бросился собирать информацию. Севи установил, что каждая провинция имеет свой бюджет на здравоохранение и везде он разный. Государство в это дело не вмешивается. Человек покупает относительно дешевую страховку, врач назначает день приема и вопрос исчерпан.

Что касается сложных лечений и медицинских операций, то Севи не знал, во что это обходится. Он не знал, что для назначения даты операции и даже плановых операций больные "выстраиваются" в длинные очереди, по два-три месяца. Если говорить о месте жительства Севи, он находился рядом с территорией США. Дорога туда была прекрасной. Проезд через тоннель сокращал путь. После пересечения границы можно было быстро оказаться в госпитале, по своему выбору. В любое время больных принимали и оказывали им медицинскую помощь уровень медицины в США достаточно высокий и врачам все равно, откуда прибыли больные.

Близость границы с США помогала не только для лечения больных, но и сказывалась на других материальных затратах. Например, переехав границу человек, попадал в

город Беллинге, где было много больших и малых торговых центров, в которых был большой ассортимент товаров различных наименований. Наплыв покупателей из Канады только обогащал хозяев этого бизнеса. Особенно, если учесть, что разница между канадским долларом и долларами США была очевидной.

Если учитывать цены, то в Америке можно было делать покупки гораздо дешевле. Знакомые Севи говорили ему, что они еженедельно едут через границу, там заправляют свой транспорт бензином и делают покупки. Таким покупателям американцы были рады. Единственное, чем были американцы не довольны, это тем, что канадцы засоряли город. Дело в том, что, сделав покупку, гости срывали упаковки и бросали их прямо на улицах города, засоряя проезжие части дорог. Они никогда не убрали за собой. Упаковки им были ненужным балластом, так как на границе надо было платить пошлину. Севи тоже стал постигать эти мудрости и использовать их для своей выгоды.

В каждой стране пребывания евреев интересует вопрос отношения этого государства к Израилю, его сыновьям и дочерям, к самому факту существования еврейского государства. Севи глубоко задавался этим вопросом. Свое мнение он высказал в письмах к своим родственникам. Он писал: "Канада, очень дружелюбная страна по отношению к своим гражданам еврейской национальности и к Государству Израиль. Друг Израиля. Премьер-министр С.Харпер, в своем выступлении сказал, что "...На протяжении всей моей жизни Израиль является символом победы, надежды, и веры... Враги ненавидят Израиль и еврейский народ. Наше правительство верит, что, угрожая Израилю, они угрожают и Канаде. Против этой угрозы в этой непрекращающейся борьбе Канада стоит плечом к плечу с Израилем – нашим другом и союзником"".

В правдивости этих слов премьер-министра Севи убеждался не раз. В мае месяце он лично принял участие в ежегодном марше, который проводила Федерация еврейских общин Большого Торонто. В марше, по мнению Севи, участвовало не менее 10 тысяч человек. Многие участники марша шли с семьями, малыши ехали в своих колясках, дети постарше держались за родителей. Севи и Бильго чувствовали себя среди близких людей, настолько было много дружелюбных радостных лиц. Люди говорили о той помощи, материальной и духовной, которую их страна оказывает еврейскому государству.

Учитывая относительную близость Нью-Йорка, еврейские общины Канады часто выезжают туда и посещают своих близких, родных и друзей. Дни торжеств и не дай Б-г, траура, проходят при скоплении народа с той и с другой стороны. Жизнь горских евреев в Торонто освещается в ежемесячной газете "Новые рубежи".

Что касается жизни Севи, то его жена Бильго благополучно родила сына, которого в день обрезания назвали именем его предка, Давидом. Жизнь продолжается, посеянные семена дают всходы. Таково было племя, таковыми стали посеянные семена.

Мечта Севи – в будущем году в Иерусалиме.

Азербайджан - толерантная географическая родина.

Из дури гэштэм - эз кэзники офтэм.

Искал вдали, нашел вблизи.

Натан остался на географической родине. Бывает так, что человек, преследуя определенную цель, пускается в дальний путь, в то время как искомое находится близко, всего в двух шагах от него. Потомки Талхумова Давида разъехались не только по разным городам, но и по разным странам. От второй жены Мирвори, у него был один сын и три дочери. Одна дочь была замужем за односельчанином и проживала недалеко от отчего дома. Другая дочь вышла замуж за бакинского горского еврея-портного. Третья умерла в молодом возрасте, так и не познав радости материнства.

Сына назвали Натаниэль (в переводе – "Данный Б-гом"). В реальной жизни его звали Натаном, иногда просто Нат. Отец его баловал. Он был общителен по характеру, любил свою семью, всегда находил общий язык с детьми многочисленных родственников.

Больше всего Натан дружил и был близок с двоюродным братом Асоилом (имя переводится – "Созданный Б-гом"). У друзей было сильно развито чувство справедливости и честность. Разница в возрасте между ними была небольшой, всего полгода и поэтому она не чувствовалась. Когда началась война 1941-1945 гг. немецкие самолеты прорывались к г.Баку, желая взорвать нефтяные промыслы и тем самым создать хаос и прекратить добычу "черного"

золота. Один из этих самолетов, пролетел в нескольких километрах от Красной Слободы, со стороны райцентра Кусары. Зенитчики его сбили, живого летчика взяли в плен (он успел катапультироваться). Остатки самолета вывезли на грузовиках "Студебекер" (американские грузовики, подаренные СССР). Дорога проходила через Красную Слободу, и местные жители сразу об этом узнали.

Об этом событии Асоил узнал раньше своего друга, прибежал к нему и сказал:

– Ты спокойно сидишь и ничего не знаешь! Вся Красная Слобода взбудоражена. Вставай быстрее и бежим на дорогу из Курасар. Там уже находится усатый Пардил Пардилов, наш председатель, стоит и во все горло кричит: "Эй, джаамат, кура бошит, кура бошит! (Эй, народ, собирайтесь! Послушайте!) Ахыр фашисто омери! Зу бошит! (Наступил конец фашистам! Поторопитесь!)"

– А что случилось? Почему собирают народ? Не дай Б-г пожар? Ты весь потный, отдохни, отдышись!

– Какое отдохни! Какое отдышись! Там фашиста поймали, бежим, посмотрим!

– Ленге Зарбоила, что ли? Ведь фашист – это его прозвище, за характер.

– Хватит болтать! Настоящего фашиста поймали! Там увидим.

Они вдвоем побежали на перекресток центральной улицы и "кусарской" дороги. Там действительно собралась большая толпа, в середине стоял грузовик "Студебекер", а рядом в легковой машине ЭМ-1 сидел холеный и наглый фашист с двумя энкаведешниками по бокам. Через стекло его трудно было рассмотреть. Вздвигнутая толпа кричала то "Мазалтк!", то "Смерть фашисту!"

В грузовике лежали остатки самолета с фашистскими крестами и свастикой. Затем автомашины уехали в Баку, страсти улеглись. По радио сообщили некоторые

подробности о том, как был сбит самолет. Около клуба на электрическом столбе висело радио в виде черного вогнутого круга, откуда доносился хриплый голос, громкоговоритель сильно искажал звуки. Вокруг этого столба всегда собирался народ. Благодаря этому радио жители Красной Слободы узнали о начале войны, и отец Асоила через несколько дней оказался на воинской службе.

Детство Асоила, Натана и других детей пришлось на военное время. Их время было совсем не похоже на наше, на нашу современность. Разница огромная.

Набегавшиеся и уставшие дети пили холодную воду из колонки на улице. Пили не из стакана, а жадно припав к крану. Выстраивалась живая очередь из жаждущих. Как-то получалось, что никто не заболел сам и не заражал других. О пластиковых бутылках они не имели представления. Телевизоров, и компьютеров, естественно, не было.

Главное, что у них было – это друзья. Друзей было много, и не только родственники, одноклассники, но и просто дети, жившие на одной улице. Когда дети хотели кого-то увидеть, то просто стучали в дверь, звонили в дверной звонок или просто заходили и встречались. Сами! Без спросу! Одни! Родители не боялись отпускать детей. А как нынче? Возможно ли такое?

Особо выдающихся событий в жизни Натана до призывного возраста не было. Одни и те же заботы, серые будничные дни и яркие, на этом фоне, праздники, дни рождения. Тогда были подарки. Натан вспоминал, как мама в детстве говорила:

– Сынок мой, Натанчик! Я это тебе сейчас покупаю, но это на рождения!

И для Натана тянулись дни, когда он весь был в ожидании дня рождения. А еще праздником для многочисленной детворы родственников был день выпечки

хлеба в тэну (специальное углубление в земле). Всегда впереди очереди оказывались Натан и Асоил.

Наступил день, когда пришла повестка из военного комиссариата, Натана призывали в армию. Слава Б-гу, война закончилась, наступил, не менее тяжелый послевоенный мир. Родители хотели любым способом освободить его от службы в армии, хотя дяди и тети были против этого. Они уверенно говорили: "Пусть идет служить! Армия научит его дисциплине, он возмужает".

Родителей постигла неудача. Слишком высока была "шапка Мономаха", т.е. сумма выкупа оказалась высокой. То ли посредник, то ли военком оказались слишком жадными, а может быть "клиентов" было много. В конечном счете, наступил день проводов Натана на службу.

Сначала всех собрали в пригороде Баку – Баладжары, а затем отправили в воинскую часть на Украину. После прохождения курсов молодого бойца ("учебка"), юноша из Красной Слободы стал бравым танкистом в городе Белая Церковь, который находился в 99 км от Киева. Солдаты в воинской части были "детьми разных народов" Средней Азии, Кавказа, Молдавии и т. Среди них были русские и не русские. Некоторые из последних плохо владели русским языком. Их, почему-то, называли "чучмеками".

Рядовыми солдатами командовали сержанты и старшины. Над ними в свою очередь были офицеры. Когда вновь сформированная рота выстроилась старшина, украинец, начал знакомиться с солдатами. Он подходил к солдату, тот должен был представиться, назвав свою фамилию. Когда он подошел к Натану и увидел черноволосого с носом с горбинкой солдата, то с каким-то удивлением спросил:

– А ты, чучмек, откуда и кто?

– Я – горский еврей, из Азербайджана. – Получив ответ, старшина с еще большим удивлением, сказал:

– Ты что, еврей? Таких евреев я еще не видел! То что, ты с каких гор, все равно – жидовская морда, – сказал старшина.

Впервые Натана назвали таким, как ему казалось, очень оскорбительным словом. Правда, ранее в Баку он слышал выражение "джуууд баласы" (дитя еврея). Но это не звучало обидно. Во время службы Натан обратил внимание на то, что закавказские народы, несмотря на свои разногласия, оказавшись в едином строю, на далекой украинской земле, были дружны между собой и поддерживали друг друга.

Рядовые азербайджанцы всегда поддерживали Натана, называли его земляком. Разговаривали они с ним по-азербайджански. Неприязнь он чувствовал только со стороны сверхсрочника – старшины.

Про службу многое не расскажешь, поэтому домой он посылал скудные письма. За службу Натан получал благодарности, но ни разу не получил даже недельного отпуска.

По окончании срока службы Натан вернулся домой и выглядел взрослым, но все же, молодым юношей. Домочадцы готовились к его приезду и удивили его. Во дворе дома его ждала недорогая машина "Запорожец". За время обучения управления танком, он сдал экзамен для получения водительских прав и для управления легковым автомобилем.

Встреча с семьей была желанной и очень радостной. Двери их квартиры не закрывались, гости приходили и уходили, их вообще было много. Это не удивительно для Красной Слободы, где все друг друга знали. Натана тоже пригласили в гости. Так что дни проходили в состоянии полноценного отдыха. Натан лишь жаловался, говоря, что от этих вкусных обедов он не может не "испортить фигуру". Один раз Натан очень удивился, когда его с родителями пригласили "соседи", которые жили не рядом, а через семь домов. Это была семья его одноклассницы Хавы.

Особой дружбы между ними не было, тем более "объяснений и обещаний". Они просто – знали друг друга. Родители, конечно, были знакомы. Гости и хозяева разговаривали, ели, пили. Натан всех смешил, рассказывая о своей службе, особенно высмеивал он старшину. Все были навеселе. В конце хозяин вдруг сказал:

– Молодежи, наверное, душно в комнате? Вы можете выйти не балкон, подышите чистым кубинским воздухом.

Натан этому удивился. Не в характере горских евреев, чтобы отец давал такое разрешение. Но Натан решил не придавать этому значения, и они с Хавой вышли на балкон, где действительно было приятно дышать чистым воздухом. Они вспоминали школу, одноклассников. Вечер закончился поздно, и семья возвратилась домой. На следующий день мать стала осторожно задавать вопросы:

– Сын, а тебе нравятся наши соседи, у которых мы были в гостях?

– Да, они хорошие люди. Я же их знаю.

– А ты знаешь, Хава такая хорошая, видно, что она – хорошая хозяйка. Она сама накрыла стол, даже сама приготовила обед. Они ни с кем не встречается. Никто не может сказать о ней ничего плохого.

– Да, я ее знаю. Она и в школе была скромной.

В этот день больше разговоров о Хаве не было. Через два дня мама начала атаку:

– Хава нам нравится. Мы были бы рады иметь такую невестку. Ты же знаешь "Арус хунэ – товуш хуне" (Невестка в доме – свет в доме).

– Я ее знаю, вместе учились, но я еще не хочу жениться, хочу учиться, получить образование, а потом думать о женитьбе.

Атака на Натана продолжалась. Наступил день, когда в ход пошла "тяжелая артиллерия". Молчаливый отец повернулся к сыну и весело сказал:

– Гофэ бурджун, багдэ вэдэшэн (сначала подумай, потом скажи). Завтра вечером поговорим? Ты все взвесь. Мое мнение ты знаешь. Скажу только, я с ее отцом – друзья. Не прогадай!

Натан плохо спал ночью. Одно дело, когда мама говорит, другое – слово отца. Хава для него была просто симпатичной девушкой. О любви это не свидетельствует, но и о неприязни – тоже. Что касается родителей, то было очевидно одно, они не откажутся от задуманного. Натан пришел к выводу, что придется выполнить общую волю. Вечером он сказал отцу: "Как скажешь, так и будет". Этот короткий ответ вызвал ликование и переполох.

Состоялось сватовство, обручение и свадьба. Молодожены получили отдельную комнату и были довольны. Хава быстро вошла в ритм семейной жизни и скоро стала равноправным членом семьи. Тогда стало модно проводить медовый месяц в путешествиях. Советский Союз был большой, разные республики, а можно было, и поехать за границу. Отец посоветовался с новыми родственниками, и они решили, что можно ехать в Турцию. По слухам, в Турции можно было продать даже ношеную одежду. Быстро собрали костюмы, платья и другие вещи, надеясь, что продав, эти вещи можно будет окупить затраты на поездку. Турецкий язык очень похож на азербайджанский, и во всяком случае, объясниться можно. Вопрос визы не вызвал затруднений. Там сидел человек, который любил иметь дело с надежными горскими евреями. Загрузив свой "Запорожец" двумя чемоданами, тремя канистрами бензина и поменяв в банке рубли на турецкие лиры, Натан и Хава пустились в дальнейшее путешествие.

Они были молоды, он и она – только вдвоем! Что еще нужно! Настроение было бодрое, все пути открыты. Все новое всегда интересно. Но всегда может "в бочку меда попасть ложка, пусть всего лишь ложечка, дегтя".

Выехали через Красный мост на границе Азербайджан-Грузия и покатали дальше под шум родного "Запорожца". Пока они ехали по территории Грузии до Батуми, там им предстояло пересечь границу, тут-то и "сработала" та самая "ложечка дегтя".

Везде их останавливали сотрудники автоинспекции и уточнив цель поездки, требовали соответствующую мзду. Так что они продвигались с минусом для кошелька. Приехав в Батуми, они установили, где находится контрольно-пропускной пункт, успешно прошли таможенный и пограничный досмотр и получили право переезда границы. Таможенники кое-что изъяли, но Натан уже привык к поборам. По дороге в Батуми с машиной было происшествие. Ехали по сильно пересеченной местности, все время подъемы и спуски. На одном крутом подъеме мотор машины вдруг задымил. Натан остановил машину, открыл капот и увидел огонек. Он растерялся и не знал, что делать, огнетушителя у него не было. День клонился к вечеру. Трасса была оживленной.

То, что произошло дальше, Натана просто потрясло. Около "Запорожца" вмиг стали останавливаться машины с местными номерами. Жители этого района – аджарцы. Из машин выскакивали люди и стали помогать тушить огонь. Кто-то достал огнетушитель, кто-то успокаивал Хаву, которая была в полуобморочном состоянии. После тушения огня к Натану подошел небольшого роста мужчина, лет 30-33 и сказал:

– Кацо, я – аджарец, меня зовут Шота, твою машину надо отремонтировать. Мой дом недалеко отсюда. Я возьму вас на прицеп, поедem ко мне домой, утром посмотрим, чем тебе помочь.

Выбора у Натана не было, надо было полагаться на гостеприимного незнакомца. Натан сказал:

– Спасибо за все. У вас может быть есть гостиница, мы там переночуем, а утром я отыщу где-то автомастерскую.

– Откуда у нас гостиница?

– Тогда, может быть, Хава переночует у вас, а я посплю в машине?

– Вай! Зачем обижаешь меня!? У тебя такое положение, а я не помогу тебе? А если бы я оказался в Баку, и мне надо было бы помочь, ты не помог бы?

– Помог бы.

– Тогда слушай. Я беру тебя на прицеп, на буксире мы доедем до моего дома, переночуем, а утром твою машину отремонтируют и счастливого пути!

Взяв на буксир "Запорожец" они проехали не больше трех километров, заехали в какое-то село и остановились около двухэтажного дома. Шота сказал, что это его новый дом, он еще с некоторыми недостройками. Затем пригласил их войти в дом, и они оказались в большом зале, где были двери в другие комнаты, и была лестница, которая вела на второй этаж.

Натану и Хаве была отведена отдельная комната и их предупредили, что через 15 минут надо выйти к ужину. Отказ был бы оскорбительным. Супруги были удивлены, увидев большой накрытый стол. Различные салаты и другие блюда разноцветным узором были расставлены на столе. Там стояла и бутылка, в которой было не менее трех литров самогонки и несколько бутылок красного и белого вина. Со слов Шота стало ясно, что напитки из винограда его виноградаря и приготовил их он сам.

За столом Шота произносил дружеские тосты, пил до дна, а Натан пил меньше, так как не представлял себе, как можно так выпивать. О себе Шота рассказал:

– Мы аджарцы имеем грузинские имена. Но наша история такая, что при рождении нам дают турецкие имена. Например, я имею имя Исмаил. Этот обычай постепенно

уходит. Когда-то, еще во времена Османской империи в войсках турок служили мамлюки. Это были потомки пленных, уведенных из Грузии храбрых воинов-грузин. Постепенно они "отурчивались". Затем Турция ослабла, территория отошла к царской России. Город Батуми (потурецки Батаклыг – болото) стал центром Аджарской республики.

За столом тост следовал за тостом. Натан не мог отказываться и решив пойти на хитрость, он сказал:

– Дорогой Шота, у нас в Азербайджане так много не пьют. Мы тоже много пьем, но только чай. У нас даже говорят: "Если ты выпил один-другой стакан чая, то выпей пять стаканов, а коль счет дошел до пяти, тогда пей до пятнадцати!".

Шота много смеялся над любителями чая, Натан воспользовался этим и сказал:

– Я очень уважаю ваши обычаи, вы гостеприимный народ. Мы добрые соседи. А ты уважаешь наши обычаи?

– Что ты говоришь? Конечно, конечно!

– Тогда я буду пить чай, а ты – все, что хочешь!

Шота долго смеялся и сказал:

– Конечно, пей чай, а я перейду от чачи к вину, – обратившись к жене, он добавил – Гости просят чаю, завари быстренько.

И уже через какое-то время каждый пил свое.

Хорошо посидели и, наслушавшись грузинских песен, которые пел Шота, а его жена подпевала, все разошлись по комнатам. Утром встали в 10 утра, и снова был накрыт стол, во время завтрака Шота изложил свой план:

– Сейчас отвезем машину к мастеру Гиви, он большой специалист по ремонту автомашин, а потом "путник должен быть в пути", то есть ты сможешь ехать.

Натан согласился. Когда они приехали в мастерскую и поставили машину в гараж, Гиви сказал:

– Зайдем в мой кабинет, о машине не беспокойся, мои ребята приведут ее в порядок.

Натан задумался над тем, во сколько ему обойдется этот ремонт, ведь на это он не рассчитывал. Но делать было нечего, и он поплелся в кабинет. Хава осталась дома с Майей. Зайдя за хозяином в одну из дверей, Натан увидел не письменный стол мастера, а накрытый обеденный стол и опять бутыль чачи. От одного вида чачи Натану стало плохо. Шота что-то сказал Гиви на грузинском языке и тот недовольно посмотрел на Натана:

– Не понимаю, как это может быть? Ты приехал издалека, ты – мой гость, а может, ты не считаешь меня грузином? У меня нет чая. Ты не думай о ремонте, он не будет тебе стоить денег. Это знак моего к тебе и Шоте уважения .

Шота вмешался в разговор и что-то долго объяснял Гиви. Натан был счастлив оттого, что ему не пришлось пить чачу. Ремонт был произведен, оплату не взяли, Гиви на прощанье сказал:

– Будешь ехать обратно. Заходи, попрощаемся, обменяемся адресами, дай Б-г, когда-нибудь может, приеду в Баку.

После плотного обеда Натан покинул гостеприимный дом.

Итак, после двухдневного ремонта автомашины и необычного времяпрепровождения с грузинами, Натан оказался на турецкой земле, где начались всевозможные осмотры. "Запорожец" загнали на яму, осмотрели, ощупали сверху и снизу. Контрабанды не было. Но, оказалось, что четыре канистры бензина везти нельзя, можно только две. Бензин в Турции был дорогой. На глазах у Натана турки отобрали у одного туриста лишние канистры. Натан подошел к таможеннику и сказал по-азербайджански, что он из Баку и что у него в Трабзоне живут дальние родственники. Турок дружелюбно посмотрел на него, но

затем суровым голосом сказал по-турецки: "Чабук ол, йола дюш!" (Быстро отправляйся в путь!).

Это означало, что дорога открыта, бензин удалось провезти. Страхи остались позади, началась поездка по турецким дорогам. Не все они были покрыты асфальтом, некоторые назывались "чакил йолу" (дорога, покрытая галькой, т.е. мелкими камешками). В пути они останавливались в харчевнях, где с удовольствием ели "мэрджимек чорбаси" (чечевичный суп). Натану очень помогало знание азербайджанского языка. Язык турок в Восточной Анатолии более близок к азербайджанскому, чем, например, в Стамбуле, Анкаре. Без происшествий они приехали в Трабзон. Стали искать гостиницу. Наткнулись на вывеску "Эвизим" (Наш дом). Припарковали машину и вошли. Оказалось, что это полупустой отель, за стойкой сидел юноша, который, увидев гостей, вскочил с приветствием: "Хош гэлдиниз" (Добро пожаловать!) Посмотрев предъявленные паспорта, он сказал:

– Сизин ичин гэджелик кырк беш лира (Для вас ночлег 45 лир). На это Натан ответил по-азербайджански:

– Гардашим, 45 йох, 25.

Администратор отрицательно покачал головой и кому-то позвонил, получив ответ, он сказал:

– Пекале, мусадэ вердилер (Хорошо, разрешение дал).

После оформления формальностей, гостей провели в номер, который оказался комнатой с двумя кроватями, шкафом, столом и стульями. Туалет был в коридоре. Усталые гости, даже не разобрав свой багаж, сразу легли спать. Проснулись они от стука в дверь. Натан подошел к двери, едва успев одеться:

– Кимдир? (Кто это?).

– Кусура бахма, бэн чайхана сагиби. Азыджик конушмак истийорум. Олур му Мусадэ эдимийормусуэ? (Извини, я – хозяин чайной. Хотел немного поговорить. Разрешите?)

Натан открыл дверь и вышел в коридор. Там стоял старик, который еще раз извинился, сообщил, что его зовут Мустафа-эфенди, он хозяин чайной на первом этаже. Узнав о гостях, он решил пригласить их на завтрак. Причем он не будет брать с них деньги. Натан удивленно спросил причину такой щедрости. Старик объяснил ему, что когда местные жители узнают, что приезжие из Баку каждый день завтракают только у него, то это станет лучшей рекламой. Ему выгода, поэтому он обязуется каждое утро угощать их, чем они захотят, бесплатно. Выгода была обоюдная, Натан согласился и сказал, что вскоре спустится вместе с женой на завтрак. Старик поблагодарил и ушел.

Натан и Хава привели себя в порядок, и пошли вниз. Супруги, как и все советские люди, за границей, в целях экономии денег, взяли с собой прозапас хлеб, сыр, колбасу и консервы и питались в своих номерах в гостинице. Перед ними сейчас открылась возможность экономии продуктов, и они решили этим воспользоваться.

Все столики кроме одного были заняты, видимо их ждали. Многие из присутствующих говорили им: "Добро пожаловать!", а Натан отвечал им приветствием. Мустафа-эфенди сам принес им завтрак и разные восточные сладости. Были слышны отрывки разговоров за столиками: "Смотри, как они хорошо одеты", "Видимо благородные люди", "Они образованные", "Они принесли нам радость". Заметив смущение гостей, Мустафа-эфенди сказал присутствующим, чтобы они оставили супругов в покое. Затем, обернувшись к Натану, он рассказал о достопримечательностях города. Он очень советовал обратить внимание на склоны гор в южной части, так как турки нанесли там поражение армянам во время войны, которая была между ними.

Поехав на местный базар, супруги встретили там много своих соотечественников из Советского Союза. Каждый из

них что-то продавал. Натан понял, что здесь можно продать привезенные ими ношенные вещи. Но молодые люди не стали этого делать из-за своей скромности и стеснительности. Затем он зашел в банк "Кой банкаси" (сельский банк) и поменял турецкие лиры на американские доллары. Правда, при этом случился конфуз, оказалось, что некоторые турецкие купюры были фальшивыми. Натан рассказал кассиру о магазине, где этими деньгами ему дали сдачу и о своем приезде из Азербайджана. Тот успокоил Натана и сказал: "Мы разберемся с этим магазином".

Дни отдыха пролетают быстро, и только потом человек вспоминает о том, что еще он мог бы увидеть, купить, привезти. В день отъезда Мустафа-эфенди провожал их, они обменялись адресами. Натан дал неправильный адрес. Мустафа-эфенди положил в "Запорожец" большую коробку с различными восточными сладостями. Еще долго после их отъезда в чайной вспоминали приятных "азербайджанцев" из Баку.

Обратная дорога прошла без приключений. Был заезд к Шота и Гиви, вручение им подарков из Турции, а те положили в машину трехлитровую банку чачи и сыр сулугуни. Дома никто не был обделен подарками.

Натан начал работать таксистом в Кубе и ездил по маршруту Куба-Баку, а через год и вовсе стал бакинцем. В Баку он поступил в торговый техникум. Жили они на квартире дяди Заура, которая находилась на проспекте имени Ленина, напротив футбольной базы "Ннефтчи", на девятом этаже. Дети дяди были взрослыми, у них были свои семьи и они жили отдельно. Дядя к тому времени овдовел, и трехкомнатная квартира тяготила его. Так, что переезд Натана пришелся ему по нраву, да и уход нужен за старым человеком. Жизнь в Баку налаживалась, будущее казалось безмятежным.

Но назревал "черный январь". Его причиной послужил пожар, который вспыхнул после изгнания азербайджанцев из Армении. Ранее они проживали в городах: Ленинакан (до переименования он назывался Гюмрю, что значит "таможня"), Коровакан, Артанат, Октемберян и другим местах компактного проживания. Вдруг они стали изгоями. Многие не чувствовали, что события назревали давно. Еще в 1960-ом году азербайджанцы обращались к руководству республики, чтобы им определили места, куда они могли бы переселиться. Но ответы были трафаретные, наподобие: "В СССР все нации свободны в своих действиях", "Человек человеку – друг, товарищ и брат" и т.д. Теперь "гнойник" прорвался. Гонимые оказались без крова и работы. В Баку прошли массовые протесты, огромные митинги, которыми воспользовалась "Народная партия". Возникла ненависть одной нации перед другой.

Натан не послушался дяди и стал ходить на митинги. Один раз его избили, приняв за армянина. Спасло то, что на митинг он пришел с группой товарищей азербайджанцев. В ночь с 19 на 20 января Натан увидел из домашнего окна кухни, как на горизонте проносились одна за другой цветные точки. Как бывший военнослужащий, он сразу понял, что это трассирующие пули. Не зная, почему вдруг в городе началась стрельба, он стал обзванивать своих знакомых, но и те были встревожены.

Утром он узнал страшную тайну – в аэропорту высадился советский десант, оттуда танки пошли на штурм города, по дороге они давили людей, автомобили и стреляли. Наступили страшные дни, не похожие на явь. Но именно это и была реальность, она заставляла поверить в непоправимое. Началось время безвластия, национальной резни. Однажды Хава зашла в продуктовый магазин напротив дома, т.е. в "свой" магазин. Армянина-продавца уже не было, а какие-то посетители приняли ее за армянку,

одна даже ударила по лицу и обругала. Ее спасло то, что как постоянную покупательницу ее хорошо знали работники магазина, они и спасли ее от избиения. Дома Натан заметил синяк у нее на лице и спросил:

– Ты упала что-ли? Откуда синяк?

Хава все объяснила мужу о том, что произошло. С того дня Натан запретил жене ходить в магазин, покупки стал делать сам. Но дядя Заур запретил и Натану делать покупки и сказал: "Я буду сам делать покупки. В магазине меня даже мыши знают". Действительный страх овладел супругами, когда однажды вечером к ним постучали трое неизвестных мужчин. Один из них сказал:

– Мы – азербайджанцы. Нас изгнали из Армении. Мы имеем все права, чтобы жить и работать в своей республике. Мы были сегодня в ЖЭКе (жилищно-коммунальное управление), взяли все списки жильцов дома и обходим их. Мы – коренные азербайджанцы вынуждены где-то ютиться, не можем найти работу, а вы – евреи, не коренные жители имеете квартиру, работу, машину и всякое другое. Разве это справедливо? Вы уже имеете еврейское государство, поезжайте туда и устраивайтесь там. Не беспокойтесь, мы дадим вам время на сборы и даже будем вас провожать.

Натан и Хава притихли, не зная, что ответить, какие слова сказать. Но дядя Заур взорвался:

– Мы не коренные? Да, мы не коренные? А вы, значит, коренные? Вы не знаете историю этой страны! Мои предки во многих поколениях жили на этой земле, кирпичик за кирпичиком строили ее, защищали и работали на ее благо. А где были вы, которые хотят называться коренными? Вас не было в этой стране, вы были в другой, которая сейчас вас выгнала! Да, они поступили подло и гадко. Это ужасно! Но в данном случае я говорю только о фактах. Вы работали на них, укрепляли их страну.

Выслушав, старший из "гостей", сказал:

– Я вижу, ты хорошо знаешь историю. Ты – аксакал, я не буду отвечать тебе плохо. Мы уходим, а вам надо серьезно подумать над нашими словами.

После ухода этих "пришельцев" долго длилось молчание, каждый размышлял. Затем дядя Заур сказал:

– Я думаю, что вам надо уехать, а я останусь. Я позвоню в Кубу, выскажу свое мнение. Посмотрим, что решат ваши старшие...

Мнение Натана и Хавы никто не спрашивал, выход из положения искали старшие. В итоге Натан был вынужден бросить учебу в техникуме, и супруги переехали из Баку в родной поселок. Здесь было более благополучно. Сначала Натан проработал водителем автобуса, а затем его назначили начальником автостанции в городской (азербайджанской) части Кубы (э гэлэ). Это не мешало заниматься мелким бизнесом.

Однажды Натану позвонил одноклассник, который жил и работал в Москве. Оказалось, что друг достиг определенного положения и занимает хорошую должность в "империи" одного миллионера. Ему были нужны надежные работники, и он решил пригласить Натана в компанию.

Приглашение было принято, и очередной переезд состоялся. Прежняя работа и накопленный опыт пригодился, и вскоре Натан получил должность начальника управления транспортным сервисом. Под его руководством работало много сотрудников. Подчиненные, в основном горские евреи, уважали его за справедливость. Были и конкуренты, ненавидевшие его. Это дело житейское обычное.

У Натана в семье появилось и прибавление, родился сын, которому дали имя Давид. На вопрос приятелей: "Где лучше жить в Москве или в Красной слободе?" Натан неизменно отвечал:

– В Слободе и только в Слободе! Там спокойная обстановка, люди раскованные, а Москва – многонациональная, люди вечно чем-то озабочены, куда-то несутся, ходят хмурые.

– Тогда, почему ты не уехал из Москвы, например, в Израиль? Натан отвечал так:

– Израиль – моя историческая Родина, мое последнее прибежище. Там жили мои предки, я умру и буду похоронен там. Моя вторая Родина, там, где я родился, где находится моя семья.

– Ты говоришь, там, где моя семья. Возьми семью и уезжай в Израиль.

– Я горжусь Азербайджаном. Горжусь его Президентом, который прямо заявил: "Проживавшие в Азербайджане горские евреи – это наши братья, это – мои братья. У нас у всех одна Родина – Азербайджан. Такая политика будет вечно проводиться в нашей стране". Эти слова он громогласно произнес, когда присвоил кубинской школе номер один имя горского еврея Исаака Ханукова. Это же имя было дано и одной из улиц в Красной Слободе. В парламенте Азербайджана заседает горский еврей Евдо Абрамов.

Все происходящие события оставляли следы в размышлениях Натана. В его планах намечалась поездка в Израиль, где должны собраться потомки родоначальника Давида. Это собрание должно быть грандиозным.

Кто знает, может быть после такого сбора все поколения соберутся, и будут жить в Израиле? Это уже для большого рассказа о семенах, разбросанных по странам мира и помнящих о своих корнях. Худо Кумек!

Лиза выполнила первую заповедь

И Благословил их Б-г и сказал: «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю». Брейшиит 1:28

Правнучка Давида, по имени Лиза. Росла стеснительной и послушной девочкой. Она любила помогать своей маме по хозяйству в доме. В 17 лет она выглядела старше своего возраста. В некоторых семьях Красной Слободы уже обсуждался вопрос о том, как бы женить на ней своих сыновей, выдвигались различные варианты решения этого вопроса.

Известно, что люди полагают, а Б-г располагает. Корой Худорэ тануста нибу. А времена наступили такие, что некоторая мужская часть местных жителей устремилась в Москву, где они сумели очень даже неплохо устроиться. Имена некоторых из них были на слуху, о них только и говорили. Один работал в области недвижимости, другой оператором торговых центров. Среди них выделялся владелец крупнейшей торговой сети магазинов Черкизовского рынка в Москве. Говорили о миллионных состояниях, прямо как из сказок "Тысячи и одной ночи".

Из среды местных жителей выросло поколение, обладающее новым менталитетом. Изменились не только люди, но и облик поселка, появились чистые заасфальтированные улицы, красивые дома и общественные здания. Молодые девушки мечтали о московских "принцах", которые и увезут их в далекую Москву.

Лиза не была исключением. Она хотела вырваться на широкий простор. Она верила, что если сильно хотеть, то мечты сбываются. Лиза услышала, что к старикам из соседнего дома приезжает на отдых из Москвы внук Ливи. Подобные визиты всегда отмечались большим торжеством.

Призадумались и родители Лизы, они очень хотели бы заиметь такого зятя. Решив между собой то, как воспользоваться этим шансом, они посоветовали дочке больше времени проводить во дворе под тутовым деревом. Когда Ливии приедет, и будет появляться в соседнем дворе, сказать ему, причем очень приветливым голосом:

– С приездом, как поживают твои родители? Как ты?

Инструктаж был полным, в нем было много и других необходимых вопросов. Обязательно надо похвалить соседей-родителей парня и сообщить ему, насколько соседи близки друг с другом, даже ближе, чем родственники. Лизе все это показалось забавным, и она охотно включилась в "игру". Ею овладело любопытство.

Настал день приезда Ливи. Состоялся торжественный вечер, на котором присутствовали близкие родственники и, конечно, соседи. Еще днем мать отправила Лизу к соседям заранее, чтобы она помогала по хозяйству и в подготовке к приему гостей. Такая помощь является обычным делом у горских евреев.

Так и состоялась первая встреча Лизы и Ливи. Она увидела, что Ливи среднего роста, смуглый с усиками. Держался он самоуверенно, с достоинством. Оказалось, что ему 21 год, в Москве он занимается предпринимательством, и вообще он – "симпатяга".

Что касается Ливи, то он несколько снисходительно отнесся к соседке, разговаривал с ней дружелюбно, было видно, что он знает себе цену. Вечер прошел весело и оживленно. В центре внимания был Ливи. Ему удалось показать, что он – столичный житель, отличается от местных сверстников. Ливи раздавал небольшие сувениры, рассказывал смешные анекдоты. Все веселились, много смеялись и расстались далеко за полночь, очень довольные проведенным вечером.

В последующие дни Ливи и Лиза как бы случайно встречались у невысокой символической ограды между дворами и перекликались по каким-то пустякам. Родители Лизы нашли нужным пригласить в гости своих соседей. Те охотно пришли. За столом пили тутовую водку, которая медленно, но верно заставляет человека быть благодушным. Старик Рафоиль, несколько выпив, сказал отцу Лизы:

– Дорогой сосед, ты только посмотри на наших молодых. Мне кажется, они очень подходят друг другу. Твою дочь я знаю с самого детства, иногда я даже нянчил ее и мой внук – парень, что надо. Как, по-твоему?

– Я думаю, что ты прав. Но прежде всего надо, чтобы они сказали свое слово. Я не знаю их мнение.

Старик воинственно сказал:

– А кто может мне противоречить? Мое слово веское. Ты не смотри, что мой сын живет в Москве, достиг каких-то успехов. Он должен меня слушаться, что скажу, то будет.

Может, водка говорила в старике или он действительно думал, как сказал, стало известно на следующий день. Соседи часто встречали друг друга в своих открытых дворах, так и получилось.

Утром они встретились, поздоровались, и старик сказал:

– Дорогой сосед, ты подумал над моим предложением? Я все говорил обдуманно. Мы хорошо знаем друг друга. Мы всегда были вместе в беде и в радости. Я боюсь, что мой внук найдет себе какую-нибудь "мартышку", не еврейку или неподходящую еврейку. Твоя дочь самая подходящая для него спутница жизни. Ты хорошо подумай! Если ты согласен, то я буду готовить почву, поговорю с сыном.

Решив вопрос между собой, соседи стали проводить "работу" в своих семьях. История умалчивает о том, какие были споры-разговоры, но в итоге было достигнуто общее согласие. После было сватовство – хозмуну. Старшее поколение Ливи пришли просить руки Лизы. Согласие

означало, что молодые вступали в счастливый период своей жизни, они выразили желание вступить в брак. Была определена дата обручения – гудуши. Наступил период испытания молодых на способность к взаимной надежности их отношений. Отныне они стали называться женихом и невестой.

На обручение гости пришли с подарками для невесты. Родители Лизы были состоятельными людьми. Богатому человеку хочется показать себя, свое "Я". Поэтому подарки были богатые. Они были уложены в большие подносы, накрыты шальями и косынками (цветными однотонными и разноцветными), перевязаны красными лентами. Там было все: одежда, обувь, ювелирные изделия. Ничего не скажешь, табаго (подарки) были красивыми и как бы говорили, что гости желают жениху и невесте такой же красивой жизни. С этими подносами гости пришли не по короткой дороге, а удлиннили ее, пройдя обходным путем, чтобы люди могли видеть эту пышность. У входа в дом невесты, мама Ливи накинула красивую шаль на голову Лизы. При этом она шепнула ей на ухо:

– Теперь ты уходишь из отчего дома и станешь своей в доме Ливи.

На следующий день жители Красной Слободы возбужденно обсуждали и смаковали все мельчайшие подробности этого торжества.

Свадьба состоялась сначала в Слободе с музыкальным сопровождением известного гармониста Хапу, с соблюдением всех еврейских обрядов и традиций. Продолжалась свадьба в Москве. А там уж, как говорится, "ни пером описать, ни словами рассказать". На свадьбу были приглашены известные русские певцы, один из которых исполнил небольшой куплет на джуури. Впрочем, о подобных свадьбах в Москве сделаны и еще снимаются документальные фильмы. В конце свадьбы гости сильно

повеселели и заставили Ливии с микрофоном прочитать стихи неизвестного автора:

*Женушка, любимая моя, ты знать должна,
Что ты – моя. Поэтому пойми
Твой каждый вздох и каждая слеза –
Они, как твои, так и мои.
Твоя улыбка, смех твой, песнь твоя,
Весь трепет сердца и расцвет души –
Что есть в тебе, то чувствую и я,
Волна волнуется, трепещет и бежит.*

Выступление жениха вызвало гром аплодисментов и восторженных возгласов. Родители были довольны, ведь они "перещеголяли" своих "друзей -конкурентов", такого еще ни у кого не было. Свадьба закончилась, и молодые супруги оказались в красивом доме со спальней в стиле Людовика. Комнат было много, и в них хорошо расположились мыслимые и немыслимые подарки. Жизнь Лизы стала проходить в поездках за границу, приемах гостей, в сопровождении мужа на деловых и иных встречах. Ее учили хорошим манерам поведения в обществе, как одеваться со вкусом, как накрыть стол для приема гостей и т.д.

А Лиза вспоминала свою любимую бабушку, которая не снимала с головы шаль, носила тяжелый серебряный пояс (кэмэр), и много другое, что она видела в доме родителей.

Временами ей казалось, что судьба перебросила ее из одной эпохи в другую. Но молодые супруги были горскими евреями, и несмотря на внешние перемены, они соблюдали еврейские традиции. Главное требование к ним со стороны старшего поколения заключалось в том, чтобы они выполняли свои обязанности, то есть, чтобы у них было много детей.

Лиза буквально восприняла это требование и в установленный срок родила первого сына. Радость предков по этому случаю была неопишуемой. Ребенок бы "вылитый отец", именно это обстоятельство и приводило Ливи в восторг. Мило (обряд обрезания) отмечался пышно. Гости: евреи и не евреи праздновали по "полной программе".

Прошло полтора года после рождения первенца. Общеизвестно, что во время схваток многие женщины так мучаются и страдают, что думают, что в будущем уже никогда не будут рожать.

Семью Ливи посещал раби Бенсион, европейский еврей из московской хоральной синагоги. Он помогал семье в вопросах исполнения обрядов и обычаев еврейского народа. Мудрый и начитанный раби был большим авторитетом для Лизы. Он напоминал ей раби Ихиила Севи из Красной Слободы. Раби Бенсион рассказывал о недельных главах (парашат шавуа) Торы или высказываниях мудрецов Талмуда. Лиза внимательно слушала его и как-то выразила свой страх перед тем, что дети в Москве могут вырасти плохими, на них может повлиять местное окружение. Тогда раби прочитал ей Брахот из Вавилонского Талмуда: "...Ты исполнишь свой долг и Всевышний сделает то, что приятно глазам его".

Семья Ливи оказалась весьма плодovитой. Супруги выполнили и перевыполнили свой долг. Они дали жизнь одиннадцати детям. Правда, это не рекорд. В Красной Слободе известны случаи, когда семья имела до шестнадцати детей. Интересно, что на вопросы, прямые или косвенные, сколько у вас детей (внуков) горские евреи никогда не отвечали точно, а говорили: "Да преумножится их число!"

Народная мудрость гласит: «Амбар гэрдо джууро зийод гэрдо шорийо, кэйвониаорэ – кор гэрдо!» Пусть в счастье, в

радости множится наш народ! У управителей торжества прибавится много забот.

С появлением детей семья выполняла как бы функции яслей, детского сада, школы и т.д. Лиза, конечно, физически не могла брать на себя всю нагрузку: детей надо было кормить, водить в школу, отводить к докторам, заниматься уборкой и т.д. Для этого были наняты опытные "гувернантки". В зависимости от возраста дети спали в своих комнатах, мальчики отдельно от девочек. Домашний быт был полностью устроен. На родителях лежала главная забота – это воспитание детей. Им следовало передать понятия о целой системе норм поведения в духе еврейского самосознания. Лиза была настоящей еврейской мамой. Она не только родила этих детей, но и всегда заботливо относилась к ним, думала о их будущем, в первую очередь о получении высшего образования. Таковыми и являются все настоящие "еврейские мамы".

Что касается Ливи, то из-за своей занятости у него не было столько свободного времени, как у жены. Все родители любят своих детей, но не все, по разным причинам, уделяют им нужное количество времени. Причины могут быть разные: я вынужден много работать на благо семьи, у меня важная работа, на работе я сильно перегружен и т.д. Несмотря на свою перегруженность, Ливи все-таки находил время для детей, порой может быть, этого было недостаточно. Он консультировался с опытным психологом, что является важным для детей, как лучше их воспитывать, они вместе составляли недельный план. Вспоминая свой отчий дом, своих любимых родителей, Ливи решил, что обязательно надо внушать детям уважение к родителям, старшим по возрасту людям. Благо, что дети видели, как уважительно относятся папа и мама к своим старикам-родителям. Отец никогда не бил Ливи в детстве, ему было достаточно нахмурить брови или показать свое

недовольство, чтобы сын все понял и выполнил. Отец всегда сидел во главе стола, и никто из детей никогда не пытался занять это место.

Исключительно важным Ливи считал наличие хороших взаимоотношений между детьми, и благодаря этому направлению в воспитании между сестрами и братьями были добрые отношения. Были, конечно, и мелкие ссоры и раздоры, но они были несущественны. Супруги выбрали правильный путь, когда показывали каждому ребенку, что он дорог родителям. Мир в большой семье поддерживался благодаря тому, что супруги хорошо относились друг к другу, между ними царило взаимопонимание, они совместно преодолевали трудности и принимали решения.

Телесные наказания не были приняты в семье, хотя бывали проказы и шалости. Лиза помнит, как одиннадцатилетний сын не хотел идти в школу. Тогда она устроила ему "взбучку", сказав: "Я выкину все твои игрушки, не разрешу ходить к твоему другу Натану!" Сын стоял молча, все выслушал, а потом серьезно сказал: "Мама, а ты можешь вместо того, чтобы много говорить, просто побить меня?"

Смышленные дети росли любопытными, хотели все знать. Семья была двуязычная. Проживая в Москве, они, конечно, владели русским языком. Будучи евреями, они общались с горско-еврейским окружением и поэтому владели и джуури. Тем более, что дедушки и бабушки разговаривали с ними только на этом языке. Порой они задавались вопросом: "Почему мы говорим на этих двух языках? А есть ли другие языки?" Родители по-своему объясняли и давали ответ. Но детей особенно интересовал ответ прадедушки. Ведь он так интересно рассказывал, размахивая руками, со своей своеобразной мимикой лица. Его борода очень смешно тряслась при этом. В частности, когда дети задали интересующий вопрос, старик ответил:

– Когда-то все люди на земле говорили на одном понятном языке. Это был язык, на котором Худо разговаривал с первым человеком на земле, которого звали Адам. Потом у него и его жены Хавы родились дети, внуки, правнуки, много праправнуков. Все люди разговаривали на одном общем языке.

Они благодарили своего Худо за то, что он создал жизнь на земле. И жили люди хорошо. Но нашелся человек, который сказал, что надо построить башню, чтобы поддержать небо, а, то с неба на землю выльется много воды. Нашлись люди, поверившие в это. Но были и другие, которые не хотели строить башню. Упрямцы взяли верх, так как люди уже научились делать кирпичи, они решили строить башню из них.

Один из детей спросил:

– А что такое кирпич? Из чего его делают?

– Это было просто. Брали глину, т.е. землю, лепили из нее кирпичи и обжигали в огне. Кирпич похож на коробку из-под обуви, которая стоит около вешалки. Только коробка пустая, а кирпич не пустой, он цельный. После обжига кирпичи становились крепкими, и из них можно было построить любую стену. Некоторые люди вместо того, чтобы строить из кирпичей хорошие дома, начали возводить башню до неба. Они никого не слушали, продолжали строить. Эта страна называлась Вавилоном. Поэтому башню, которая еще не была построена, стали называть Вавилонской. Строители радовались тому, что башню росла вверх. Бывали случаи, когда кирпичи выпадали из стен башни, и падали на головы людей, или какой-нибудь человек мог упасть и разбиться насмерть. Худо рассердился и сказал:

– Человек, я создал тебя для жизни. А ты убиваешь себе подобных? Я накажу тебя!

Восьмилетний Лазарь спросил старика:

– А как он их наказал, побил?

– Не спеши, нет, не побил. Лучше послушай, что сделал Худо.

Он отнял у людей общий язык, и люди перестали понимать друг друга. Например, один человек говорит другому, чтобы тот подал ему кирпич. Этот другой слышит, но не понимает о чем идет речь, поэтому начинает сердиться и кричит в ответ, чтобы ему объяснили, о чем идет речь. Тогда первый тоже начинает сердиться и постепенно завязывается драка. Такие драки возникали то в одном, то в другом месте. В своих поступках люди стали похожи на обезьян, а не на самих себя.

Дети слушали и представляя себе эти драки, весело смеялись. Они очень любили старика и с удовольствием слушали его рассказы. В другом ракурсе рассказывал детям о Вавилонской башне раби. Но детям больше нравился вариант старика.

Несмотря на то, что детей было одиннадцать, у них были общие родители, и они были внешне похожи на отца и мать, у всех были разные характеры, у каждого было собственное "Я". Они ссорились, мирились, но при посторонних поддерживали друг друга. Среди детей всех удивляла крепкая дружба двух братьев Равила и Самуила. Причину столь крепкой дружбы никто не мог угадать.

Даже внешне они выглядели полной противоположностью друг друга. Равил был высокого роста, стройный, имел кудрявые черные волосы и светлые глаза. Его всегда выглядело улыбчивым. С самого детства он попал под влияние раби, который посещал семью. Чтение еврейских писаний его больше увлекало, чем игры и забавы. Он ходил в еврейскую школу, где был примерным учеником. Что касается Самуила, то он выглядел неповоротливым, был среднего роста, светлокаштановые волосы были вечно не причесанны, плутоватые бегающие глаза как бы говорили,

что он всегда готов к проказам. Равил любил читать книги. А Самуил любил повторять где-то услышанные слова из притч Соломона, добавляя придуманные им самим любимые слова. Например, Самуил говорил: "Царь Соломон говорил... Время рождаться и время умирать... время сажать деревья... время пожинать плоды и т.д. ", а потом прибавлял: "Время не ходить в школу..., время убегать с уроков..., и время не выполнять домашнее задание и т.д.". Он вечно суетился.

По мнению раби, еврейские души спускаются в наш мир, чтобы завершить начатую когда-то работу древней души. Группы этих душ обязательно сталкиваются в нашем мире и поддерживают друг друга. Души Равиля и Самуила были из одной группы, отсюда и душевное взаимное тяготение братьев. Со временем пути-дороги братьев разошлись. Равил поступил в Московскую синагогу, а Самуил стал помощником портного. Несмотря на это, дружба братьев оставалась крепкой.

Прошли годы. Дочери вышли замуж, сыновья женились, завели своих детей, и у каждого из них текла маленькая капля крови славного предка Давида. По-прежнему Ливи и Лиза никогда не отдавали предпочтения кому-либо из потомков. Они всегда помнили рассказы своего раби о том, к чему может привести такое предпочтение. Свои рассказы он подкреплял историческими примерами из жизни еврейского народа. В частности он рассказал:

– Послушайте меня внимательно. Вы знаете, что у Якова было двенадцать детей. Из них, он больше всего выделял Иосифа, сына любимой жены Рахель. Это привело к тому, что братья стали завидовать Иосифу и возненавидели его. Вы можете в своём сердце кого-то любить больше, но ни отец и ни мать не должны показывать этого, чтобы дети, ни в коем случае не узнали об этом. Вы несёте моральную ответственность за то, чтобы все дети чувствовали себя

одинаково любимыми. Помните Иосифа. Подумайте, что может быть хуже для ребёнка, расти в среде, где его собственные родители не любят его так же, как брата или сестру. Мудрые слова падали на благодатную почву и давали хорошие всходы.

Ливи и его отец были в числе тех первых горских евреев, которые проявили себя в Москве. Если москвич ранее смутно представлял себе образ горских евреев, а многие даже и не знали об их существовании, то теперь они не только видели их, но и убеждались в их деловых способностях. В том, что о них было мало слышно, виноватой можно считать государственную политику того времени. Во всех переписях населения СССР, в том числе и в Азербайджанской Республике, количество народов отмечалась в определённых цифрах. Евреи, в том числе и горские, входили в графу "прочие народы", как и все другие меньшинства, они были включены в одну общую цифру. Все народы считались равными братьями, но, некоторые, количественно большие, были "старшими братьями".

Ливи и его соплеменники, уроженцы небольшого поселка Азербайджана, т.е. Красной Слободы, заставили говорить о себе громким голосом. Они были представителями нового поколения, обладателями нового менталитета. Будучи трудолюбивыми и достигая успехов, они, тем не менее, сохраняли верность своим обычаям и традициям. Среди них широко распространилась благотворительность. Они показали свое умение не только выживать, но и достигать значительных успехов. Интересен рассказ Ливи: "Каждое утро, когда я выезжаю на свою работу, на углу Лесной улицы меня останавливает офицер из службы ГАИ. Приставив руку к козырьку фуражки, он обращается ко мне на ломаном языке джуури:

– Э бирор, руз ту э хайр бу. Коррой ту чутами? (Добрый день, брат. Как идут твои дела?). Я отвечаю, с пожеланием

доброго дня, и что "дела идут хорошо", глубоко вздохнув, он говорит: "Коррой мэ хуб нист. (Мои дела нехороши)". Я всегда даю ему определенную сумму денег, и он с улыбкой говорит: " Сог боши. Коррой мэ хуб бисто. (Спасибо, мои дела пошли хорошо)".

К концу XX-го века в московской диаспоре появились миллионеры и миллиардеры из числа членов общины горских евреев. В прессе появились статьи типа "Не коронованные короли недвижимости России". Эти статьи посвящались горским евреям, выходцам из Красной Слободы. Конкретные имена были на слуху. Потомки Давида и других его односельчан прославили маленькую общину древнего еврейского народа.

Конечно, и в предыдущих поколениях были богатые горские евреи, некоторые купцы продавали свои товары за границей, вели обширную торговлю, но они не были столь богаты по сравнению с современными нуворишами. Обычаи делового мира менялись, менялись и люди. Сегодня, нельзя вычеркнуть из истории восхождение горских евреев в бурные 1990-е годы

Имя плюс прозвище или почему у большинства представителей горских евреев в прошлом были прозвища

Как часто, работая с историческими книгами или читая литературные произведения по горско-еврейской тематике, мне попадается информация о том, что в прошлом почти каждый третий представитель нашего народа имел прозвище. Может, оно прикреплялось к имени для того, чтобы легче было распознать человека? Ведь у евреев есть схожие Танахические имена, практически в каждой семье. В толковом словаре говорится, что "прозвище-кличка" – это неофициальное имя человека. В отличие от настоящего имени, как правило, оно отражает нежелательные и реальные свойства и качества человека, его происхождение и прочее, а также фиксирует, таким образом, особый смысл, который имели его свойства и качества для окружающих. Прозвища могут даваться в разные периоды жизни и во многих случаях могут быть известны довольно ограниченному кругу лиц.

Прозвища очень живучи в детской среде, как одна из форм унижения достоинства. Наиболее распространенные оскорбительные слова, реплики, фразы, обращения. Обычно школьники дают друг другу прозвища, если хотят подчеркнуть ущербность личности: Хромой, Косой, Очкарик, Карандаш, Лилипут, Неряха, Грязнуля и т.д.

Пройдясь по списку всех собранных "прозвищ", можно определить каким чувством юмора обладали люди, их придумавшие. Прозвища могут быть уважительными, если отмечается деятельность того или иного человека, в

большинстве своем они часто присоединялись к имени человека, исходя из его статуса и должности, например: такие как Адвокат, Алверчи, Партизан, Инспектор, Кандидат, Профессор, Духтир, Бондур, Колхозник, Сапожник, Начальник, Портной, Директор, Министр, Матрос, Шишэвэчи, Шолкэчи, Посилкэчи, Эребечи, Шофир, Шашлычник, Проводник, Чойчи, Асвалдчи, Бобочил, Митошур, Гириесох, Нэфчи, Писчий, Инкасатор, Журначи, Футболист, Фургонщик и т.д. Были случаи, когда человек обижался, услышав свое прозвище, но, увы, если он попадал в "народную славу" под каким-то именем, то это, как клеймо сопровождало его всю жизнь.

В своем толковом словаре языка горских евреев "Золотые россыпи" Фрида Юсуфова в главе «Прозвища – Лэгамхо» пишет: "По сегодняшний день среди горских евреев Азербайджан, Дагестана, Северного Кавказа бытуют прозвища, влияние которых может сказаться на всей жизни. Часто по прозвищу, данному земляками, друзьями, соседями можно определить статус человека, кто он и откуда, кто его родители и из какого он рода". В эту главу входят 640 прозвищ, из них мне хотелось отметить самые интересные.

У горских евреев прозвища давались по именам или фамилиям известных личностей: Алибаба, Алибек, Анали, Амуангули, Анушкэ, Ардов, Бузов, Буденный, Гагарин, Кутузов, Ворошилов, Гитлир, Карамазов, Моше Дайан, Пушкин, Пикассо, Сталин, Санта-Барбара, Чурдов, Чапай, Чичов, Фидель Кастро, Хрущев и др.

Следует отметить, что среди прозвищ горских евреев можно встретить и не очень лицеприятные. Когда в них высмеиваются недостатки, причем не только реальные, но и возможные, при этом возникают по какой-нибудь характерной черте, свойству. Как можно, например, стерпеть, если дали такие "прозвища": Гуд-Гуд, Бад, Бадбад,

Байгуш, Бача, Були, Бурдча, Дусери, Штык, Шибилит, Шарлатан, Чон, Чум-бала, Чузыбузы, Чонгули, Виннихупми, Гибон, Гилиз, Гачор, Гарагуш, Гарагуз, Гусули, Индушкэ, Каркуша, Кашей, Киса, Кун-недери, Курэ назу, Нос, Нене, Нанехур, Овгурде хийор, Одомихур, Ошполу, Папайке, Питих, Пистолет, Пиониске, Поху, Пату, Харкур, Хахули, Хуйлу, Хурс, Чомба, Чэпэх, Чонбочи, Червяк, Шувер щофт зэни, Шур, Шилоли, Бибиси, Тэмбэл и т.д. Прозвище, особенно в семье, имеет доброжелательный оттенок, это добрые обращения к детям, и в том числе дети имеют немало положительных примеров уважительного и доброжелательного отношения друг к другу. Известно, что у горских евреев принято называть детей в честь дедушек и бабушек, и поэтому в семье их просто называли Бэбэ (отсюда происходит фамилия Бабаев) или Дэдэ, Дэдэй, Дэдэйме ("мать" в различных вариациях). Горские евреи, веками жившие среди кавказских народов, переняли у них некоторые этнические нормы. В прошлом, например, жена не могла при посторонних называть мужа по имени и, обращаясь к нему, называла его Молбиёр (кормилец), а он ее Духтэр (девушка). Эти правила действовали в рамках патриархальной семьи. В случае смерти главы семейства старшего сына называли Бэбэйхуне. А жену старшего брата называли Пэрус (невестка). Молодая невеста и ее юные золówki могли получить красивые прозвища к своему имени, типа Аптунггуз, (золотая девушка), Сийлуггуз (девушка, достойная славы), Ахчэггуз (девушка, достойная денег), Чэбэрггуз (девушка-портниха), Шэкэр (сахар), Бике (красавица), Хадино (сокровище), Жижи (цветок), Бирлиант (бриллиант), алмаз, Шори (радость), Шэрбэт.

В некоторых семьях было принято давать ласковые прозвища своим близким родственникам: Амешка, Дэдэйхуне, Дэдэйцлон, Холушка, Рач, Холешка, Офдум, Лэлэ, Красавчик, Бирор, Папик, Момо, Малыш, Ширин и

т.д. В ходу были прозвища, обозначавшие даже названия растений и животных, такие как Дари (гречиха), Муха, Горох. Порой прозвища так приживались к человеку, что становились обиходным именем. Он к нему настолько привыкал, что и не вспоминал о своем настоящем имени.

Были у горских евреев прозвища, которые соответствовали названиям фруктов, овощей еды и даже бытовых предметов: Галстук, Бухонкэ, Батон, Гашдан, Лапаткэ, Дубина, Дрова, Духи Духовка, Душпара, Крюк, Мазут Мочалка, Лимон, Ошполу, Парус, Резиновый, Кэлэпомодур, Чугун, Шэкер и т.д.

Психологи считают, что придумывание кличек и прозвищ можно отнести к этическому виду насилия, так как они сопровождается подчинением воли одного человека воле другого. И Слава Б-гу, что ушла от нас в прошлое манера давать человеку то или иное прозвище. Со временем это видимо стало неактуальным. А может быть это связано с тем, что изменился не только образ жизни горских евреев, но и сами люди!

Владимир Агабабев

**О ГОРСКИХ ЕВРЕЯХ
КАВКАЗА**

*Посвящается памяти моих родителей и всех
горских евреев, погибших в пламени войн, в
погромах, в лагерях и на зонах, раскиданных по
всем материкам и странам, но оставшихся
верными сынами еврейского народа во всех его
поколениях.*

*Баку (1988) - Коннектикут
(1997-2010)*

Содержание

Раздумья старого горского еврея.

*Евреи в российской империи и в
бывшем Советском Союзе.*

Исторический путь горских евреев.

Места проживания и статистика.

*Изменения количественного роста
горских евреев.*

*Мосты - близнецы в Коннектикут
(США) и в Красной Слободе.*

*Синагога - основа еврейского
самосознания горских евреев.*

Раввины горские евреи.

Язык, обычаи и традиции.

Род основных занятий.

Вклад горских евреев в культуру.

Исполнение мечты многих поколений.

Мой дорогой и любимый брат Соломон!

Дарю тебе этот скромный неоконченный труд, так как вся моя семья в восторге от вашего приезда в США. Я горд наличием у меня такого брата, любимца моих внучат.

Мы очень любим Талу, Кармело и Мор. Свой труд, незавершен, мною контрольно не прочитан, имеет массу недостатков, и написан дилетантом, но, написан с гордостью за принадлежность к горско-еврейскому народу. По мере возможности, он будет продолжен и Бе-Эзрах Ашем издан. Очень известный и популярный в кругу внучат и племяншек - Автор.

USA NY-1998 год.

Раздумья старого горского еврея

*Мудрые заветы вспоминаю я.
Не грустить, смятения храня.
И в беде, и в плаче у Стены.
Жить в предощущении весны. (Ф. Юсуфова)*

Эмануэль-Эмонил Агабабаев с семьей. Сидят слева направо: Эмануэль, Владимир-Атнизель; стоят: Мэлькэ-Шаво, Соломон, Валентина, Иосиф-Ихишл.

Думаю, что моя жизнь не очень отличается от жизни моих соплеменников, которых не так уже много на белом свете (цифры колеблются от 150- 200 тысяч человек). Родившись в единственном роддоме Слободы с помощью единственного врача, акушера-гинеколога Мандрыкиной, а затем, проживая на центральной улице им. Ленина, закончил десятилетку и..., покинул отчий дом. Потом тридцать лет воинской службы, десять лет работы на гражданке и в возрасте пятидесяти лет оказался в диаспоре. Мечтаю жить в Израиле.

Извините за предисловие, я предвижу вопрос, ведь вам так и хочется спросить: «Хорошо, и что здесь примечательного»? Действительно, ничего отличного от жизни других горских евреев. Разве что у кого-то была не воинская служба, а гражданская работа. Обычная жизнь обычного "среднего" горского еврея. Но дело в том, что это не совсем так. Нужно вспомнить свою жизнь, остановиться на миг и подумать. Много вопросов возникает, когда смотришь старые фотокарточки, встречаешь ровесников, молодёжь и так далее. В нашем народе говорят: – "Имбурузинэ корэ эри сэбэхи мэиль. - Сегодняшние дела – залог завтрашнего благополучия". Наша работа по духовному воспитанию молодёжи, в итоге будущее нашего потомства. Понятно, что времена нашего детства изменились. Ранее, в семьях соблюдались обычаи и традиции, почитали старших. Затем времена изменились. Немалую, отрицательную роль сыграло то, что обучение на языке горских евреев стало в запрете. Взамен этого, детей обучали в школах на русском и на азербайджанском языках, но, ни родному, ни ивриту их не обучали.

В результате этого со временем, в некоторых семьях дедушки и бабушки продолжали говорить на нашем еврейском языке, а дети и внуки уже на одном из других языков. Хорошо, что хоть понимали друг друга. В настоящее время, даже люди среднего поколения при встречах разговаривают по-русски. Хвала тем родителям, которые продолжают общаться в семье на родном языке.

В диаспоре история повторяется с такой же точностью. Различие в одном – дети стали говорить на языке той страны, в которой пребывают. К чему это приведёт – общеизвестно. Надо отметить, что, слава Б-гу, есть островки, семьи в которых дети понимают свой родной язык и пользуются им. Значит ли, что вышеуказанное означает что "поезд уже ушёл"? Нет, это далеко не так. Ведь

каждое мнение имеет право быть, а потому не бесспорно. Мы евреи говорим: «Два еврея – три мнения». Возможно это так, но надо вынести одно общее мнение. Некоторая часть молодёжи интересуется своим прошлым; культурой, обычаями и традициями. Все вы можете привести множество примеров из своего жизненного опыта. Приведу и я такой пример. В восьмидесятых годах на Красной Слободе один молодой горский еврей, Яков Абрамов проанализировал имеющиеся имена жителей посёлка, и написал прекрасную книжечку "Помни имя своё". Эта работа подтверждает интерес молодёжи к своему народу. Большое значение имеют словари, изданные в разные годы, например "Гофнаме эз уруси э джуури" – М. Дадашева, "Язык горских евреев" – М.Агарунова, труды истинно народных писателей Хананила Абрамова, Фриды Юсуфовой, Ханы Рафаэль, Мириам Хейли и многих других авторов. Прошу прощения, что не все перечислены. Не давая полной характеристики, хочется отметить огромный вклад, в деле духовного развития нашего народа Фридой Юсуфовой. Удивительно разностороннее творчество, которое достойно похвалы. Писательница, поэтесса, художница и журналистка, она прекрасно владеет родным языком, имеет персональные выставки своих работ. Знает, и щедро делится знаниями, об обычаях, традициях стиле поведения своего народа.

Вывод со всего сказанного один, если есть проблема, есть возможность решения этой проблемы. В это связи, мне кажется, Союзу Писателей горских евреев, или другой общественно организации, в содружестве с еврейской диаспорой, составить проект с целью – не допустить ухода из истории человечества, её маленькой частички – Горских Евреев. В нашем народе говорят: – Эри хуби сохтэгор – хуби сох, эри зобуни сохтэгор – хуби сох. Худо митану. Наш народ всегда помнит добро и нам всегда воздастся.

Говорят, что большая мицва, это увековечение памяти погребенных. Это дань уважения к их памяти, житейского опыта и мудрости. Всё это досталось нам от наших уважаемых далёких предков. 566-й год до новой эры. Пало иудейское царство. Большинство её жителей были угнаны в Вавилон (ныне Ирак). Страдая от плена, евреи пели псалмы, сидели и плакали, вспоминая о Сионе. "Если я забуду о тебе Иерушалаим, забудь меня...". А теперь посмотрим, как память сохранилась у нас, горских евреев. Мы можем вспомнить, как в траурные дни голосами плакальщиц говорили: – ... вспомним умерших по дороге в Персию, когда их гнали "э догхой Эрзурум (по горам Эрзурума). Вспомним наш Иерушалаим. Этими словами, они вспоминали об исторических событиях народа – 370-й год до новой эры, когда персы покорили Вавилон, и бывшие вавилонские пленники, став персидскими пленниками, были угнаны по горам Эрзурума.

А как отмечали, и сейчас отмечают, "тиша беав", девятое ава-суруни, день всенародной скорби, день траура, день поста. Весь этот день, люди ходили на кладбища, посещая могилы близких. Сильна историческая память! А такое событие, которое произошло в городе Шушане (Персия), было связано с нашими предками, и в результате мы ежегодно отмечаем праздник Пурим и читаем свиток Истер.

История горских евреев богата историческими событиями. Таким образом, мы владем большим, фактически, духовным материалом. Если мы, старшее поколение, представители интеллигенции, историки, одним словом знатоки этих материалов, не доведём их до ума народа, то чего ждать от молодого поколения. Замыкается это "доведения до ума", на уважении к родителям. Ведь родители являются создателями тела ребёнка, а душу формирует воспитание его. Воспитательная работа, присутствует в каждой семье, где проявляется уважение к

отцу и матери, где есть с кого брать пример. Воспитание молодого поколения, также, зависит не только от окружения, но и того, какую духовную пищу им предлагают. И в этой связи, труд еврейской интеллигенции невозможно переоценить.

Знает ли современная молодёжь своих предков? Призадумаемся. Все знают своих родителей, живых бабушек и дедушек, а знают ли они ушедших предков, хотя бы по рассказам и фотокарточкам? Общаются ли со своими двоюродными, троюродными родственниками? Да, вопросы не праздные. Каждый из нас имеет свой род и начало. Желательно, чтобы мы интересовались ими. Среди них были разные люди, с разными характерами. Расскажу об одном случае. Молодой, красивый юноша, упрямо не хотел жениться на соплеменнице, горской еврейке. На вопрос "почему?", он ответил: – Меня спросят "Эз кийойи ту!?" – Как зовут твоих старших, или из какого ты роду-племени!?" – и что я отвечу?

Он недооценил то, что хоть его родители и не оставили ему много материального богатства, но были уважаемыми людьми, отличались глубокой порядочностью. И самое главное, они оставили ему Имя. Действительно, при знакомстве горские евреи не спрашивают: – Какая у тебя должность, или сколько у тебя денег? – а спрашивают, – эз кийойи ту?

У нас красивые обычаи и традиции – идём мы смотреть девушку, или обручение - гудуши, или хупа, енге, и сладостная хвалебная песня - бени гору и многое другое. Наш мир прекрасен, и каждый еврей или еврейка, наделен красивой душой. После многолетнего пребывания вдали от, отчего дома, и, особенно уже, будучи в диаспоре, я нахожусь под наплывом чувств гордости за свой народ. Имея определённую, далеко не полную, библиотеку наших авторов, читаю и переживаю за героев книг. В некоторых

узнаю конкретных людей. Самобытный юмор, одни прозвища чего стоят. Юмор, также позволял переносить тяготы, относительно легко.

Пишу, и думаю о том, как много у нас замечательных людей. Удачный опыт издания "Энциклопедия горских евреев" Х. Абрамова, приводит меня к мечте – наступит день, когда уважаемый Союз Писателей Горских Евреев в тесном содружестве с диаспорой соберёт авторский коллектив, для подготовки и выпуска монументальной "Энциклопедии Горских Евреев". И ещё, краткий свод законов еврейского образа жизни (Кицур Шульхан Арух) учит – процесс существования еврейского народа (частичку которого составляют горские евреи) начинается с процесса создания собственного дома. А еврейский дом зависит от того, как мы воспитываем молодое поколение, наших юношей и девушек до мудрых, или, не дай Б-г, без духовных времён. Мы не можем ссылаться на то, что мой сын или дочь умница, сам может найти свою дорогу в жизни, никакого образования ему не нужно, и так далее. Или, в то же время, впадать, в отчаяние говоря: "У меня такой ребёнок, что ему никакое образование не поможет". Долг каждого родителя и сопричастного к воспитанию детей всех возрастов – следить за тем, чтобы все они своей жизнью, оправдали право называться евреем, что означает – высоконравственным человеком.

А достичь этого можно, только, лишь, таким образованием, как решить вышеизложенные проблемы.

Мал золотник, да дорог. Так и горские евреи, нас мало, но мы часть Еврейского Народа. Мы, те бусинки и звездочки, которые, объединяясь, создают ожерелье.

Евреи в российской империи и в Бывшем Советском Союзе

Евреи, в том числе и кавказские (горские) евреи, проживавшие на территории бывшей Российской империи, а в дальнейшем бывшего Советского Союза, не одновременно появились там. Временной путь растянулся на многие века. По истечении времени, в XX веке, сотни тысяч евреев, выходцев из разных стран, оказались на этих территориях.

Причиной этому послужили разные обстоятельства. Были периоды, когда евреи уходили от преследования, но затем их место проживания оказывалось под властью русского самодержавия. Были и другие периоды, когда Россия расширяла свои границы, а на занятых территориях, среди других народов, проживали евреи. Подтверждением изложенного, являются следующие исторические данные:

- в первой половине XIX столетия Россия присоединила к себе Кавказ и Закавказье, вместе с другими народами русскими подданными стали грузинские и горские евреи;
- во второй половине того же века Россия присоединила к своим территориям Среднюю Азию. Здесь, совместно с узбеками, туркменами, таджиками, казахами, киргизами и другими народами, русскими подданными стали евреи, проживавшие там;
- еще в 1783 году в состав Российской империи вошел Крым, а вместе с ним и живущие там крымские евреи (крымчаки);
- в 1772-1792 годах произошло три раздела Польши. Многочисленные евреи Польши, Украины, Белоруссии, Литвы, Курляндии оказались также подданными России;

– в 1812 году к России была присоединена Бессарабия, а, следовательно, и места проживания на этой территории евреев. Историки также отмечают, что в те отдаленные времена, когда еще не было не только Московского княжества, но и Киевской Руси, евреи уже приходили на эти земли, селились там и жили вдали от своей Родины. Такие, не массовые примеры были на Кавказе, в Крыму, в средней Азии. Все евреи жили на разных участках российской территории и, хотя были представителями одного народа, со временем приобрели разные традиции и даже стали говорить на разных языках. Вместе с этими изменениями, необходимо подчеркнуть, что они составляли один народ. Народ, у которого была одна вера. Был один общий язык, на котором они молились "иврит", один Б-г, которому они служили, а именовались они по-разному:

– **бухарские** или среднеазиатские евреи называют себя на еврейско-таджикском диалекте – *"исроэл яхуди"*. Бухарскими называли евреев из-за их проживания на территории Бухарского эмирата в Средней Азии. В настоящее время они эмигрируют из Средней Азии в Израиль и США;

– **грузинские** евреи, называют себя на грузинском языке – *"эбрели"* и *"исраэли"*. Они в основном проживают в Тбилиси и Кутаиси. Большая часть эмигрировала в Израиль, а также в США;

– **горские** евреи называют себя – *"джуур"* (подробности о них см. далее);

– **крымчаки** на диалекте крымско-татарского языка называют себя *"крымчаками"*. Община жила в Крыму. В годы Второй мировой войны фашисты уничтожили около восьмидесяти процентов крымчаков, теперь их осталось не более двух тысяч человек;

– **лахлухи** называют себя на арамейском диалекте – *"сраэль"*, являясь выходцами из Иранского (Южного)

Азербайджана и Курдистана. Они проживают в Грузии (Тбилиси, в Гардабани) и Казахстане (Алма-Ата);

– **караимы** являются потомками евреев членов иудейской секты, возникшей в восьмом веке новой эры, их около трех тысяч человек. Караимы Востока считают себя евреями, а в России, в своем большинстве, частью еврейского народа не считают;

– **ашкенази** (европейские евреи). На идише они называют себя – *идн*. Именно они и составляли большинство среди евреев Советского Союза. По переписи 1989 года евреями себя записали 1 миллион 450 тысяч человек. Из них более 80% составляют ашкенази.

Несмотря на "разность", евреи чувствовали себя представителями одного народа и искали связей друг с другом. Кавказские евреи также искали и находили контакты с представителями других еврейских общин. Первые контакты с российскими евреями – *ашкенази*, относятся к 20-30-ым годам XIX века. Эти контакты получили свое развитие в 60-е годы того же столетия и были связаны с публикацией постановлений, разрешающих тем категориям евреев, которые имели право жить вне, так называемой, "черты оседлости", селиться в большей части районов расселения горских евреев. В последующем контакты с *ашкеназами* России участились и упрочились. Уже в 70-ых годах главный раввин Дербента Яков Ицхакович - Ицхаки (1848-1917) установил тесные связи с рядом еврейских ученых Петербурга. В 1884 году раввин Темир-хан Шуры (Буйнакск) Шэрбэт Ниссим оглы послал своего сына Элияу (по российским документам Илья Шэрбэтович Анисимов) окончил Высшее техническое училище в Москве. Он стал первым кавказским евреем, который получил высшее светское образование. В начале XX века открылись школы для евреев в городах: Баку, Дербент и Куба с преподаванием на русском языке. В них,

наряду с религиозными (на иврите), изучали и светские предметы. Среднеазиатские и грузинские евреи часто посещали Азербайджан. Свои молитвы они читали в синагогах горских евреев.

В годы Второй мировой войны сотни эвакуированных людей с Украины и Белоруссии были вынуждены покинуть свои родные места и временно поселиться в Еврейской Слободе и в других местах. Прибывших европейских евреев местные жители (горские евреи) встречали как своих родных братьев. Им оказывалась всяческая помощь. По существу они были спасены от голодной смерти, их одевали и обували. Многие были устроены на работу и работали в колхозе. По возможности искали и работу по специальности. Так, например, в нашу Красную (Еврейскую) Слободу в 1942 году с Украины из местечка «Смела», Черкасской области эвакуировалась семья Льва Яковлевича Володарского и Софьи Соломоновны Фурман.

Они сразу же принялись за работу. Лев Володарский работал кузнецом, его дочь Шева, была трудоустроена по специальности и вскоре стала преподавательницей русского языка и истории. Она была одной из уважаемых учителей. Вся ее жизнь прошла в нашем поселке. Она преподавала в школе более сорока лет. Звали ее Шева Львовна, а жители Красной Слободы с уважением называли ее – учительница Шева. Автор этой книги учился в ее классе и с благодарностью вспоминает свою учительницу.

Были случаи, когда между приезжими и местными жителями складывались семейные отношения. Например, Шева Львовна вышла замуж за горского еврея Нисимова Савелия Лазаревича (Рафоил-Севи), тоже педагога.

После окончания войны большая часть эвакуированных граждан, уехала в свои родные места, но связи сохранялись на долгие годы.

Исторический путь горских евреев

"А вы поступаете еще хуже отцов ваших и живете каждый по упорству злого сердца своего, чтобы не слушать Меня. За это выброшу вас, из земли сей в землю, которой не знали ни вы, ни отцы ваши, и там будете служить иным богам день и ночь; ибо Я не окажу вам милосердия...". (Иеремия, 16:12, 13).

История рассеяния еврейского народа началась в глубине многих веков назад. Еврейская земля видела многих завоевателей. При каждом завоевателе угонялись в пленники и, следовательно, где-то вдали от Родины образовывались очаги диаспоры.

После захвата столицы Израильского царства, Ассирия (722 г. до н.э.) угнала в плен многих жителей. Пути изгнания были – Египет (Дафна, Александрия, Элефактину, Тарсус), Сирия (Дамаск, Имфсах, Халеб, Актиохия, Птор, Харран, Халах), Месопотамия (Ав, Синнар, Махоз, Кут), Персия (Ниневия, Рессен, Келах, Ашпур).

Захватив Иудейское царство, Навуходоносор увел в Вавилон (586 г. до н.э.) большую часть его жителей. В этой чужой стране пленники соединились с другими пленными, которые прибыли туда вместе с царем Иеоехином, на одиннадцать лет раньше. Эти евреи не потеряли в плену свою национальную индивидуальность. Они превосходили своих победителей в моральном отношении, даже будучи побежденными, физически. Они были полны чувствами тяги к своему святому *Иерушалаиму*.

Один из псалмов эти чувства выразил следующими словами: 1. *При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе;* 2. *На вербах, посреди его,*

повесили мы наши арфы; 3. Там пленившие нас, требовали от нас слов песней, и притеснители наши - веселья: "пропойте нам из песней Сионских"; 4. Как нам петь песнь Господню на земле чужой? 5. Если я забуду тебя, Иерусалим, - забудь меня десница моя; 6. Прилипни язык мой к гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Иерусалима во главе веселья моего. 7. Припомни, Господи, сынам Едомовым день Иерусалима, когда они говорили: "разрушайте, разрушайте до основания его"; 8. Дочь Вавилона, опустошительница! Блажен, кто воздаст тебе за то, что ты сделала нам! 9. Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень! (Псалом 136).

Изгнанники строили в Вавилонии синагоги и дома для изучения Торы. Таким образом, дух иудаизма сохранялся в целости, как это случилось в истории еврейского народа (в том числе и кавказских евреев), наш народ вышел из постигшей его беды с новой силой и надеждой.

Но трагические события в истории еврейского народа продолжались. Набирал силу персидский император Кореш. Под его управлением персы завоевали царство Мадайское и стали продвигаться на запад, стремясь захватить великую халдейскую империю. В 370 г. до н. э. был покорен и Вавилон, ставший частью великой персидской державы. Евреи Вавилона стали подданными Персии. Кореш высказывал глубокое почтение Б-гу Исраэля и тепло сочувствовал евреям в пережитой ими трагедии. В первый же год своего правления он издал указ: *"Так говорит Кореш, царь Персидский, все земли дал мне Превечный, Б-г небесный; и Он повелел мне построить Ему дом в Иерушалаиме, что в Иудее. Кто есть из вас, из всего народа Его, да будет Б-г с ним, пусть он идет".*

Первый караван из 42360 человек (мужчин, женщин, детей) под руководством одного из членов царского Дома Давидова - Зарубавеля, сына Шеалтиеля и первосвященника

Иешуа отправился в Иерушалаим. Однако многие евреи оставались в Персии и Вавилонии. В Персии они жили на территории, прилегающей к северо-востоку Персидского залива и в Кута, Ниапур, Пумбедите, Эласаре, Сузе. Значительное число евреев жили в новой персидской столице Шушане (Сузе). Главой их был Мордехай. Именно там произошли очень важные события, которые отмечаются евреями ежегодно праздником Пурим. Эти события рассказаны в свитке "Истер" – "Мегилат Истер".

Менялись персидские цари, менялась обстановка в Персии, менялось отношение к евреям, появлялись Аmani, которые хотели истребить евреев. Евреям надо было выживать, и они восставали. Одно из таких восстаний в 359-338 годах до н. э. против Персии привело к их дальнейшему рассеянию. На юго-запад от Каспийского моря в Гирканию и Северную Персию. Можно полагать, что именно эти евреи и были предками кавказских евреев.

В разные времена бежали евреи из окраин Византийской империи и Персии. Одно из таких бегств евреев состоялось в пятом веке, после запрета соблюдения субботы и насильственной отправки еврейских детей на воспитание в храм огнепоклонников. В настоящее время этот храм сохранился и преобразован в музей, он находится вблизи города Баку (Азербайджан). В соответствии с имеющимися в храме разъяснениями его, в те далекие времена, активно посещали огнепоклонники из Персии, Индии и других стран.

После всех этих бегств евреи расселились на территории современного Азербайджана, а те времена на территориях различных княжеств (ханств). *См. подробности в III главе.*

Что касается Израиля, то желающих захватить его территорию со временем не убавилось. Отсюда угоняли пленников Греко-сирийские завоеватели, римляне разрушили Второй храм (70-е годы н.э.) и тоже уводили

пленников. Восстание Бар-Кохбы (135 г.) закончилось новым выселением евреев.

Так началось и продолжалось рассеяние евреев по чужим землям и странам, затихая и возобновляясь. Со времен разрушения Первого храма почти каждое поколение евреев было вынуждено сниматься с обжитых мест и пускаться в путь по свету. Иногда их вынуждали к этому властители-тираны, иногда – экономические трудности. Порой привлекала возможность открыть новые торговые пути в неведомые земли.

Таким образом, волны еврейских беженцев все дальше и дальше оказывались от исконных земель и зарождали новые многочисленные очаги диаспоры в различных регионах мира. Имеющиеся данные лектора Оксфордского университета и Мертонского колледжа Мартина Гилберта наглядно показывают, насколько широкой является география рассеяния евреев. По данным 1990 года проживает евреев:

- на **Американском континенте**: Канада – 330000, США – 5835000, Мексика – 35000, Гватемала – 800, Панама – 3800, Эквадор – 1000, Перу – 5000, Чили – 17600, Колумбия – 7000, Венесуэла – 20000, Боливия – 600, Бразилия – 150000, Парагвай – 900, Уругвай – 44000, Аргентина – 228000;
- в **Англии**: Великобритания – 330000, Ирландия – 2000;
- в **Африке**: Марокко – 13000, Тунис – 3500, Алжир – 600, Кения – 330, Замбия – 85, Зимбабве – 1200, Эфиопия – 15000, Северный Йемен – 1000.
- в **Австралии** – 90000;
- в **Новой Зеландии** – 48000;
- в **Европе-Азии**: Испания – 12000, Франция – 535000, Португалия – 300, Голландия – 25000, Бельгия – 30000, Дания – 9000, Швеция – 16000, Норвегия – 950, Финляндия – 1200, Австрия – 12000, Болгария – 5000, бывшая Чехословакия – 12000, Венгрия – 90000, Румыния –

23000, Польша – 6000, в Западной и Восточной Германии соответственно – 28000 и 400, Югославия (бывшая) – 5500, Швейцария – 18300, Греция – 4875, Италия – 34500, Турция – 23000, Иран – 25000, Индия – 5600, Япония – 600, Гонконг – 700, Китай – точных данных нет, в бывшем СССР – 1810876 евреев.

Разбросанные по миру евреи, разумеется, отличаются друг от друга. Ведь на их повседневную жизнь влияют разные культуры и исторические традиции. Политические различия между ними также весьма существенны, даже если ограничиться рассмотрением взглядов тех евреев, которые проживают в еврейском государстве. Евреи воевали в армиях враждовавших друг с другом стран, активно участвовали в политике противостоящих друг другу правительств. И, тем не менее, ощущение еврейской солидарности, объединяющее всех еврейское самосознание, сохранялось, оно сильно и поныне.

Еврейское самосознание, корнящееся в общем духовном наследии, существует и у кавказских евреев. Они хорошо понимали, что изгнанная со своей земли нация может оставаться таковой только при условии сохранения своей религии и всего того, что присуще этой нации. Альтернатива этому – полная ассимиляция. Изучение законов Торы так глубоко проникло в духовную и повседневную жизнь кавказских евреев, что, оказавшись в изгнании, они потеряли все, чем обладает нация, но сохранили своего Б-га и Его Тору. Это единственное, но спасительное наследие, которое евреи взяли в изгнание. В изгнании у них не было ни священного города, ни Храма. Возникла синагога и служба в синагоге. На смену священнослужителям пришли верные учителя народа – раввины – книжники и мудрецы. Они и помогали поддерживать еврейское самосознание.

С началом мусульманских завоеваний (638-643 гг.) начались новые преследования евреев. Новые волны эмиграции евреев-пришельцев селились на Кавказе, двигаясь на восток и северо-восток. В восточном предкавказье они встретились с хазарами, которые приняли в 8 веке иудаизм. Государство хазар прекратило свое существование примерно в X веке. После падения Хазарского каганата ислам распространился и на северный Кавказ. В связи с этим жизнь евреев стала нелегкой. Взаимоотношения с мусульманским населением определялось так называемыми "Омаровыми законами" (особый комплекс общеисламских постановлений по отношению к не мусульманам).

Часть евреев превратились в крепостных у местных правителей. Необходимо отметить, что евреи подвергались особым унижениям и находились в значительной личной зависимости у местного правителя – хана.

Немецкий путешественник И.Гербер в описании жизни евреев Кавказа показал, насколько эта жизнь была тяжелой. Евреи бесплатно поставляли правителям-мусульманам продукты своего хозяйства (табак, марену, обработанную кожу и т.д.), убирали урожай на их полях, участвовали в строительстве и ремонте домов, в работах в саду и виноградниках, предоставляли своих лошадей в определенные сроки. За покровительство надо было платить деньги своему покровителю. Эта подать называлась "*харадж*". Существовала и особая система вымогательства – "*диш агрысы*" (*зубная боль*). Так, мусульманские воины вжимали деньги с тех евреев, в чьих домах они ели, а, следовательно, от этого у них была "*зубная боль*". Сумма денег была определенной и устанавливалась ханом-правителем.

По описанию того же путешественника: *"Евреи из имущества оставляют лишь столько, сколько необходимо,*

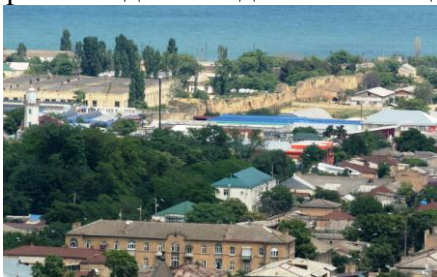
чтобы не умереть с голода. Если еврей едет куда-нибудь и встретит мусульманина, то должен свернуть с дороги в сторону и по требованию встречного слезть с лошади, если он этого не сделает, то мусульманину разрешается избить его как угодно, лишь бы он остался в живых, и избитый не имеет права жаловаться. Один из правителей повелел, чтобы за убийство еврея, мусульманин, в знак возмещения убытка – "наполнил серебром кожу убитого и отдал это серебро хану".

Дальнейшее ухудшение жизни было связано с тем, что территории на которых, наряду с аборигенами проживали евреи, были предметом споров между Россией, Ираном и Турцией, а также рядом местных правителей. В 1730 году "удача" улыбнулась иранскому полководцу, будущему шаху Ирана – Надиру. Он сумел вытеснить турок из Азербайджана и успешно противостоял России в борьбе за обладание Дагестаном. Несколько еврейских поселений были разрушены и уничтожены войсками Надира, другие разрушены и разграблены. Спасаясь от опасности, евреи поселились в Кубе под покровительством правителя Хусейн-хана.

В 1797-99 году правитель лаков (так называли казикумухов) напал на центр духовного развития евреев населенный пункт Аба-Сава и после тяжелого сражения, в котором пали около 160 защитников села, по указанию правителя Сурхайхана все пленники были казнены, населенный пункт разрушен, женщины, и дети были уведены в качестве добычи. С населенными пунктами еврейской долины было покончено. Уцелевшие и успевшие скрыться евреи нашли убежище в городе Дербенте, под покровительством Фатали-хана (сына Хусейн-хана), во владения входило и Кубинское ханство.

В тоже время Россия не хотела усиления Ирана на Кавказе и предпринимала свои меры. В 1806 году она

окончательно аннексировала Дербент и прилегающую территорию. Практически в 1813 году, а официально в 1828 году был аннексирован Азербайджан. Таким образом, районы проживания евреев перешли под власть России. В 1830 году в Дагестане (в его горной части, исключая части прибрежной полосы и Дербент) началось восстание против России, "священная война" против "неверных" под руководством Шамиля. Мусульмане стали нападать на евреев, пытались насильно обращать их в ислам. Жители ряда аулов (деревень) обращенные в ислам со временем слились с окружающим населением. Но все поколения вновь обращенных помнили о своем еврейском происхождении и давали своим детям еврейские имена.

Общий вид на город Дербент.

Здесь живут горские евреи.

В 1840 году главы общин евреев Дербента обратились с прошением (написанным на иврите) к русскому царю и просили "собрать рассеянных с гор, из лесов и малых сел, что находятся в руках татар (т.е. мусульман) в города и большие поселения". Тем самым они просили перевести их на территории, где укрепилась русская власть.

Евреи приветствовали русских и оказывали им посильную помощь. Они воевали в русских казачьих отрядах. Так, в одном из этих отрядов служил разведчиком Аарон из Грозного. Он отличился в боях и получил Георгиевский крест. Горцы захватили его в плен и убили с большой жестокостью. И таких евреев было много. Когда кавказские евреи стали подданными России, их практически

было примерно семь с половиной тысяч человек, они занимались садоводством, виноградарством, выделкой кожи, выращиванием табака.

Приход евреев под власть России не привел к немедленным изменениям в положении, занятиях и структуре общины. Вплоть до конца 60-х годов XX века, евреи некоторых районов Дагестана продолжали платить "*харадж*" прежним мусульманским правителям этих мест или их потомкам. Евреев царское правительство приравнило в правах к русскому именитому дворянству и оставило в их руках поместья. Сохранились также и прежние обязанности евреев по отношению к этим правителям. Они вытекали из зависимостей, установленных еще до русского завоевания. Все вернулось на "круги своя" – евреи оставались среди угнетенных и униженных.

Та же "черта оседлости", те же унижения с новыми мытарствами, связанными с необходимостью доказывать свое российское подданство. В противном случае применялись различные санкции, вплоть до выселения. К тому же имели место явления, называемые "кровавыми наветами". В 1814 году на этой почве проходили беспорядки из-за действий властей против евреев, нашедших убежище в Кубе. В 1878 году на основании "кровавого навета" были арестованы десятки евреев Еврейской Слободы Кубинского уезда. В 1911 году евреи селения Тарки (Дагестан) были обвинены в похищении мусульманской девочки.

После установления советской власти в Дагестане ненависть к евреям не исчезла. В 1926 и 1929 годах имели место новые "кровавые наветы" на евреев. Первый из них сопровождался погромами. И это несмотря на то, что советскую власть евреи встретили с вступлением в Красную гвардию, где они составляли до 70% бойцов. В этих событиях они, прежде всего, видели борьбу русских с

мусульманскими мракобесами Дагестана. Местные сепаратисты, с помощью активно помогавшим им туркам, разрушали еврейские поселения, уничтожали евреев. В результате всего этого, часть еврейского населения перебралась в города, расположенные на равнине и вдоль побережья Каспийского моря.

Весь период советской власти, не только до начала Второй мировой войны, но и после ее окончания, не принес изменений в отношении к евреям. Продолжая "лучшие" традиции царской России власть развивала свой антисемитизм. Так газета "коммунист" на кумыкском языке, издававшаяся в городе Буйнакске (Дагестан) сообщила, что "еврейская религия предписывает добавлять в пасхальное вино несколько капель мусульманской крови". Это было похоже на призыв и как бы явилось сигналом для действий. События не замедлили произойти. Возобновились нападения на евреев. Как видно, положение евреев при советской власти оставалось таким же, как было раньше. Только эти унижения и оскорбления, все издевательства над евреями приняли новую утонченную форму. Можно сказать, что положение евреев в Советском Союзе во многом ухудшилось, чем было при царизме. До революции 1917 года даже при всем унижительном положении евреев, они имели свои национальные школы, свободно исповедовали свою религию, жили в соответствии с традициями и обычаями отцов, имели свою периодическую печать.

Все это было запрещено властями в Советском Союзе. Ликвидация национальных школ, периодической печати, отсутствие национального радио и телевидения, по мнению властей, должно было привести к таким условиям, при которых у еврейской нации не осталось бы ничего еврейского. Это несправедливое и порой бесчеловечное отношение заставляет страдать каждого думающего еврея.

А ведь мы все прошли через это. Все маленькие народности, автономии и имеют свои национальные школы, литературу, театр, музыку и т.д., а еврейский народ, в том числе и кавказские евреи не имеют на это права. Примером тому служит, чудесный доктор Гавриил Абрамович Илизаров. И только потому, что он еврей, так долго не хотели признавать его заслуги.

Все цивилизованные страны считали, что доктор сделал революцию в медицине, только на Родине власти не признавали его. Но правда, хотя не и не всегда, пробивает дорогу. Вынужденные признать его заслуги, власти дали ему звание Героя Социалистического Труда и оказали другие почести.

Анализ положения евреев на Кавказе показывает, что в своей практической деятельности советская власть внесла коррективы в процессы отношений к ним. Построенная на началах воинствующего безрассудного атеизма, в своих попытках вырвать из сознания людей религиозные чувства, она в этом рвении особо преуспела в отношении еврейского населения. Подход большевиков к этой проблеме еще до революции 1917 года был однозначен, после захвата власти, доказать на практике, что единственная возможность решения еврейского вопроса в России – это ассимиляция евреев, растворение, а в конечном итоге и исчезновение их как национального образования. И для этого было сделано, не мало.

Известный русский историк и публицист, эмигрант из России в 1925 году Г.П. Федотов, писал: "Русская революция с одной стороны, удушившая национально-религиозную культуру еврейства, с другой стороны облегчившая его ассимиляцию, сделала больше для уничтожения народа, чем Гитлер со своими лагерями и палачами".

Если приход к власти фашистов в Германии в 1933 году обернулся трагедией для евреев и привел к Холокосту, то государственный антисемитизм Советского Союза внес свою лепту в деле унижений и количественного уменьшения еврейского народа. Достаточно сказать, что Сталин вынашивал план депортации всех евреев в Сибирь и только его смерть 5 марта 1953 г. спасла евреев от этой катастрофы.

В период между июлем 1961 года и мартом 1963 года в Советском Союзе было вынесено, по меньшей мере, 110 смертных приговоров за "экономические преступления". Среди казненных по этим приговорам было не менее 68 % евреев. Все осужденные евреи были приговорены к расстрелу, в большинстве без права апелляции и с конфискацией имущества. Среди предъявленных обвинений были "спекуляция валютными ценностями", "взяточничество", "хищение социалистической собственности". В Баку был расстрелян один кавказский еврей, еще один был казнен в Тбилиси.

На Украине, где евреи составляли 2% населения, их процент среди казненных равнялся 83%. В Харькове, в январе 1963 года из 12 арестованных человек шестеро были евреями. Все шестеро были приговорены к смертной казни, а другая шестерка (не евреи) были приговорены к тюремному заключению. Западная пресса осудила эту политику.

В опубликованном 25 февраля 1963 года письме Никите Хрущеву, английский философ Бетрана Рассел, протестовал против вынесения смертных приговоров по обвинению в "экономических преступлениях". Хрущев назвал письмо Рассела "злой клеветой" на Советский Союз.

От пленений и возникновений диаспоры далеких предков и до возвращения на историческую Родину в XX веке новой эры – вот исторический путь кавказских евреев.

На своей исторической Родине они были просто евреями, впоследствии ставшие пленниками, прошедшими свой путь на Кавказ и прозванными горскими евреями, а затем кавказскими евреями – утверждающими себя просто ЕВРЕЯМИ.

Места проживания и статистика Изменения количественного роста горских евреев

Горские евреи в Кнессете на встрече с депутатами, Иерусалим. 2010 г.

Основными центрами проживания кавказских евреев являются Азербайджан и Дагестан. Кроме того, небольшие группы расположились в Чечено-Ингушетии и Кабардино-Балкарии.

Городов, населенных преобладающим числом кавказских евреев нет. Евреи живут в обособленных пригородах, таких как, например, поселок Красная (Еврейская) Слобода Кубинского района Азербайджана или в еврейских кварталах населенных пунктов Дагестана – города Дербент, Махачкала (ранее Петровск-Порт), Буйнакс (ранее Темир-Хан Шура). Вне этих мест значительное число евреев

проживает в Нальчике и в Грозном (Еврейская Колонка). В годы Второй мировой войны незнание немцами кавказских евреев спасло их от смерти.

*Депутат Кнессета Р.Тивьяев и
Верховный Рав гор.ев. Я.Нафталиев.*

*М.Агарунов, Х.Рафаэль, Ф.Юсуфова,
Р.Тивьяев.*

В населенных пунктах, где было смешанное еврейское население (ашкенази и горские евреи), немцы уничтожали всех. Так было, например, в Пятигорске, Кисловодске, в некоторых колхозах Краснодарского края, в поселениях кавказских евреев в Крыму.

В районах Нальчика и Грозного фашисты запросили Берлинских специалистов их профессиональное мнение по еврейскому вопросу, насчет неизвестной этнической группы. Но ввиду успешного наступления Советской армии были вынуждены отступить с этих мест, не успев получить точных указаний. Еще в 1860-70-х годах кавказские евреи стали переезжать в город Баку. Как правило, они селились компактно. Ими были облюбованы несколько улиц города, например: Бондарная, Чадровая, Балаханская и другие. Местное население знало о том, что эти места основного проживания кавказских евреев. Отдельные островки проживания евреев имеются в Ленкоранском, Геокчайском, Дивичинском, Кусарском, Хачмаском, Исмаилинском и Шемахинском районах Азербайджана.

Баку, улица Балаханская-Басина, 1962 год. (С 1989 г. - ул. Физули)

Часть кавказских евреев, проживавших на Ширванской равнине, называли ширванскими евреями. В основном они проживали в селе Мюджи и в городе Шемаха. В этих населенных пунктах имелись синагоги, при которых была организована учеба еврейской письменности. Село Мюджи расположено в труднодоступной горной местности. Люди жили в саклях. Несколько саклей имели выход в один дворик – коробку. Здесь играли дети, находился скот и домашняя птица. Сакля обмазывалась глиной, пол устилали паласами и коврами, в нишах - *джомохоту* находились подушки, одеяла. Там же хранился запас продуктов. *(История появления ширванских евреев, их быт и так*

далее, будут описаны дополнительно). В Грузии (Тбилиси) и в Средней Азии (Бухаре) проживают десятки еврейских семей. Как видно, территория, занимаемая кавказскими евреями, не представляет собой единого массива, они рассеяны более или менее крупными островками среди других народов. Не едина она и в естественно-географическом отношении.

К сожалению, пожар уничтожил архив, в котором имелись драгоценные документы о прошлом кавказских евреев Азербайджана (но по некоторым журналистским расследованиям Ф. Юсуфовой и некоторой проверенной версии. По рассказу Хананила Абрамова (Светлая ему память, он в своё время ведал архивом г. Кубы): «Был устроен пожар в архиве, чтобы уничтожить компрометирующие власти документы, ну а все остальные архивы не пострадали». (Это верно на май 2009 года).

В этом убедился лично Лева-Давид Эмануэль из Твери (Израиль), он правнук Сиониста Юнаева (Азиз Офдум Ино), побывав в центральном архиве Азербайджана в 8-ом микрорайоне города Баку, убедился, что там собраны все документы до 1920 г. со всех архивов страны. Кубинский архив сейчас находится в Хачмасае, но там только документы, начиная с 1920 г. Сбор сведений, по крупице, составляющих эти документы был собран с трудом, тем более что человеческая память несовершенна. Но, тем не менее, мы можем представить картину жизни, быта и культуры маленькой народности, сынов еврейского народа. Итак, одно из первых названий Слободы, где жили "джууро" – «Подгорная», а за тем «Еврейская», а с 1931 года стала называться «Красная Слобода» Кубинского района Азербайджана. По различным данным в Красной Слободе до революции 1917 г. проживало от 12 до 18 тысяч человек. Слобода стала развиваться в 30-е годы. На 1995 год население поселка сост. 4,5 тысяч человек. Эмиграция в

Израиль и др. страны продолжается, но поголовно все население не уезжает. Всю Красную Слободу по длине пронизывают три параллельные улицы. Две из них не совсем прямые, ибо строительство дорог велось не по плану, а с изгибами. Но средняя дорога относительно широкая и прямая.

Красная Слобода, Кубинского района. Конец XX в.

Дело в том, что она одновременно является магистральным Куба-Дербентским шоссе. Эти три улицы пересекают девять небольших улиц, образуя почти 30 кварталов. История образования Слободы относится к началу 18 века. После нашествия иранской армии на северный Азербайджан, спасаясь от угрозы для своей жизни, евреи были вынуждены искать сильного покровителя, и обратились к Кубинскому хану Хусейн Али (1725-1758),

ханство, которого существовало с 17 века.

Хан доброжелательно отнесся к просьбе евреев: выделил территорию на западном берегу реки Кудиял-чай, в непосредственной близости от своего местопребывания – г.Кубы. Начало поселения относится к 1735-44 годам. Впоследствии поселение стало называться Еврейской Слободой. Поселенцы были освобождены от податей на несколько лет, в результате чего они могли бы благоустроиться.

Еврейская Слобода Кубинского района. Фото начала 20 века

Селились они отдельными землячествами, в зависимости от тех мест, откуда они прибыли: Гильгот-Кульгат, Гисори-Кусары, Гарчэг-Гарчаг, Гилэк-Гиляны, Чапкени, Мизрахи, Кюдури и др. К 1950-м годам евреи изменили эти названия. В основном жители Слободы подразделялись на *кварталы-мэхалэ* и назывались одноименно: *Гильготы-кульгатчане, Гисори-кусаринцы, Гарчэг-гарчеи, Гилэк-Гилэки, Чапкени, Мизрахи, Кюдури*. Подтверждение сказанному пришло к автору совсем с неожиданной стороны. Во время

прохождения им воинской службы в пограничных войсках ему пришлось говорить с одним из жителей Ирана.

Вид в плане пос. Красная Слобода, составил Я.Абрамов

Каждое землячество строило в своем квартале синагогу. Таким образом, в маленькой Слободе было построено 11 синагог. Имеются надписи на стенах синагог, по которым можно установить, что их, в основном, строил один мастер по имени Гилель бен-Хаим.

Строительство Старого моста (Красного) через Кудиял-чай, к Еврейской Слободы. Памятник архитектуры середины 19-20 века

Предположительно в начале XX века через реку Кудиял-чай, был переброшен мост, связавший Еврейскую Слободу с мусульманской частью города. После создания поселения евреи наладили торговлю с другими городами и народами, вышли они и в Средиземноморье. Торговля благотворно сказалась не только на жизни евреев, но и на всем Кубинском ханстве.

Мосты - Близнецы в Коннектикут (США) и в городе Куба - Красная Слобода

*«Красный мост» - «Старый мост» через реку Кудюал-Чай
поселка Красная Слобода. Памятник архитектуры 19-20 вв.
Мост через реку Коннектикут (США) в районе г. Хартфорда,
явл. одним из древнейших инженерных изобретений
человечества.*

Путешественники, купцы и дипломаты европейских стран отмечали рост Кубинского ханства, особенно при Фатали-хане, сыне Хусейн-Али хана, правившего в 1758-1789 годах.

Интересно, что для доведения необходимой информации до народа широко использовался метод, принятый на всем Востоке. Вестники становились посреди квартала и кричали: "Эй, джаамэт, кура бошит, бишиновит! Кура бошит! - Эй, народ, собирайтесь, слушайте! Собирайтесь!". Как правило, скоро собиралась относительно большая толпа мужчин, женщин и конечно детвора.

Многие евреи из некоторых городов в 1923-29 годах переселились в те места, где им была выделена земля для земледелия. Часть переселились в Кубу, где создали

виноградарский совхоз им. Шаумяна. Другая часть евреев переселились в селение Гараджали, Хачмаского района Азербайджана, где с 1928 по 1951 год просуществовал колхоз, в котором они работали. Этот колхоз состоял только из евреев. Позже часть евреев выехала в Биробиджан строить автономную еврейскую область.

Достоверных данных о количестве кавказских евреев нет. Архив в городе Куба сгорел (по последним данным 2010 года – архив цел, его перевезли в г. Хачмас). Отсутствие данных кроется в государственном антисемитизме бывшего Советского Союза. Но, исходя из имеющихся данных и скудных источников, можно проследить изменения в количестве людей этой общины.

Впервые данные о количестве кавказских евреев появились после того, как они стали подданными царской России. В 1835 году насчитывалось 7649 человек, из коих сельских жителей было 4450 (58,3 %) городских жителей 3190 человек (41,7%).

По переписи 1897 года из общего количества, около 60 тысяч евреев, семь тысяч были кавказскими (горскими) евреями. Так, что количество членов общины в течение прошлого века оставалось неизменным.

Согласно всеобщей переписи 1970 года кавказских евреев было около пятидесяти тысяч. Однако и эти цифры не объективны. Дело в том, что часть кавказских евреев, стараясь избежать регистрации в качестве евреев и не подвергаться дискриминации со стороны властей, назвали себя татами или представителями других национальностей. По разным оценкам таких людей было 17 тысяч в 1970 и 22 тысячи в 1979 году.

По официальным данным всеобщей переписи 1959 года население Азербайджана составляло 3 миллиона 700 тысяч человек. По национальному составу там проживало:
– азербайджанцев - 2482 700 (61,1%);

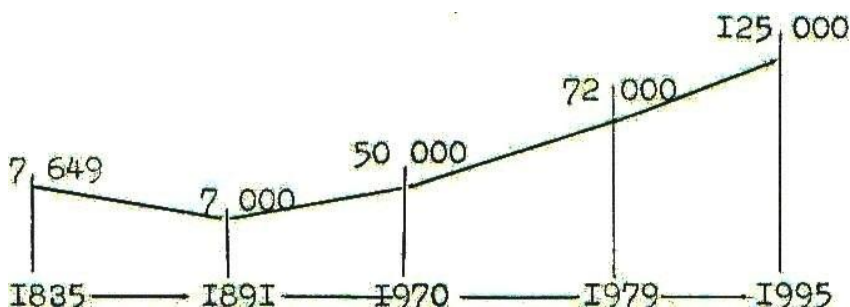
- русских – 514 300 (13,9%);
- лезгин – 99 900 (2,7%);
- другие представители народов Советского Союза – 159 100 (4,3%).

Как видно, данных о евреях нет. В Азербайджане представители многих других народов (татары, кумыки, талыши, и т.д.). Из этого можно сделать только один вывод – кавказских евреев было намного меньше 159 100 человек.

Одним из аспектов, затрудняющих установление точного количества евреев, является печально известная "пятая графа" паспорта. Кроме того, что она служила для евреев большой преградой на пути продвижения вперед (ограничения при поступлении в высшие учебные заведения, работа в определенных учреждениях, научно-исследовательских институтах, определенные должности и т.д.), она не всегда позволяла точно установить национальность человека. В этой графе кавказских евреев записывали лицами других национальностей. Наиболее часто встречалась запись "*tat*". В своей основе тюркское слово "*tat*" применяется для обозначения оседлого тюркского населения. Графическая схема роста количества евреев показывает их рост от семи с лишним тысяч человек до 125 тысяч по всему свету.

Некоторые приблизительные цифры можно объяснить неточностями статистических цифр, отсутствием сведений из диаспоры в различных странах и неправильным указанием своей национальности в опросных листах переписи (из-за страха возможного преследования и т.д.).

После присоединения территории проживания кавказских евреев к России, их стали называть горскими евреями. В советское время их также называли татами, хотя в отдельных случаях их могли называть и просто евреями, азербайджанцами и татарами.

Графическая схема роста количества евреев

В настоящее время мы уже можем встретиться с названием – кавказский еврей. Оно возникло после прошедшей в 1995 году в Израиле научной конференции по проблемам евреев, проживающих на Кавказе – горских евреев. На конференции было принято решение идентифицировать евреев Кавказа, как "кавказские евреи" в противовес имевшему место в широком употреблении в литературе термину "горские евреи". В Израиле, после массовых эмиграций, горских евреев называют "*Кавкази*". В США это решение принято с одобрением. Синагога именуется как "синагога кавказских евреев", а община – община горских евреев.

В Азербайджане проживает маленькая народность таты. Под этим названием в литературе проходят представители трех различных народов, различных вероисповеданий. По религиозному признаку они подразделяются на мусульман, армяно-григориан (другое название – *зоки*) и иудеев. По местам проживания они располагаются в следующих районах Азербайджана:

- мусульмане – в Сиазанском, Дивичинском, Кубинском, Гонахкетском, Шемахинском, Исмаилинском районах, на Апшеронском полуострове и в городе Баку;
- армяне-григориане – в селах Матраса Шемахинского

района и Кильвар Ливичинского района. В армянской художественной литературе дается описание жизни евреев в Армении в прошлых веках.

Исходя из соседства территорий Армении и Азербайджана, и исхода евреев из северной Персии можно предполагать, что речь идет об одной еврейской общине. В "Истории Армении", автором которой является Мовсес Хоренаци, он же Моисей Хоренский, написанной в пятом веке новой эры, сказано: "Об армянском царе по имени Харгей, современнике вавилонского царя Навуходоносора, рассказывают, что он выпросил у Навуходоносора одного из главных пленников по имени *Шамбат*, привел его в Армению, поселил там и осыпал почестями. От Шамбата происходит, по преданию, род *Багратуни*, чему подтверждением служит то, что Багратуни часто давал своим сыновьям имя Самбат (*армянское произношение Шамбата*)".

Существуют даже летописи о том, что царский грузинский род Багратиони и царский армянский род Багратуни основаны евреями. В грузинском летописном эпосе "*Картлис цховреба*" об этом сказано так: "*Семеро братьев бежали из плена филистимлян и, наконец, пришли в Эклеци, где находился дворец армянской царицы Ракаэл. Здесь они вскоре приняли христианство, и трое из братьев остались в Армении. Их внуки и правнука и сейчас живут в той стране. Четверо же других решили идти еще дальше на север. Так они оказались в Картли. Один из братьев, по имени Гаарам, возвысился, стал Эристави. Он и является родоначальником грузинских Багратионов*".

Кавказские (горские) евреи, сами себя именуют "*джуур*" (этим же словом они называют всех евреев).

В самые тяжелые времена часть из них, пытаясь скрыть свою национальную принадлежность, называли себя "татами". Не только власти, но и пресса (порой и

небольшая часть интеллигенции) доказывали, что горский еврей и тат – это одно и, то же.

Один из авторов составил и перевел книгу сказок горских евреев, и почему-то назвал ее, назвал "Татские сказки". Врач-журналист Б.Нувахов, также горский еврей по национальности, написал прекрасную книгу об известнейшем в мире докторе Гаврииле Абрамовиче Илизарове. Однако, слово "еврей" или "горский еврей" в книге отсутствует, напротив, в книге есть такие слова: *"мы – таты", "наше татское село", "татская пословица гласит..."* и т.д. А ведь речь идет о еврее академике Гаврииле Абрамовиче Илизарове, о еврейском селе и т.д.

Синагога - основа еврейского самосознания горских евреев

Святость синагоги подобна святости Храма, и мы должны трепетать перед Б-гом, присутствующим в этих местах. Как сказано: "Благоговейте перед моим святилищем". (Пророк Иехезкель).

Проживая на Кавказе, евреи находились в пространственной отдаленности от своей исторической Родины, культуры, еврейской жизни, были от всего этого в изоляции, особенно на начальном этапе проживания. Они жили среди людей исповедовавших другие религии – ислам и христианство. К тому же эта среда враждебно относилась к людям иудейской веры.

Тем не менее, они сохранили еврейское самосознание, не ассимилировались, сохранили национальные обычаи и обряды. Достаточно сказать, что в конце 30-х годов XX века (до закрытия еврейских школ и перехода на русский и азербайджанский языки) они писали на священном языке Торы, давали своим детям библейские имена, убежденно верили в святость Субботы и придерживались обычаев и традиций.

Для того, чтобы все это сохранилось в течение веков недостаточно, чтобы действовала генетическая память. Здесь главную роль сыграла синагога.

Традиция придает синагоге огромное значение в еврейской жизни. Талмуд считает, что она уступает по святости только Храму и называет ее *"мигдаш меат"* - *"малое святилище"* (трактат *"Мегила"*, 29a). Это заключение основано на сказанном у пророка Иехезкеля. *"...Я удалил их к народам и рассеял их по странам, но Я*

стал для них святилищем малым (синагога) в странах, куда пришли они". (Иехезкель 11, 16).

Святость синагоги определяется ее назначением: это помещение, где евреи собираются для молитв, изучения Торы и решения вопросов управления общиной. Синагога служит общине на пути укрепления еврейской веры. Синагога учила людей не забывать святое учение и поэтому ее синагогальная служба отводила особое место изучению глав (разделов) Пятикнижия из Свитка Торы.

Поэтому у кавказских евреев еженедельно по субботам и дважды в неделю было обязательным чтение Торы. При этом цикл чтений должен был завершиться к концу еврейского года с тем, чтобы возобновиться к "*Рош ха-Шана*" (Новому году). К древним временам относится обычай, по субботам и праздникам выступать в синагоге с лекциями на темы недельной главы Торы или по тем или иным галахическим проблемам. Такие беседы у кавказских евреев проводил один из наиболее знающих членов общины или специально приглашенные раввины. Из Дагестана выступали в Азербайджане и наоборот. Подобные приглашения стали редкими после Второй мировой войны.

Функции синагог на Кавказе были не только в том, что они были Домами молитв - *Бейт ха-Тфила*, но расширялись и стали Домами учений - *Бейт ха-Мидраш* и Домами собраний - *Бейт ха-Кнесет*.

Эти синагоги сыграли свою роль в процессе воспитания молодого поколения и всей общины, укрепления еврейского самосознания. Являясь Б-жьим храмом, они хранили одно из великих творений, величайшую духовную ценность – Книгу книг – Тору. Еврейская нация берет свое духовное начало от этого священного писания, так как это начало всех начал. Несмотря на то, что враги еврейского народа неоднократно пытались растворить, ассимилировать евреев с другими нациями, делали все, чтобы они исчезли как

нация, именно благодаря этой Книге и преданности нации ее предписаниям, народ еврейский (в том числе и кавказские евреи) выжил и сохранился. Синагоги доводили до сознания своего народа и комментарии наших великих праведников.

Синагога построена в 1896 году, является одним из уникальных строений в Еврейской Слободе в городе Куба (Азербайджан).

Центром духовной жизни общины было наиболее крупное поселение – *Джууд-Гатта* (в переводе – еврейская долина) – Аба-Сава. Сохранились несколько поэм, которые сочинил на иврите, живший там пиит Элиша Бен Шмуэль. В Аба-Сава жил и теолог Гершон Лала Бен Моше Накди, составивший комментарий к Ядха – Хазана Маймонида. Последним свидетельством религиозного творчества на иврите в среде общины следует считать каббалистическое сочинение "*Кол мевассер*" ("Голос вестника"), которое

написал в 1806-1828 годах Мататья Бен Шмуэль ha-Коен Мизрахи – из города Шемаха (Азербайджан).

Спад религиозного творчества, мешавшее дальнейшему развитию учений видных еврейских мыслителей объясняется тем, что со второй трети 18 века положение евреев значительно ухудшилось. Это произошло в результате борьбы за обладание местами их проживания соседними странами. В этой борьбе столкнулись интересы России, Ирана, Турции и ряда местных правителей. Были разрушены Аба-Сава, началась священная война мусульман против "неверных". Были и другие напасти, которые не давали возможность заниматься творчеством.

Скорее приходилось думать о выживании.

Тем не менее, тяга к синагогам была велика. В синагоги ходили только мужчины. Раввины читали молитвы, обратившись лицом к Иерусалиму, а остальные слушали их в молчании, тоже повернувшись к Иерусалиму. Синагоги были в Дербенте, Кубе и во всех поселениях евреев.

Зарубленная тора, книга, спасшая общину горских евреев Азербайджана, от уничтожения Надир-Шахом в 5494-1734 г.. Азерб.1734 г.

В маленькой Еврейской (Красной) Слободе было 11 синагог. В одной из синагог Красной Слободы, хранилась разрубленная Тора, с которой связано одно предание. Персидский полководец Надир решил разграбить Слободу и уничтожить ее жителей. Прибыв туда во главе войск, он увидел во дворе местной синагоги раввина в окружении его учеников. Выхватив саблю, Надир занес ее над головой раввина. Тот инстинктивно прикрыл голову Священной Книгой, которая была у него в руках. Сабля перерубила

Тору на две части и даже не задела раввина. Увидев это, Надир сказал: *"Я вижу, что ваш Б-г предохранил тебя от жестокости моего меча. За изучение его святыx законов будь ты спасен с твоим народом!"*. В тот же день он со своим войском покинул Слободу. Одно предание кавказских евреев гласит о том,

Театр песни им. Р.Бейбутова в здании хоральной синагоги, построенной в 1902-10 гг. Баку.

что один хан велел собрать надгробные камни с еврейского кладбища и построить из них для него великолепный дворец.

Когда дворец был построен, семья хана переехала туда. После этого, почти сразу заболела и умерла его жена, потом заболели и умерли его дети и, наконец, после долгой и мучительной болезни умер он сам.

Из многочисленного семейства никто не уцелел. Многие правители пробовали жить в этом дворце, но и они умирали от болезней.

Дело кончилось тем, что дворец стоял пустой и заброшенный, мусульмане боялись по вечерам проходить мимо него.

В конце 70-х годов двухэтажное здание еврейской синагоги по улице лейтенанта Шмидта в городе Баку было передано «Театру Песни» под руководством народного артиста СССР Рашида Меджидовича Бейбутова. На

противоположной стороне от входа, на стене, находился рельефный, выпуклый Маген Давид.

Р.Бейбутов, предварительно согласовав с коммунистической властью, приказал убрать «этот сионистский символ». Специалистам никак не удавалось убрать символ, только после многомесячного вандализма Маген Давид, удалось отколупнуть по маленькому кусочку.

Правда, следы символа всё равно проглядывались. Наконец, был назначен день концерта. В этот же день, за несколько часов до премьеры знаменитый артист Р.М. Бейбутов скончался. После его смерти здание также пустует, как пустовало ранее. Власти не допускали, чтобы в таком хорошем здании совершались Еврейские богослужения.

*Я.И.Ицхаки (1846(48)-1917гг) -
Рабби Яангиль главный раввин
Дербента. Фото 1889 года*

Руководство общинами кавказских евреев осуществлялось следующим образом: в городе Дербенте, также как и в других местах проживания евреев, общиной руководили три избранных лица. Один из них являлся главой общины, двое других были его заместителями. Они были ответственны как за отношения с властями, так и за внутренние дела общины. Существовали две ступени раввинатской иерархии – "раввин" и "даян". Раввин одновременно выполнял три функции: был кантором, в синагоге, резником и учителем в

тэлмид-хунэ в хедере, Даян же был главным раввином. Он избирался руководителем общины и являлся религиозным высшим авторитетом не только для своего города, но и для соседних поселений. Он председательствовал в религиозном суде - *Бет-дин*, был кантором проповедником в главной синагоге города, и руководил *ешивой*. Начиная с середины 19-го столетия определенное число кавказских евреев, училось в *ешивах*. Европейские евреи (*ашкенази*) учились в России и Литве. По окончании ешив значительная часть евреев получало звание *шохет-резник*, а лишь небольшая часть их получало звание раввинов.

В 1850-е годы, царские власти признали *даяна* Темир-хан Шуры (Буйнакса), главным раввином на северном Кавказе и в северной части Дагестана. *Даяна* Дербента – главным раввином в Южном Азербайджане. В дополнении к их традиционным обязанностям власть возложила на них также и роль казенных раввинов. Как известно, после длительного периода преследований и гонений горских евреев, разрушения, ограбления и сожжения их поселений, начатых Надир-Шахом, постепенно образовались и в конце XVIII века сложились две крупные общины – Еврейской слободы (Куба, Азербайджан) и Дербента. Именно эти общины стали важнейшими религиозными центрами, которые вырастили целую плеяду ученых раввинов. (*Эту статью написал Я.И. Мишиев, заслуженный учитель РД и РФ. Республиканская газета "БАТАН" на еврейском языке.*)

Раввины Дербента стали преемниками духовных традиций разрушенного и разграбленного селения Аба-Сава. В свое время в этом селении бывшем культурном и религиозном центре горских евреев, жили пайтан-поэт Элиша бен Шмуэль, теолог Гуршум Леле бен Миши Накди, составивший комментарии к «*Яд-на-хазаки*», величайшего философа и теолога XII века Маймонида, раввин Моше бен Маймон – Рамбам, 1135-1204 гг., Кордова, Испания и

другие. Согласно народной молве, среди тех, кто стал особо почитаемым в народе, первым считается раввин Израэль Мизрахи (его называли Нуколи, то есть из селения Рукель), живший в конце XVIII - начале XIX вв. Он пользовался уважением и среди жителей-мусульман.

Практически духовным центром горских евреев Южного Дагестана Дербент стал при раввин Элиягу бен Мушаэль Мизрахи (1781-1848 гг.). Как религиозный лидер, был почитаем вплоть до Нальчика. Он пользовался уважением не только горских евреев. Раввин Элиягу является основателем главного раввината горских евреев в Дербенте. Он был потомком раввинов из Персии. На Кавказ переселился его дед, раввин Бенъямин бен Аорон. Он, а также его сын Мушаэль и внук Элиягу были признанными знатоками и толкователями Торы, Талмуда и других еврейских законов. Раввин Элиягу получил образование в *иешивах* (религиозных учебных заведениях) Багдада. Организовал систему получения еврейского образования в Дербенте. Раввин Элиягу являлся обладателем крупнейшей религиозной библиотеки на Кавказе. Его библиотека образовалась на основании литературы, привозимой ему почитателями-купцами, возвращавшимися из поездок. Раввин Элиягу имел много учеников. Среди них особо выделялся своими знаниями, начитанностью, талантом его племянник раввин Авраам бен Ханука (брат раввин Элиягу Ханука бен Мушаэль был преуспевающим купцом), ставший наследником своего дяди. Преждевременная смерть в молодом возрасте оборвала его деятельность. Сочиненный им мотив долгие годы исполняли евреи в пасхальную ночь.

Талантливым учеником раввин Элиягу был и раввин Ицхак бен Яков Мизрахи (1791-1877 гг.), основатель раввинской семьи Ицхаки, выходец из Еврейской слободы (Куба). Раввин Ицхак после получения начального религиозного образования в 27-летнем возрасте переехал в Белую Церковь – центр еврейства Восточной Европы, где обучался в *иешиве* 13 лет. Фактически раввин Ицхак бен Яков был первым горским евреем, получившим полное религиозное образование в Европе. Он изучал в полном объеме Тору, Талмуд, другие законы и обряды иудаизма. После возвращения в Дербент в 1835 году он основал в городе *иешиву*. В 1845 году община Дербента избрала его даяном (он же религиозный судья). В 1848 году раввин Ицхак стал (после смерти раввин Элиягу) главным раввином Дербента. Ярким представителем семьи Ицхаки стал Яков Ицхачович Ицхаки (раввин Янгиль, 1846(48)-1917гг). Ярко одаренный Яков стал талантливым учеником своего отца раввин Ицхака. Обучив сына законам иудаизма, раввин Ицхак сам посвятил его в сан раввина. Затем, как и отец, раввин Яков бен Ицхак поехал на учебу в Белую Церковь.

В 1868 году раввин Ицхак, по согласованию с общиной, передал дела общины своему сыну раввин Якову бен Ицхак, который стал главным раввином и главным религиозным судьей Дербента (1868-1907 гг.). К тому времени его отец раввин Ицхак бен Яков был одним из самых видных знатоков Торы и исследователем истории евреев Кавказа. В 1868 году труды по истории появления евреев на Кавказе были высланы в Петербург.

Отец и сын были ярко одаренными личностями с широкой эрудицией и всесторонним образованием. Они знали русскую и современную еврейскую литературу, имели тесную связь со многими известными раввинами России и Иерусалима, а также с учеными-востоковедами,

путешественниками, как Йосеф Ташарани, И.Черным (1835-1880 гг.) и А.Я.Гаркави (1835-1919 гг.). И.Черный при посещении Дербента встречался с отцом и сыном. О раввине Ицхаке он писал: так описал раввина: *"Старый красивый мужчина, с благопристойным, излучающим свет лицом, сразу видно, что это – благородный человек, умный и не обменял свою жизнь на всякие пустяки"*. Отец и сын Ицхаки, кроме родного языка, хорошо владели ивритом, русским, азербайджанским и слабо лезгинским языками. В 80-х годах XIX столетия раввин Яков Ицхакович Ицхаки официальными властями был назначен главным раввином горских евреев всего Южного Дагестана и Азербайджана в качестве казенного раввина. В 1907 году он был назначен членом комиссии на выборах в Гос.Думу.

Раввин Яков (Янгиль) бен Ицхак пользовался большим авторитетом как религиозный лидер. В то же время он славился как толкователь Торы, ученый, исследователь истории, этнографии горских евреев. Он глубоко изучал фольклор, предания, легенды и музыку своего народа, сам имел поэтический дар. Раввин Яков бен Ицхак составил впервые горско-еврейско-ивритский словарь (*не опубликован*). Он составил краткую историю горских евреев, их грамматику и лексику (*не опубликованы*).

В то же время он автор трудов *ивритской* поэзии. Император России Александр III (1835-1894 гг.), как и многие другие российские императоры, был явным антисемитом. Он издал ряд Указов по ограничению правового положения евреев, в том числе ценз об ограничении их образования. С целью убеждения властей не относить их к горским евреям главный раввин Дербента Я.И.Ицхаки вручил градоначальнику города в 1889 году «Краткую историю горских евреев» с просьбой отправить в Министерство внутренних дел. Однако и это не помогло. Согласно Указу Министерства просвещения России от 1883

года в училище Дербента был принят только один горский еврей, притом в подготовительный класс не приняли никого.

Яков бен Ицхак впервые посетил Палестину, Святую Землю отцов, в 1876 году. В Иерусалиме его с почетом принял ряд известных раввинов. Второе его путешествие состоялось в 1887 году. В 1907 году он окончательно переселился в Палестину (Эрец Израэль). Яков бен Ицхак организовал группу из 56 репатриантов, которая основала поселение близ Рамле. Это были безводные пустые земли без признаков растительности.

Поселение называется Беэр-Яков в честь руководителя и организатора группы. Его сын стал жителем Беэр-Якова и хранителем архива отца, который находится в его доме-музее. Недавно построенная новая Кавказская синагога в городе Беэр-Шева названа именем раввин Якова бен Ицхак. Яков Ицхаки похоронен на Масличной горе в Иерусалиме. Это самое большое кладбище в мире.

Раньше евреи приезжали в Иерусалим, чтобы умереть и быть захороненным там, где, по преданию, должны быть воскресение и последний суд. Могила Якова Бен Ицхаки является местом паломничества и поклонения горских евреев. В честь замечательного раввина Якова-Янгиля Ицхаки, назван город Беер-Яков в Израиле. В этом городе и по сей день, живут его внуки правнуки и праправнуки, они чтят память о своем деде Якове и прадеде Ицхаке.

Письмо от Дербентского Главного раввина Якова Ицхаки Ицхоковича. 2 Мая 1895 года под № 23 город Дербентъ Дагестанской области в Эрец Исраэль-Палестину.

ДЕРБЕНТСКАГО
Главного Раввина
А. И. Ицхоковича.
 1895 г.
 № 23
 Гор Дербентъ.
 (Дагестанской Области.)

קדוש אמני אמת עתן להכתב ולהודיע לאשר בקדש • המה
 אחי תושבי ק"ץ נוגד' שבגלל כחש • נמן האש • ה
 עבדי נשמו ה' צדק' צ' אהרן בל אברהם הכהן נ"ו
 אשר ילי' ומו האלצ'רן לעקוד צדקו ממחנה קדש • ובעת איה -
 למעבד לו בק"ץ לאלהר יע"ף • והוא ככל אחיו וצית אצון הכהנים
 מתקדש בקדושתו של אהרן לקדוש ראשון בתורה ולשא את כ"פ' נ
 ולפדות בכורות • ואמנם איזה יחידים מתושבי הנ' לבם נוקפם ל
 לבב תת אמן בן • והוא פנה אל ראש קהל עדת מונגלו • לקח
 מאתם יקר שהלותו לאחור; נפ' צדק • והם דרשו וקדשו
 להודיע לאדם • שדת העשן היה • באשר איך הגבר נתנע • לעמוד
 לעדום • במלג' • ולכן לא אוכל מלט מחוות דעה • וזאת המצוה
 נאמן ואומר נגדה נא קבל עם מה שלקחה אינן שם מיוחס גוע
 מתאבתם • מה חכמי המדינה בקור שלפסמ נחם עין • וזהו להם לעדה • כי מודעת זאת שהנחמ' גול' נוצ'
 אין צדקם כהנים ולוי' • באשר היותנו מתאשים לשבטי • למכר ונבולן • ושמעון • באשר הוכחות זה במקד
 בס' • ויאלץ' אמן דרברג אשר היו מתגוררים בארבעת עדים • במשור קדש' • ולא ה' עליהם עול מלך
 ושרים • טכסן עצה • ונלחם צדים מיוחסים אל אחי' שבמדינת גולן אשר בקצה פרס • שילחו להם משטח
 כהנים • כי שהא להם נ"ו לשדות בכוריהם • כי הדרכים בנים ההמה היו סגורות ומסוגרות מסבת אי-
 אגדות מדי בן חאט לאצקטון • ולבקשותם שלחו להם ראש המלטה הזאת האחים מ"ו יוחנן הכהן
 ומ"ד צדק הכהן זצ"ל • ובזם כתב יחושם מאלו ב"ו גול' גולן • ועני דליו כתב יום בחודש ת
 תורה וחתמתם שחתמו עמם כהנים • והם וצדקם ובע צדקם שמשו בכחותם לפי דבם מדינתו
 נע' הקדמונים ועד אחרי חבב מ' הדב י' אלהו זצ"ל ואבא מרי הדב זצ"ל • ועשין הם משמשים
 בכהונם לפינו • ומעולם שנין פסול לא נחאדם • כי על כן אומנין שחללה לאום צד' שראל
 להצא לעם עליהם ולהטיל ספק בכהונתם • באשר שהיו צד' יגיע ומפורקם בכל המדינה • וזה
 חינו

העומד לעדת בדרבנן והצולת יע"ף
ה' יעקב יצחק
מועצת

Дом Ицхака и Истер Ицхаковичей построен 1910 году. Г. Бер-Яков.

Сохранился и его дом с табличкой, на которой написано: *«Бейт Эстер вэ Ицхак Ицхаки, носад 1910»* - *«Дом Истер и Ицхак Ицхаки построен 1910 году»*, из которого его наследники в память о своем предке создали замечательный музей с уникальной экспозицией предметов быта кавказских евреев, иудаики, и фотографий тех далеких лет. В 2008 году моим соплеменникам члену Союза писателей и журналистов Израиля – Фриде Юсуфовой, кинооператору Стасу Юшваеву и депутату местного совета города Пардесхана-Каркур, председателю объединения горских евреев – Мацлияху Мануэль, посчастливилось побывать в гостях у Авидора Ицхаки – внука Главного Дербентского раввина (1868-1907 гг.). Якова Ицхаки Ицхоковича, взять интервью для фильма о горских евреях Израиля, в том

числе о его славных предках, посмотреть уникальную экспозицию в доме-музее и сфотографироваться на память.

Продолжателем дела отца стал его сын раввин Меир бен Яков Ицхаки. Он родился в 1902 году в Дербенте, обучался у отца и получил документы о присвоении звания раввина из его рук. Раввин Меир бен Ицхак был способным *ивритским* поэтом. После отъезда Я.И. Ицхаки его преемником на короткий период стал раввин Элиягу Анохи, затем главным раввином был раввин Яшая Раввиннович до 1918 года.

Авигдор Ицхаки – внук раввин Якова-Яангиля Ицхаки; журналистка – Фрида Юсуфова; супруга Авигдора; депутат местного совета города Пардесхана-Каркур – Мацлиях Мануэль. город Беер-Яков, 2008 год.

Раввины горские евреи

Ряд раввинов кавказских евреев из Кубы и Кусаров, Баку и Дербента, Пятигорска и Нальчика, Ширвана - Миджу и Варташена начиная с 1800 года, отличались своей начитанностью, образованием, познаниями в области Торы, Талмуда, умением комментировать их и читать проповеди.

Многие проповеди кубинских раввинов начинались со слов: *"Когда сыны Израеливы узнали о даровании Торы и необходимости выполнения всех 613 заповедей, то они единодушно сказали: "Наасе вэнишма!" - "Мы сделаем и подчинимся!"*. После этого кто-то из молодого поколения вопрошал: *"А почему именно тогда была дарована Тора, а не в другое время?", "Почему Тора дарована только евреям, а не другим народам?"*

Ответы раввин запоминались, и отцы рассказывали своим сыновьям: *"Б-г даровал своему избранному народу, сынам Израелевым Тору, так как считает их уже очищенными от всего того, чем была наполнена их жизнь в египетском рабстве. Но в, то, же время Б-г решил, что следует предложить Тору и другим народам на земле (хотя Он знал, что они откажутся), до того, как Она будет предложена сынам Израеливым. Все другие народы задавали вопрос: "А что написано в твоей Торе?". Получив ответы: "Не убий", "Не укради", "Весы у тебя должны быть верные, гири правильные и мера точная" и другие заповеди. Другие народы мира принимать Тору не желали, говоря при этом:*

- Эдомиане, Эсава дети: "Нет, мы не примем Тору, так как, мы солдаты, военные люди, мы живем мечом, мы не примем того, что противно избранному нами образу жизни. Она нам не подходит".

- Сыны Ишмаелевы: "Нам заповедь "Не укради" не подходит, мы люди торговые, а твой закон помешает нашим делам. Он нам бесполезен".

- жители Цора и Цидона, со всеми народностями Кнана ответили: "Мы не желаем принимать твою заповедь о верных весах, правильных гирях и точных мерах. Твой закон слишком щепетилен в этих вещах".

И уже после того, как Б-г предложил Тору всем народам мира и они не оценили в должной мере величие Торы, только тогда он обратился к сынам Израелевым. Он был уверен, что избранный народ достойно оценит Тору и примет ее с большим уважением.

После таких проповедей люди выходили из синагоги с просветленными лицами.

Но необходимо подчеркнуть, что религиозные устои среди кавказских евреев, особенно в послевоенные годы, были ослаблены, чем, например, у бухарских евреев, но все же не в той степени, как среди европейских евреев. Община кавказских евреев всегда соблюдала религиозные обычаи, связанные с жизнью человека – обрезание, бар мицва, традиционная свадьба - *хупа*, похороны и т.д. Во многих домах соблюдался *кашрут*. Особо отмечались еврейские праздники Рош Ашана, Йом Кипур, *пасхальный седер*. Употребление мацы в *Пасху (Нисону)* обязательно для всей семьи.

Председатель Общины
горских евреев Нью-Йорка
Ш.Беньяминов и его зам.

Где бы ни жили кавказские евреи, они продолжают жить по своим традициям и обычаям. Например, в Берлине проживают около 150 семей. Община имеет свою синагогу, отмечают праздники и т.д.

В общине кавказских евреев США числится 600-700 семей, это составляет 5 тысяч человек. Они проживают во многих городах США. В ноябре 1994 года в Бруклине начала функционировать синагога, а

вместе с этим и община кавказских (горских) евреев. Этому важному событию в жизни общины способствовала группа активистов под руководством Шэльзу Биньямина, став председателем общины, он приложил много труда к объединению кавказских евреев. Прекрасно владея искусством слова, ивритом и являясь патриотом своего народа, он мог быстро найти ключ к каждому человеку. 2 мая 1995 года община праздновала свое соединение с Торой. Это событие было отмечено, как веселый и важный праздник. Тору несли по улицам Бруклина под *хупой*, а за ней следовал народ – веселый, поющий, танцующий.

Участники празднества – Шомаш, Бруклинской синагоги Емтов Хаимов, бывший Хазан Бакинской синагоги горских евреев Илизар Рахамимов и многие другие несли Свиток Торы поочередно, каждый хотел почувствовать свою связь с Великим Заветом. Пели песни, произносили: *"Мазал тов!"*, *"Симан тов!"*, молитвы благодарения Б-гу. *"Йеш ляну Тора!"* – *"Есть у нас Тора!"*, - пели евреи. Евреи из других общин охотно присоединялись к этому хороводу, разделяя радость. Тора была внесена в синагогу, которая начала функционировать.

Итак, открыта новая страница в жизни народа. Здесь, в Америке, подобно капле воды, похожей на тысячи других капель, повторяется судьба многочисленных еврейских общин в диаспоре.

Язык, обычаи и традиции

В отличие от грузинских евреев, говорящих на грузинском языке или европейских евреев, говорящих на идиш, кавказские (горские) евреи говорят на своем, установившемся языке. По существу, они используют два языка. Первый язык – древнееврейский *"лашон ха-кодеш"*, являющийся основным языком общения евреев. С приходом русских на Кавказ, этот язык стал отходить и использовался только для чтения молитв и для письменно-узкого назначения. Второй язык – это язык общения в настоящее время - *зуун джуури* (еврейский язык). В этом языке встречаются слова с иврита, но есть в нем элементы иранского, азербайджанского, а после завоевания Кавказа и русского языков. После закрытия еврейских школ и перехода их на русский язык, проникновение русского языка стало больше.

Кавказские евреи говорят на нескольких очень близких диалектах: кубинском, дербентском и махачкалинском. Все они понимают друг друга, но нельзя называть или применять выражение "это татский" или "еврейско-татский" язык, практически люди, говорящие на татском и люди, говорящие на языке кавказских евреев не понимают друг друга.

Всеволод Миллер в своих описаниях пишет: "Следует подчеркнуть, что в татском языке нет семитских (древнееврейских) слов. Более того, семитический вокализм и консонантизм совершенно отсутствуют в татском диалекте, не говоря уже о семитском образовании, тогда как именно это является одним из главных признаков евреев Восточного Кавказа.

Для характеристики построения речи евреев Восточного Кавказа может служить дословный перевод на этот язык

выражения на иврите *"Йерушалаим шель заһав!"* – *"Йоришолоим эн сурхи"*. Перевод – "Иерусалим золотой", а не "Иерусалим, принадлежащий золоту", как при дословном переводе на русский язык. Или же выражение *"сим лев"* – *"дуль вени"*, которое переводится "обрати внимание", а не буквально – "положи сердце".

Подтверждением изложенному могут послужить те факты, что послание евреев из Дербента русскому царю в 1840 году было написано на иврите. Даже при советской власти евреи выпускали газету и издавали книги на иврите. Только перевод письменности в 1929-30-х годах на латинский алфавит, а в 1938 году перевод на русский язык привел к тому, что сегодня значительным языком общения является русский. Даже представители среднего поколения, не говоря о молодом, пользуются родным языком лишь дома, в кругу семьи, а для беседы на сложные темы вынуждены переходить на русский язык. Это явление особенно заметно среди жителей городов, где процент евреев относительно низок и среди тех, кто получил высшее образование.

Велика тяга евреев к изучению святого языка Торы. После русификации всех школ перед родителями стояла дилемма: где учиться детям – в русской или азербайджанской школе. Другого выхода не было. Перед теми, кто обучался на русском языке, горизонт дальнейшего обучения расширился, так как они могли поступать в высшие и средние учебные заведения России.

Несмотря на ограниченный выбор, интерес к ивриту был всегда велик. Владеющие этим языком, пользовались особым уважением. С началом эмиграции усилилось изучение иврита. Создавались кружки, собирались у кого-то дома, и т.д. и старательно изучали язык.

Вполне естественно, что в Израиле, кавказские евреи названные *"кавкази"* очень быстро овладевают языком.

Заслуживает всяческой благодарности тот большой труд, который вкладывает синагога кавказских евреев в деле не только сплочения общины, но и в обучении людей ивриту. Для начала, наряду с алфавитом были выпущены краткие правила чтения на иврите. Активно помогают и прихожане, проживавшие какое-то время в Израиле и владеющие ивритом.

Интересны традиции выбора имен у кавказских евреев. Проведенные фундаментальные исследования жителей Красной Слободы Яковом Абрамовым и его издание "Помни имя свое" еще раз подчеркивают, насколько крепка духовная связь кавказских евреев со своим народом, со своими корнями. Свои исследования Яков проводил при тесной консультации большого знатока жизни горских евреев, ныне покойного (Пусть будет благословенна память о нем!) Калика Пиня Абовича.

Автор (Я.Абрамов.) скромно пишет о том, что его работа *"... не ставит перед собой цели обособления евреев этой общины, а пополняет еврейскую ономастику разделом до сих пор недостаточно изученным"*.

Даже беглый обзор имен всех народов, проживавших на территории бывшего Советского Союза, показывает, что отношение к имени изменилось. От традиционных имен люди бросились к новым, порой несурзным, "модным" именам. До определенной поры это не касалось кавказских евреев, они пользовались традиционными именами. С шестидесятых годов в еврейской общине появилось стремление давать детям нетрадиционные имена.

Сохранение имен, упоминаемых в Танахе и Талмуде, является одним из способов передачи поколениям духовных ценностей.

Внешность кавказских (горских) евреев хорошо описана представителем этой общины, исследователем Ильей Шербетовичем Анисимовым, сыном главного раввина

Темир-хан Шуры – Шербет бен Ниссима: *"Смуглый цвет кожи, средний, и часто высокий рост, стройное телосложение, тонкое в поясище и широкое в плечах, черные брови и борода, большой орлиный нос и слегка выдающиеся скулы – черты, которыми горский еврей походит на лезгина, черкеса, а иногда и армянина и очень мало на европейского еврея"*.

Существует древний обычай называть детей именами предков – дедушек и бабушек. В отличие от европейских евреев, у которых не принято давать ребенку имя человека, который еще жив, на Кавказе очень часто можно встретить имена детей, совпадающие с именами живых предков. Не встречаются имена одинаковые для мужчин и женщин. Если ребенка называют именем, не связанным с именем предка, то в быту это называется - *нум худои* (имя, дарованное Б-гом, т.е. ничье имя).

Встречаются также двойные имена: Натан-Хаим, Исог-Миши, Юсуф-Хаим и другие. Такие имена давались, если предыдущие дети умирали, и это носило как бы защитную роль.

Политика властей заключалась в желании ассимилировать кавказских евреев. Поэтому, начиная примерно с 1926 года евреев Кубы и Баку, то есть в основном в Азербайджане, стали записывать «татами». В дальнейшем этот процесс не прижился, хотя и были исключения.

Рассмотрение господином Я.Абрамовым фамилий показало, что их в Кубе свыше 100, и почти все происходят от традиционных имен – имен предков и характерны для этой общины.

В Нью-йоркском бюллетене «Шалом» № 3 (69) 1995 г. была напечатана замечательная статья педагога-пенсионера Нисимова Савелия Лазаревича (Рафоил-Севи) «О прозвищах евреев в поселке Еврейская (Красная) Слобода

Кубинского района Азербайджанской республики». В статье отмечается, что «...Иногда одних и тех же имен даже в одном квартале было много, так что не сразу было понятно, о каком Борухе или Хизгиле идет речь. Дальше на помощь приходили имена родителей, как-то Саралай Борух, то есть Сара дочь Боруха и т.д. Иногда и это не помогало. Тогда проблема решалась с помощью прозвищ. Если говорили: Нисон Фургончи или Лэнгэ Пурим, то есть Нисон Фургончик или Хромая Пурим, сразу становилось понятным, о ком шла речь".

Женская и старинная мужская одежда горских евреев выходцев с Красной Слободы. Азерб., 1910 год. (Из коллекции - экспозиции Фриды Юсуфовой)

Одежда кавказских евреев, проживавших в Азербайджане и Дагестане, несколько отличалась. Это, можно полагать, связано было со средой обитания, с окружающим населением.

В Дагестане костюм евреев был своеобразным. Мужчины носили бешмет и черкеску с газырями, на поясе у них висел кинжал, часто в серебряных ножнах. Такой костюм был также присущ для дагестанцев других национальностей.

Несколько другим был костюм евреев, проживавших в районах Азербайджана. Они носили строгую, застегивающуюся до верха, одежду, а на голову, как правило, надевали папаху.

К сожалению, эта одежда почти не сохранилась. В те времена ее перешивали детям. Еще большая часть одежды была утеряна во время погромов, учиненных лезгинами соседнего района Кусары и пограничной, южной части Дагестана. Во время погрома евреи понесли большой материальный урон.

Интерес молодежи к обычаям и традициям, одежде своих предков велик. Как семейные реликвии, сохраняют евреи национальную одежду своих предков. Она также сшила подобную одежду для куклы. Одежда евреев за сравнительно небольшой промежуток времени сильно изменилась. Она всецело тождественна современной одежде. Больше всего архаические черты сохранились в костюме пожилых женщин. Обязательным предметом был и остается у части женщин платок - *шол* на голове. Как правило, платок большой, черный, шерстяной, сатиновый, кисейный или шелковый (по праздникам). Широкую юбку в сборку – *шовол эн гобо*, надевали при выходе на улицу. Носили золотые украшения и мелкие традиционные предметы из серебра и меди. В торжественных случаях, особенно на свадьбы, большинство женщин надевали старинные тяжелые серебряные пояса – *кэмэр* или *гэши*.

"Сову, люлэи"- медный
сосуд для воды

В конце XIX – начале XX века многие евреи жили в нищете, а в Дагестане целые аулы располагались в землянках. Полы застилались коврами или камышовыми рогожами, на стенах висели шелковые и шерстяные шали, а также пистолеты, ружья, кинжалы и сабли. В комнатах женской половины дома стояли бурдюки с вином, большие глиняные сосуды - *хумьо* и коворовые мешки - *һэйбэ* для хранения муки и круп, а под

потолком на крючьях висели копченая говядина, баранина и домашняя колбаса – *рури*. У евреев в Азербайджане широко использовали кованую медную посуду – гобной миси – чамтаз, сову, говдуш, утварь с гравированным орнаментом и глиняные сосуды.

На кухне примерно в 30-40 см. от потолка имелась полка - раф, на которой выставляли наиболее ценную посуду. Если в начале XX века в жилищах полностью отсутствовала европейская мебель, то теперь не найти ни одного дома без,

*Чамтаз-луженая
медная кружка.*

ставших обычными, всевозможных предметов городской мебели фабричного производства. Шире применяется фабричная утварь и посуда, обычная для Азербайджана и России. До недавнего

времени, до начала массовой эмиграции в некоторых домах можно было найти глиняный сосуд – *хум*, *садж* - противень. Чтобы испечь повседневный или праздничный хлеб, к стенкам огнедышащего тандира - *тэну* (круглая глиняная иногда «земляная» печь, выложенная из огнеупорного кирпича обмазанного глиной) с пылающими углями, прилепляют круглые или овальные лепешки теста - *фады* или *нун тэнуи*. Хлеб получался очень вкусным. День выпечки был всегда радостным, особенно для детворы, и мог послужить для веселой вечеринки. Гостеприимство у евреев было священной обязанностью. Хозяин встречал гостя у ворот своего дома, принимал у него оружие, вел в комнату и усаживал на лучшее место, а знатному гостю обмывал ноги. Исследователи отмечают, что каждый хозяин принимает всякого странника-гостя с искренним радушием, оказывает ему всевозможные услуги, а до установления советской власти, дает деньги, если тот сильно нуждается в них. Хозяин, месяцами не имея мяса для детей, берет у родственников, соседей в долг, закупает

всякой всячины и угощает гостя. Иногда гости оставались на долгое время, и хозяин не изменял своего радушия.

"Тэну – тандир" – круглая "земляная" печь, выложенная из огнеупорного кирпича и обмазанная глиной. Город Куба

Обычаи гостеприимства во многом сохранились до наших дней. В годы советской власти были времена, когда всё надо было где-то «доставать». Даже в эти времена кавказские евреи достойно принимали гостей и завещали это своим детям.

Для того чтобы сохранить целостность народа в изгнании, где очень легко раствориться среди других народов, у кавказских евреев были запрещены смешанные браки. Как редкое исключение такие браки заключаются в настоящее время. Особых нареканий они не встречают, но старшим поколением не поощряются.

Евреи обручали своих детей в раннем возрасте. Свадьбы справляли, как правило, зимой и осенью, после сбора урожая, когда было приготовлено много молодого вина. Обязательно приводили церемонию заключения брака - *хупа* или *мэър джуури*, где жених разбивает стакан каблуком правой ноги в память о разрушенном Храме.

Кавказские Типы - Свадьба горских евреевъ въ Кубѣ
Types du Caucase - Noce des montagnards Juifs a Kouba.

Свадьба горских евреевъ в Кубе. «Кавказские Типы-Свадьба горскихъ евреевъ въ Кубе. Types du Caucase-Noce des montagnards Juifs a Kouba»
1910 г. «The Caucasian Types-weddings of mountain Jews – Kouba».

По прибытии свадебного кортежа, мужчины стреляли в воздух, а женщины осыпали молодоженов пшеном и рисом (с 50-х г. конфетами). Невесту было невозможно посадить в свадебный кортеж до тех пор, пока ее братьям не давали денег - *пишой дэри*. Выход невесты со своего дома и приезд в дом жениха сопровождался музыкой. Музыканты играли на кларнете, дудке и других инструментах. Прежде чем невесту вводили в комнату, отведенную для молодых, пальцы ее правой руки обмакивали в тарелку с медом, свекровь и золовки должны

были облизать мед с ее пальцев, а невеста, приложив руку на стену, оставляла след. Невеста располагалась за занавеской - *һужлэ* в одном из углов комнаты.

Там же обязательно была керосиновая лампа, которую приносила - *енгэ*, как правило, теть невесты. Женатый друг напоминал жениху его обязанности, так как всех в первую очередь интересовала девственность невесты. Отсутствие ее считалось позором. После совершения простыню доставляли матери невесты и получали за это вознаграждение – *муштулуг* - *бэсора*. Мать невесты не имела права придти в день свадьбы в дом жениха. Все поздравляли друг друга. Веселье продолжалось под восточную и еврейскую музыку. В зависимости от материального достатка свадьба могла длиться сутки, три дня, а то и неделю. У горских евреев было распространено многоженство. Разрешалось иметь трех жен. В постсоветские времена многоженство стало редкостью.

Отсутствие ее считалось позором. После совершения простыню доставляли матери невесты и получали за это вознаграждение – *муштулуг* - *бэсора*. Мать невесты не имела права придти в день свадьбы в дом жениха. Все поздравляли друг друга. Веселье продолжалось под восточную и еврейскую музыку. В зависимости от материального достатка свадьба могла длиться сутки, три дня, а то и неделю. У горских евреев было распространено многоженство. Разрешалось иметь трех жен. В постсоветские времена многоженство стало редкостью.

Основной социальной ячейкой была большая семья, насчитывающая порой много десятков детей. Она могла охватить три-четыре поколения: деды, отцы и сыновья. Жили совместно в одном дворе, где у каждой самостоятельной семьи был отдельный дом, в крайнем случае, отдельная часть общего для семьи дома. Имущество этой семьи считалось общим, еду готовили для всей семьи.

Во главе большой семьи стоял отец, а после его смерти главенство переходило к старшему сыну.

Глава семьи заботился об имуществе, которое считалось коллективным достоянием всех её членов. Он определял место и порядок работы всех мужчин в семье. Его авторитет был непререкаем.

Дом - особняк, в современной Красной Слободе. 2010 год, город Куба

Мать семейства, там, где было две-три жены, первая из них вела семейное хозяйство и наблюдала за работой, выполненной женщинами. Женская доля была очень тяжелой. Они не имели времени для отдыха. Рано утром надо было натаскать воды, принести с поля навоз. С раннего утра напоить буйволицу (наряду с коровами, евреи содержали буйволиц), дать корм, почистить конюшню, подготовить сырье для кизяка (смешивая навоз и солому, образуют тестообразную массу, которая в высушенном виде, хорошо горит), наколоть дрова, побелить стены,

обмазать глиной крышу - *гилов зэрэ*, ходить на полевые работы. Испечь хлеба в своем *тэну*, а если такового не имеется, то в печи одного из соседей. Кроме всего этого, женщина должна была ходить перед мужем по струнке и угождать всем его желаниям и капризам. Несколько больших семей, имеющих общего предка, образовывали одну большую семью - *кифлэт-мишпах*.

Особый случай создания новых родственных связей возникал в случае неисполнения кровной мести. В настоящее время от кровной мести осталась только поговорка «кровь за кровь», то есть, пролитая кровь требует возмездия. Родные убитого должны были отомстить за кровь родственникам убийцы в течение первых трех дней, если этого не произойдет, то состоялось примирение семей с выплатой денежного вознаграждения. После этого запрещалось убийство под угрозой сурового наказания. Семьи убитого и убийцы примирались и считались связанными узами кровного родства. Через несколько лет убийца мог возвратиться в свое село, примириться с семьей убитого, и считался теперь их близким родственником.

Для евреев Кавказа характерно уважительное отношение к старшим по возрасту вообще и, особенно, к родителям, соседская и родственная взаимопомощь. В трауре и в веселье люди оказывают помощь друг другу. Обычным вопросом при знакомстве у евреев является: "*Эз киһои ту?*", – «Из какого ты рода?», а у азербайджанцев в подобных случаях задаются вопросом: "Из какой ты местности?", – "*Һаралы сэн!*"

Особенно почитаемых, известных людей знают все евреи. Мою личность могут не знать, но, назвав отца или дедушку, я становлюсь для собеседника знакомым, и он знает, как со мной общаться. В семьях евреев всегда было сильным влиянием религии. Они знали не только даты еврейских праздников, но до мелочей правила их

соблюдения, знали обычаи и погребения. Многие свадебные, родильные и похоронные обряды сохранились и исполняются в настоящее время. Любой человек, умеющий читать на русском языке, может прочесть, например, "*Кадиш*". У всех имеются слова еврейского текста, написанные русскими буквами, поэтому, даже не зная иврита, евреи произносили слова на иврите. Все праздники среди евреев проводились согласно еврейским канонам, в каждом доме был накрыт соответствующий стол. Трапезу начинают после возвращения мужчин из *синагоги*. Названия праздников соответствовали их наименованиям на иврите, хотя и произносились по-своему: Новый год - *Рош Ха-шана*, произносится как *Рушэшунэ*. Песах - *Нисону* (по названию месяца, времени наступления праздника Нисан). В этот праздник синагога старалась обеспечить евреев (особенно бедную часть) мацой - *гогол*. Но так как её не хватало, то выход был найден: молодые люди раскатывали тесто, а пожилые месили его, а затем маца выпекалась. Основное внимание уделялось тому, что вся процедура должна была быть исполнена в отведенные 18 быстрых и святых минут. Старания людей в этом процессе было огромным.

А какая велась подготовка перед этим праздником! Уборка, покраска, стирка всего белья, ковров (благо рядом была речка). В доме не оставался *хомец-хамис*. Лудильщикам в эти дни предстояла большая работа – все несли свою медную посуду для лужения. Ханука-*Ханукои*, с обязательными ханукальными свечами, менорой. Пурим-*Homunu* в честь освобождения еврейского народа от очередного Амана. В этот праздник глава семьи обязательно читал "*Мегилат Истер*". Бабушки и матери желали детям: "*Э говлеи Истуре-Мордахай, Истуре-Мэлькэ вадаравошит хэлэфмэ!*" – "*Желаем детям такого же освобождения, как у Истер и Мордехая*). Слово "*говлеи*" -

на иврите "геула" - "освобождение. Йом Кипур-Купур, здесь обязательным было давать *капарот-нэдуво* - пожертвования перед праздником. Этот обряд выполнялся неукоснительно. Суккот-Сукко, праздновали в шалашах.

Проводились и другие еврейские праздники с соблюдением традиций и обычаев. Периоды времени именовались в строгом соответствии с канонами еврейского исчисления: сутки - *е руз е шэв* (день и ночь), неделя начиналась с воскресенья, то есть на следующий день после субботы. Соответственно, *ек шобот-ду шобот* – первый второй день после субботы, и далее.

Род основных занятий

Вот как описывает повседневную жизнь кавказских евреев вышеуказанный исследователь Илья Анисимов.

"...рубит дрова или выкапывает пни и корни кустарников, которые несет на согнутой спине своей, там копает он в поле землю, пашет, возделывает вина, срывает плоды с деревьев, там опустится в глубокое корыто с водой около бассейна, засучив штаны выше колен, топчет изюм, сырые кожи и, наконец, он свободен".

Это описание относится к прошлому веку. Необходимо подчеркнуть, что характер занятий кавказских евреев зависел от мест их проживания: город или село, география местности и т.д. Но необходимо заметить, что значительная часть городских жителей также занимались сельским хозяйством, главным образом, виноградарством и виноделием, особенно в Кубе и Дербенте, а также разведением марены - *буёг* (растение, из корней которого добывают краску). Из числа виноделов вышли

семьи первых евреев-миллионеров – Ханукаевы, владельцы компании по производству и сбыту вина, и Дадашевы, которые, кроме виноделия, занялись в конце прошлого столетия рыбным промыслом - *вэтэгэ*. Они основали в Дагестане рыболовецкую компанию. Разведение марены почти полностью прекратилось к концу XIX – началу XX веков в результате развития производства анилиновых красителей. Евреи, занятые разведением марены, разорились и превратились в чернорабочих в городе Баку, куда стали переселяться к концу века, и в городе Дербенте, где работали сезонными рабочими на рыбных промыслах. Часть из них промышляла торговлей в качестве торговцев-разносчиков. Почти каждый еврей, занятый виноградарством, занимался и садоводством. В Кубе были известны сады богачей Агабабаевых. В некоторых деревнях главным занятием было кожевенное ремесло. Эта область в дальнейшем пришла в упадок. В начале XX века русские власти запретили евреям выезжать в Среднюю Азию, где они покупали необработанные шкуры. Значительная часть кожевников также превратились в городских чернорабочих.

В Красной (Еврейской) Слободе имелась ковровая артель, где искусные мастерицы - еврейки, ткали ковры, имеющие большой спрос на рынке. Ковры - *холинчэ* были различных типов: ворсовые – *гербэ* и безворсовые - *палас*, *сумох* и т.д. Эти ковры отличались высокой техникой исполнения, красивым орнаментом, изящным узором и считались одними из лучших в Азербайджане. Кубинские ковры пользовались успехом и на внешнем рынке. Известные купцы – братья Агабабаевы Асаф и Ихиил, Нувах торговали ими в Средней Азии, Турции, Иране, Афганистане. Торговцы коврами были, в основном, в Кубе и Дербенте, а затем в Баку и Темир-хан Шуре (Буйнакске). После образования Советского Союза и вплоть до Второй мировой войны важнейшими целями властей по отношению

к кавказским евреям были «продуктивизация» и ослабление позиций религии. В первой части они преуспели, создавая еврейские колхозы.

В Северокавказском (ныне Краснодарском) крае были основаны два новых еврейских колхоза в поселках Богдановка и Ганштановка. В 30-х годах там проживало около 320 семей. В Дагестане к 1931 году около 970 семей были вовлечены в колхозы. Подобные колхозы были созданы и в Азербайджане, где к 1927 году члены 250 еврейских семей стали колхозниками. В качестве амбаров, складских помещений использовали здания синагог, часть домов известных людей. Так было, в частности, в поселке Красная Слобода, где наряду с синагогой, использовался нижний этаж дома Агабабаева Ихиила, а заодно принадлежащий ему сад, был полностью передан колхозу. Председателем колхоза был один из "пламенных революционеров". К 1940-ым годам среди евреев наметилась тенденция к выходу из колхозов. Тогда бытовала такая поговорка: *"Я очень люблю советскую власть, но товарищ Сталин знает, я не хочу быть в колхозе"*. Но, тем не менее, многие колхозы продолжали существовать. В настоящее время трудно назвать род занятий, присущий только кавказским евреям. Среди них имеется большой процент людей с высшим образованием разного профиля, различных специальностей: ювелиры, портные и т.д., офицеры бывшей советской армии. Они владеют специальностями как и другие народы нашей современности. Ввиду отсутствия работы в Красной Слободе (на весь город один консервный завод), часть людей уезжала в большие города России, где занимались различной торговлей. Семью они посещали по праздникам, что считалось обязательным.

*Вклад горских евреев в культуру,
искусство, спорт и защиту страны
проживания*

*Всесоюзная конференция, посвященная переходу
письменного языка горских евреев на латинскую графику.
25 апреля 1929 год. Баку (Азербайджан).*

Духовному развитию кавказских евреев, поддержанию еврейского самосознания, «чувства локтя» помогали контакты с евреями других мест проживания. В первую очередь это касалось ближайшей к ним в географическом положении еврейской общины – евреев Баку, Грузии. Развитие этих отношений привело к тому, что в Тбилиси проживает несколько десятков семей кавказских евреев, а в Баку – грузинских евреев. Имеются смешанные браки. Много семей (достоверных данных нет) проживают в Москве, Петербурге и других городах России. Имеется община кавказских евреев в Средней Азии (в Бухаре).

На основании имеющихся источников можно сделать вывод о том, что кавказские евреи поддерживали контакты с еврейскими общинами бассейна Средиземного моря. Египетский мусульманский историограф Тагриберди (1409 – 1470) рассказывает о еврейских купцах с Кавказа (Черкесии), посетивших Каир. После этих новых связей, попадали на Кавказ печатные книги. В поселке Красная Слобода до установления Советской власти хранились книги, напечатанные в Венеции в конце 16 и начале 17 века. Не исключено, что после появления и распространения этих книг среди кавказских евреев, *сефардский нусах* (литургический уклад), принят и по сей день.

В 14-16 веках еврейские путешественники не доходили до Кавказа и непосредственно с кавказскими евреями не общались, но в Европе муссировали слухи о существовании «девяти с половиной еврейских колен», которых «Александр Македонский» прогнал за «Каспийские горы», то есть в Дагестан. Не исключено, что причиной появления этого слуха могло быть приезд еврейских купцов из Восточного Кавказа в Европу. В 1690 году Дагестан посетил голландский путешественник Н.Витсе. После этого посещения он писал, что в Дагестане много евреев, особенно, в Буйнакске. И недалеко от Буйнакскса в удельном ханстве Каракайтаг. Он считал, что евреев в то время было около 15 тысяч человек.

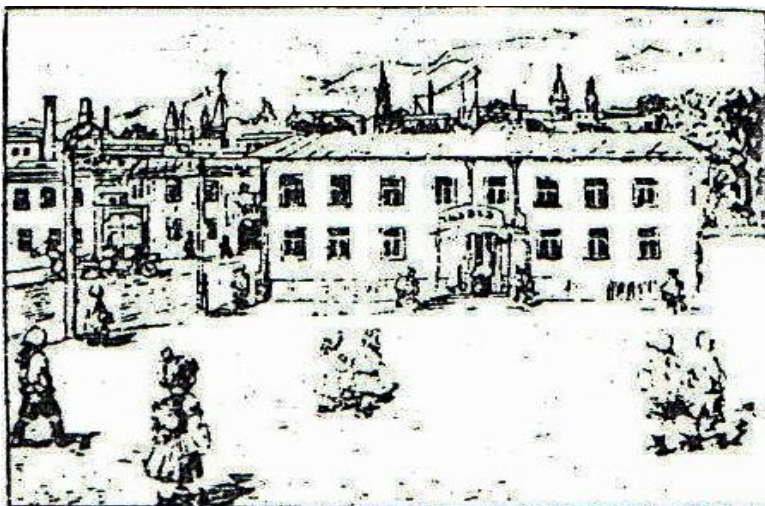
Эти годы были для кавказских евреев относительно спокойными и годами процветания. Тогда еще существовала сплошная полоса еврейских поселений на Севере Азербайджана и юге Дагестана, между городами Куба и Дербент. Одна из долин вблизи Дербента называлась «Джууд кала». Особую помощь в развитии духовной жизни евреев Кавказа, оказывали контакты с другими евреями и, в первую очередь с *ашкеназами*. Развитие контактов после перехода под русское подданство – расширились.

Совет раввинов г. Дербента, 1912 г. Группа организаторов и совет преподавателей- раввинов светской школы в Дербенте. Стоят слева направо: 1 – р. Ифраим бен р. Реувен Раввиннович (брат раввина Ишайя); 2 – р. Мордехай Нофтоли; 3 – раввин-инспектор, приехавший из Вильно; 4 – р. Даниэль бен Гилад Данилов; 5 – р. Нагдиму-Нагдемон бен Шууми Шимонов. Сидят справа: 1 – Исраэл бен Натан Семонов; 2 – Асаф Агарунов; 3 – р. Яшай бен р. Реувен Раввинович; 4 – р. Мордехай бен раввин Хануко раввин Ханукаев. Фото начала XX века.

Они привели к тому, что с середины века их дети стали учиться в ашкеназских *ешивах*, в основном, в Литве. В 1870 году были установлены связи с еврейскими учениками Петербурга. Эти контакты сыграли положительную роль в культурном и общем развитии кавказских евреев. В 1884 году главный раввин Темир-хан Шуры Шэрбэт, сын Нисима послал своего сына Илиягу (по российскому паспорту, Илья Шэрбэтович Анисимов, в будущем исследователь жизни кавказских евреев) в Москву в высшее техническое училище. Анисимов стал первым из числа евреев Кавказа, получившим высшее образование. Впоследствии он стал

автором многих трудов о жизни своего народа. В 1894 году, будучи в Израиле, *раввин* Шэрбэт выпустил брошюру «Древности горских евреев».

Они издавались на иврите, и пользовались ими до 1938 г.

Первое печатное издание на языке кавказских евреев было опубликовано в городе Вильно в 1908 году. Этим изданием был перевод с русского языка книги Иосифа Сапира (1869-1935) «Сионизм» – издание 1903 года. Необходимо отметить, что у горских евреев связь с *ашкеназами* все более укреплялась. Дети кавказских евреев обучавшихся в *эшкеназских ешивах* изучали Тору, Талмуд, а также получали светское образование. Из Вильно приезжали инспектора светских школ и оказывали необходимую помощь в организации и проведении школьного образования. Евреи Кавказа ценили эту помощь и в пределах своих возможностей отвечали взаимностью. Проводимые проповеди, выступления оказывали благотворное влияние на народ, поднимали его самосознание на новую высоту.

Первая газета «*Товуши сабахи*» - «*Заря*» на родном языке была опубликована в 1919 году и издавалась в городе Баку. В газете, активно действовали виднейшие сионисты того времени из числа горских евреев: Гершон Мурадов и Асаф Пинхасов. Судьба обоих трагически окончилась в советских лагерях.

В 1922 году там же, в Баку, была выпущена газета «*Корсох*» - «*Рабочий*». Выпускал газету орган кавказского районного комитета еврейской коммунистической партии, и ее молодежной организации. Газета носила следы сионистского прошлого этой партии, так как она была фракцией "Поалей Цион", которая стремилась к полной солидарности с большевиками. Газета не полностью удовлетворяла власти и просуществовала недолго. В 30-х

годах стали выпускаться учебники для еврейских школ.

В этом году все еврейские школы перешли на обучение русского языка, и дети проходили русский алфавит. Это привело к тому, что ивритом владело только старшее поколение, таким образом, власти хотели достичь своей цели -

постепенного исчезновения евреев как нации. Но, к счастью этого не произошло. Наряду с историей еврейского народа, грамматикой, математикой и другими предметами религиозного и светского содержания, детей учили уважению к старшим, обычаям и традициям народа.

Газета "Рабочий". На горском языке в ивритской графике.
Сүфтәи нумир гозит ә зууһун иеһуди-чуһури-тати "Корсох".
 Боку-Баку, 5 феврал, 1922в.

***В ходу были различные афоризмы, поговорки и пословицы
горских евреев:***

<i>Бор бийоруьо - бор имбэру.</i>	Пришедший с тяжестью на сердце, с ней и уйдет.
<i>Бабэ-дэдэй одомирэ, йэбо бирэ.</i>	Отец и мать – родители один раз бывают.
<i>Дэни э говол, дэди э дивор.</i>	Упрям, что горох об стену.
<i>Дэрд балара дэдэй микэшү.</i>	Боль ребенка ощущает мать.
<i>Дэс э дүл – дүл э хэйэл.</i>	Рука на сердце, а сердце в раздумье.
<i>Одомирэ аз калэтэ мишинохут.</i>	Человека по родным (по предкам) узнают.
<i>Онгур аз онгур нишон вэгүрдэ, одоми аз одоми эгүл.</i>	С кем поведешься, от того и наберешься.
<i>Одомире е лэһэ исти нэ дү гуш, э һэр йону ки, ебо гоф гуйу, дубо гуш дору</i>	Человек имеет один рот и два уха, чтобы один раз сказать и два раза услышать.
<i>Эз мэ бирэй, э мэ нэ оморэй.</i>	Мною рожден, но на меня не похож (но мне не подчиняется).

Издавалась и художественная литература. Эти произведения характеризовались сильной коммунистической направленностью, особенно, в драматургии, которую власти считали наиболее действенным орудием пропаганды. Это нашло выражение в создании многочисленных любительских театральных коллективов в Кубе и Дербенте. В 1935 году в Дербенте был основан профессиональный театр. В 1934 году был создан под руководством Танхо Израилова ансамбль танца горских евреев "Лезгинка".

В 1978 году Т.Израилов получил звание Народного артиста. Он был большим знатоком танца и фольклора не только евреев, но и других народов Кавказа. Вместе со своими братьями Юсуфом и Махаем он доставлял много радости

своим искусством не только советскому, но и многим зарубежным зрителям. География их выступлений была весьма обширной: республики Советского Союза, Турция, Иран, Арабские страны. Зажигательные танцы артистов ансамбля и самого Танхо и его братьев никого не оставляли равнодушными. Последующие поколения гордо продолжают их дело и вносят свою лепту в развитие культуры. Сын Танхо Израилова, Рустам, бывший артист Мосгосконцерта, имеет звание Заслуженного артиста Дагестана, ныне живет в Нью-Йорке.

Начальным этапом стабильного развития литературы, а так же появления людей искусства и культуры, произведений на языке горских (кавказских) евреев, являются 20-е годы двадцатого столетия. В Дербенте, где тогда находилась наиболее развитая часть общины, авторы каких-либо изданий, перед их изданием поступали следующим образом: после сбора материала или работы над произведением, автор рассказывал о нем слушателям (если он был песенником, то пел свои авторские песни). Слушатели высказывали свое мнение, которое автор учитывал.

В конце 19-го, в начале 20-го веков были известны имена певцов: Мордахай, Эйболо из села Таркиони пели на свадьбах, разъезжали по населенным пунктам.

Первые пьесы были посвящены Самсону и Эсфирь, которые были поставлены драматическим кружком под руководством *раввин* Ильи Раввиновича. В 20-х годах на сцене появились:

– пьеса Агарунова *«Царь, раввин и богач»* - *«Падишох, раввин вэ оиш»*;

– пьеса Горского *«Наследство рук предков»* - *«Бэһер дэһной бэбэ-дэдэй»*;

Наиболее известным в эти годы был житель города Дербента Юно Семенов (1899-1961). Несмотря на молодость, он был хорошим поэтом и новеллистом. Большим успехом пользовались его пьесы: *«Амелдана элчи»*, *«Маһсум»* и др.

Первым композитором был Д.Ашуров. Он же писал стихи на родном языке, которые были напечатаны в газете *«Захмткеш»*. Редактором этой газеты с 3 июня 1925 года стал профессиональный литератор Асаиль Бинаев (1882-1952). Известными поэтами этого времени были: И.Мататов, Б.Гаврилов. Большинство своих стихов, поэты посвящали женщинам. Такие стихи, как *«Девушка-горянка»* - *«Духтэр-доги»*, *«Бабушка-трудога»* - *«Джсофокешэ дэдэй»* и другие пользовались успехом.

В 30-х годах в Советском Союзе проходил процесс закрытия синагог, еврейских печатных изданий, налагались всевозможные запреты. Люди, соблюдавшие религиозные ритуалы, подвергались преследованиям. Не смотря на негативное отношение социалистической системы к евреям, литература, создаваемая ими, была на высоком уровне. В среде горских евреев выросли поколения интеллигенции, высокообразованных профессионалов, специалистов самых различных профилей. Из среды этой общины вышла плеяда видных ученых, исследователей, педагогов, медиков, химиков, внесших большой вклад в развитие науки, производства и подготовки кадров.

В начале 30-х годов в Дербенте образовался литературный кружок, руководимый Бен-Ами (Беньяминов). Наряду с этим, дебютировали, драматург и прозаик Миши Бахшиев, поэты Манувах Дадашев и Даниил Атнилов. Поэма «Комсомол», написанная Миши Бахшиевым в 1932 году пользовалась особым успехом. Большинство авторов учились в Москве.

В эти годы начал писать очерки и фельетоны Х.Шалумов, и в будущем известный писатель Хизгил Авшалумов. Отдав жизнь за власть Советов Х.Шалумов, пропал во время войны с Германией.

За время Второй мировой войны вышла из под пера не одно произведение горских евреев. После окончания войны в Дербенте появился театр горских евреев, который официально числился под названием «Татский театр». Школы, еще работавшие на еврейском языке, перешли (скорее всего, были переведены) – на русский язык. Еврейская культура была взята на партийный контроль. Компартия приняла решение о том, что язык горских евреев не входит в число официальных языков Дагестана. Как бы этот язык не существовал, а евреев и вовсе нет. Есть таты – и все тут. Евреев в упор не хотели замечать, и тому также способствовали некоторые журналисты, называвшие себя не горскими евреями или просто евреями, а татами. В результате, в 1948-1953 годах вовсе не было отмечено преподавания на языке горских евреев, и все школы полностью превратились в русскоязычные. Были прекращены выпуск газеты «*Захметкеш*» и литературная деятельность на родном языке. В 1975 году выпуск газеты был возобновлен в виде еженедельника. Являясь реакцией властей на бурный рост движения за репатриацию в Израиль, в среде кавказских евреев.

Ввиду небольшого тиража газеты, о ней многие люди и не знали.

Гавриил Абрамович Илизаров
– профессор, академик, Герой
Социалистического труда

Смерть Сталина не внесла изменений в культурно-литературную деятельность на родном языке. С конца 1953 года начали выходить не более 1-2 книг (вернее, книжонок) в год. В 1956 году стал выходить альманах *«Ватан Советиму»* - *«Наша Советская Родина»*. Являясь ежегодником, он фактически появлялся реже одного раза в год. О его существовании многие и не знали.

В 1960-70-х годах появилось много евреев-литераторов, пишущих на русском языке. Это:

поэт Лазарь Амиров, новеллист Д. Бахшиев, литературоведы: Манашир Азизов, публицисты: Л.Авшалумова, Ш.Шаулов. Продолжали свою деятельность писатели 50-х годов М.Бахшиев (*«Простые люди»*, *«Прекрасный виноград»*) и Х.Авшалумов (*«Рассказы о моих земляках»*, *«Защумят сады»*, *«Рассказы о социалистах»*), а также был выпущен сатирический сборник *«Шими Дербенди»*, *«Любовь в опасности»*, *«Большие повести»*, *«Кук гудил»* - *«Русский сын»*, *«Жена брата»* - *«Зэнбирор»*. Если в 19-ом веке среди кавказских евреев выделялись только отдельные лица, то в середине 20-го века из среды малочисленного и почти неграмотного народа выросла плеяда талантливых писателей, деятелей науки и культуры.

Если в начале 20-го века было считанное количество лиц с инженерным, среднетехническим образованием, то во второй половине 20-го века, появились сотни дипломированных специалистов, кандидатов и докторов

различных наук, людей культуры и искусства, трудящихся в различных отраслях народного хозяйства.

Внесли свой вклад кавказские евреи и во всеобщую культуру и искусство, медицину и техническое развитие. Примеров тому немало.

Труднооценимый вклад в медицину внес «Микеланджело ортопед», как называли итальянцы горского еврея, врача, ученого, совершившего революцию в травматологии Гавриила Абрамовича Илизарова – доктора медицинских наук, профессора, Героя Социалистического труда, лауреата Ленинской премии. Имя этого замечательного хирурга с уважением и надеждой произносят во всех странах мира. Десятки тысяч людей, получивших травмы или страдающих от природного недуга, обращались к нему за помощью, и их надежды оправдывались. Сотни специалистов успешно используют в лечебной практике его революционный метод остеосинтеза – он человек с мировым именем.

На одном из обсуждений вклада Гавриила Илизарова в мировую практику хирургии, известный итальянский хирург Б. Бенедетти на конгрессе напомнил одну из древних пословиц: «Все дороги ведут в Рим» и добавил, что дорога в Рим его коллег, а точнее, дорога к истине лежит через сибирский город Курган к академику Илизарову. В Курган Илизаров попал после окончания мединститута, и там сделал все свои открытия.

Другой знаменитостью среди кавказских евреев является профессор, заведующий кафедрой химии МГИЭМ Ю.Х. Шаулов. Родившись в Еврейской Слободе, он прошел трудный путь, пробивая такое препятствие, как печально известная пятая графа. Он не считался лицом «коренной национальности», то есть, азербайджанцем. Хотя позволительно спросить: кто я есть такой – еврей, проживший на этой территории в многих-многих

поколениях или азербайджанец, проживший в тех же многих поколениях в Армении, Грузии или другой стране, и прибывший в 90-х годах в Азербайджан.

Интересно, кем считаются для Азербайджана албанцы, предки которых, наряду с племенами *«азери»* жили ранее на этой территории.

Кавказские евреи, как и все другие евреи и нации бывшего Советского Союза участвовали во Второй мировой войне, помогая миру освободиться от фашистского зла. Среди антисемитов бытовало злословие о том, что, якобы, все евреи «воюют не на фронте, а в Ташкенте». Но факты неумолимая вещь, и исторические данные свидетельствуют о другом. В советской армии воевали около полумиллиона евреев, говорящих на разных языках. Естественно, что среди них были горские евреи. А сколько из них погибло, были ранены, пропали без вести!? Многие из них показывали свою храбрость, смелость и отвагу, имели правительственные награды.

Известны имена Героев Советского Союза Шатила Абрамова и Исаия Илазарова, однако, широкая публика о них не знала. Каждый из нас знал о наградах и подвигах лиц из числа нашего окружения и родственников. Герои не были известны своему народу.

С началом войны в Азербайджане была сформирована 51 стрелковая дивизия на основе стрелкового полка. Впоследствии дивизия стала гвардейской. Личный состав состоял из азербайджанцев, горских евреев и других народов Кавказа. Дивизия быстро завоевала славу, многократно умноженную евреями.

Уроженец Дербента Шатиил Абрамов командовал танковой бригадой и закончил войну в звании полковника. В танковых частях действующей армии гремела слава этого незаурядного командира. Во многих кровавых сражениях участвовала его танковая бригада. За мужество и отвагу он

получил звание Героя Советского Союза и имел многочисленные награды, в том числе два ордена «Красного знамени», орден «Красной звезды» и много медалей. Практически невозможно привести имена кавказских евреев прославившихся, проявивших храбрость, достойно защищавших свою страну.

Защита Сталинграда явила среди его героических защитников и кавказских евреев. Житель Еврейской (Красной) Слободы Кубинского района Азербайджана Шамаев Мордахай (известен, как Марк Исаевич) особенно отличился в Сталинградском сражении. Подразделение где он служил, оборонял знаменитый Мамаев курган. От всего подразделения осталось 6 человек.

*Юбилейная встреча бывших Красноармейцев и Красных партизан
г.Кубы, Красной Слободы. .Куба, 16. IX. 1931 г.*

Против них действовали немецкие части. Они по количеству во много раз превосходили защитников кургана. Один из шестерых, командир роты Чуприн, умер на руках у М.Шамаева, успев возложить на него перед своей кончиной

командование ротой и наказ "стоять насмерть". Пять человек активным манёвром умело меняли позиции, обороняясь и вводя противника в заблуждение. Полагая, что перед ним большие подразделения, немцы решились на последнюю атаку. Сутки продержалась горстка бойцов. Затем подоспело подкрепление. Имя героя Мордахая золотыми буквами начертано на мраморном пантеоне бессмертия в Сталинграде. Он был объявлен почетным гражданином Сталинграда, вошел в серию ЖЗЛ (Жизнь замечательных людей). О нем написаны книги – две в Москве, одна в Баку. Его имя вошло в «Краткую энциклопедию горских евреев» автора Хананила Абрамова.

*И. Яковлев полковник
медицинской службы*

Как не вспомнить веселого, находчивого сына полка «Борю Цыганенко» – Бориса Шамаевича Рахамимова. Газета «Красная звезда» несколько раз свои публикации посвящала ему и его боевым делам. В 14 лет сев в товарняк, сумел пробраться на фронт и примкнуть к одному полку. Затем он успешно воевал, стал любимым сыном полка. За его черные волосы и смуглую кожу его прозвали «цыганенком». О нем и ему подобных был создан фильм «Сын полка». Многие Евреи Кавказа активно участвовали в борьбе с фашизмом. Братья Яковлевы – Агабабаевы (по материнской линии – мама Томоти), героически сражались в рядах Советской Армии. Яковлев Иосиф Абрамович (г. Куба). Полковник медицинской службы в Советской Армии, участник ВОВ. Работал заместителем начальника окружной медицинской комиссии, всего Закавказского военного округа противовоздушной обороны. Яковлев Яков Абрамович (г. Куба). Полковник

Советской Армии, летчик - испытатель, участник, герой ВОВ.

Другим боевым защитником Сталинграда был уроженец и житель города Баку, курсант Тбилисского пехотного училища Михаил Кабрибов. После окончания училища получил звание младшего лейтенанта и был направлен командиром взвода действующей армии. Особо отличился 17 сентября 1942 года в боях за овладение высотой 115,2. Об этих жестоких боях 3 ноября 1942 года рассказал в газете «Комсомольская правда» фронтовой корреспондент И. Давыдов. В боях за станицу Клетская Михаил был тяжело ранен. Местные жители подобрали его на поле боя и выходили его. После быстрого выздоровления он организовал партизанский отряд, который причинил много хлопот фашистам. В полку его считали пропавшим без вести и сообщили об этом его родителям в Баку. Каково же было удивление его однополчан, когда он внезапно появился в штабе дивизии живым и невредимым. За бои в районе станицы Клетской, М. Кабрибов был награжден орденом Ленина и избран почетным гражданином района.

Суровую школу войны прошел бакинец, рядовой 122 стрелковой дивизии Салим Юшваевич Рахамимов. Начав войну у села Згуревки под Киевом, он сумел создать из числа отступавших красноармейцев организованную группу, возглавил ее, провел ряд боевых операций и, найдя своих, вернулся в часть. Затем было форсирование Одера, штурм Гданьска, освобождение Штраульнда и других городов. Внес свою лепту в боях под Краснодаром командир зенитного расчета, еврей из Баку, сержант Мордухай Мордухаев. После Краснодара он воевал в Крыму, Белоруссии. За принятие активного участия в освобождении Польши от фашистских захватчиков приказом главнокомандующего Войска Польского «За проявленную личную храбрость и отвагу» он был награжден боевыми

польскими орденами и удостоен офицерского звания хорунжий. Закончив войну в связи с победой, он оставил свою подпись на здании Рейхстага.

В конце 1942 года был призван в армию и зачислен в воздушно-десантные войска Ирмие Гаврилович Шаулов. Быстро освоившись, он научился прыжкам с парашютом, был назначен командиром воздушно-десантной группы и воевал в Венгрии (район озера Балатон), Чехословакии (Брно), Австрии (Вена). Награжден орденами и медалями, в том числе и орденами «Отечественной войны» – 1-й степени, «Славы» – 3-й степени и медалями «За отвагу». В октябре 1945 года, в городе Будапеште Ирмие неожиданно встретил своего родного брата Шаула, храброго воина.

В звании лейтенанта, командира взвода начал войну Зарбаилов Зарбаил уроженец Дербента. За короткое время получил звание капитана и назначение командиром батальона. Начав свой путь от Киева, участвуя в освобождении Украины, закончил войну в Восточной Пруссии. Верховный Совет Украины своим указом за доблесть и отвагу присвоил ему звание почетного гражданина Украины. Имел боевые награды: орден «Отечественной войны» – 1-й и 2-й степени, «Красной звезды», медали «За отвагу», «За боевые заслуги» и другие.

Подобных примеров можно привести много, и автор приносит извинение за то, что не имеет возможности написать обо всех представителях еврейского народа, заслуживших упоминания их имен. Но не только на полях сражений были выдающиеся кавказские евреи. Успешно работали они и в мирное время на разных должностях власти, в политике, производстве, во всех отраслях народного хозяйства. Типичная для кавказских евреев семья Рувиновых (Дербент), имевшая одиннадцать детей. Часть из них отображена на снимке.

Из этой семьи вышли: мэр города Дербента в 70-х годах, полковник советской армии, заместитель торговли Дагестана и другие должностные лица. Одним из видных общественно-политических деятелей был Агарунов Яков (Яагу) Михайлович (25.04.1907 – 31.05.1992). В 1919 году окончил русскую восьмилетнюю школу и шестилетнюю учебу у раввина. Являясь активным комсомольцем, работал на разных руководящих комсомольских должностях. Затем выдвинулся на должность заведомо Кубинского и Бардинского районных комитетов КПСС, работал завсектором организационного отдела ЦК КП Азербайджана, 1-м секретарем Бакинского городского комитета партии. Его организаторские способности особенно раскрылись в годы Второй мировой войны, когда работал на должности секретаря Бакинского горкома партии по нефтяной промышленности. Бакинские нефтяники в первый год войны дали стране 23,5 млн. тонн нефти. Никогда, ни раньше и ни позже, Баку не повторил этого рекорда. Я.Агарунов был награжден орденом «Знак почета». В 1942 году ЦК КПСС вызвал Агарунова в Москву и предложил возглавить Куйбышевский обком партии.

Вступив в должность, Агарунов и здесь проявил организаторские способности и талант. После окончания войны он опять секретарь Бакинского горкома. Позже стал персональным пенсионером союзного значения.

Как у всех талантливых людей его энергия требовала выхода, он не мог ограничиваться занимаемыми должностями. Он явился одним из зачинателей литературы горских евреев. Первое его стихотворение «Ковтэр» - «Голубь» было опубликовано в 1920 в Красной Слободе города Кубы, в первой стенной газете на языке наших предков. В течение долгих лет работал начальником управления Госплана и был одним из самых заслуженных работников Азербайджана.

Исполнение мечты многих поколений горских евреев - Бешана адана де Черушалаим

Еврейский народ можно сравнить с семьей, где много детей. Отец – Создатель, Мать – Святая земля, Израиль – дети – это мы, восточные и западные, африканские и американские, среднеазиатские и кавказские, европейские и многие, многие другие евреи. Детям свойственно уезжать из дома родителей, но, как хорошо известно, с возрастом, даже, несмотря на наличие своей семьи их, тянет домой. Так и евреи. Где бы они ни жили, если даже ни разу не были на Святой земле, они все равно мечтают о «нашем Иерусалиме». Это слово дети кавказских евреев слышали с самого раннего детства, знали, как благоговейно произносили это слово родители.

Начиная с Вавилонского плена, мечта о возвращении в Сион стала властной потребностью, изливалась в поэзии и молитвах. Еще создатель псалмов, поэтических произведений Танаха, выразил горечь изгнания в словах: *«При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе»*.

Являясь представителями еврейского народа, евреи Кавказа всегда помнили о своем еврействе и передавали эту память от поколения к поколению. Они никогда не хотели терять своей связи с исторической родиной. И это желание привело некоторых из них в Эрец Исраэль в 40-х годах 19-го века. В 1870-80-х годах Дагестан постоянно посещали посланцы из Иерусалима, собирающие деньги для *халуки*. *Халука* – название благотворительного сбора у евреев, собираемого в пользу беднейшего еврейского населения в

Иерусалиме. Во второй половине 80-х годов в Иерусалиме уже существовала *алия* Дагестана. В конце 80-х годов в Иерусалиме поселился раввин Шэрбэт Ниссим Оглы. В 1894 году он выпустил брошюру «*Кадмониот йеһудей һа-харим*» - «*Древности горских евреев*». В 1898 году представители горских евреев участвуют в работе Второго Сионистского Конгресса в Базеле. Сионистская деятельность среди евреев Кавказа проводилась уже со второй половины 19-го века. Идеи сионизма овладели этой общиной после перевода с русского на понятный кавказским евреям язык книги Иосифа Шапира в 1908 книги о сионизме.

Перевод осуществил один из активных распространителей идеи сионизма Асаф Пинхасов. Оживленная сионистская деятельность в Баку велась во время Первой мировой войны. С особой силой эта работа развернулась после Февральской революции. В конференции сионистов Кавказа в августе 1917 года принимают участие четыре представителя общины, в том числе, одна женщина. Переход в ноябре 1917 года власти в Баку в руки большевиков, провозглашение независимой Азербайджанской республики, а затем вторичная советизация 28 апреля 1920 года на сионистскую деятельность не повлияла. Руководимый сионистами национальный совет Азербайджана в 1919 году создал еврейский народный университет. Среди учащихся университета были евреи Азербайджана и Дагестана. Лекции по вопросам о жизни и обычаях кавказских евреев читал преподаватель И. Шапиро.

В этом году, кавказский сионистский комитет начал выпускать в Баку газету на языке общины «*Товуши сабахи*» - «*Заря*». В газете широко освещалось стремление евреев получить больше сведений об Израиле. Наиболее активным сионистом, совместно с Асафом Пинхасовым, был Гершон Мурадов. В годы советской власти активных сионистов

стали арестовывать, некоторые из них погибли в советских тюрьмах и лагерях. Пресекалось малейшее проявление сионистской деятельности. Вся сионистская деятельность на Кавказе была направлена на сохранение еврейского самосознания и единства, она сыграла роль в репатриации евреев в Израиль.

В 1907 году раввин Яков Ицхакович Ицхаки (*раввин Яангиль*) переселился в Эрец Израэль и возглавил группу из 56 основателей поселения близ Рамле, впоследствии названного в его честь Беэр-Яков. Значительную часть группы составляли евреи Дербента и Кубы. Другая группа этой общины пыталась, но безуспешно, осесть в 1909 – 1911 годах в Маханаим (Верхняя Галилея).

Иехезкель Нисанов, прибывший в страну в 1908 году стал одним из пионеров организации *Ха-шомер* (убит арабами в 1911 году). В эту организацию вступили и его братья Иехуди и Цви Нисановы. Перед Первой мировой войной численность кавказских евреев в Эрец Израэль достигла нескольких сотен человек. Значительная часть из них поселилась в Иерусалиме, в квартале Бейт Израэль.

В 20-х годах нынешнего столетия приблизительно 300 семьям их Азербайджана и Дагестана удалось выехать в Эрец Израэль. Большинство из них поселились в Тель-Авиве, где они создали Кавказский квартал. В 1921-22 годах волна репатриации прекратилась и возобновилась лишь 50 лет спустя, с некоторым опозданием по сравнению с другими общинами Советского Союза – не в 1971 году, а в 1974. До середины 1981 года в Израиль репатриировалось свыше 12 тысяч кавказских евреев.

К людям своей общины, посетившим Израиль, евреи относились очень уважительно, проявляя уважение в течение всей жизни. С созданием государства Израиль евреям стало легче дышать, эйфория надолго овладела ими. Они радовались победам Израиля, ликовали, огорчались его неудачам и бедам.

*Кавказские наездники на празднике в честь праздника Пурим. Эрец
Израэль, Тель-Авив, 1934 год. Фото Ривки Авшалумовой.*

Когда антисемиты злобно шипели: «Уезжай в свой Израиль», у евреев уже не было чувства страха, одиночества. Они знали, что имеется убежище, есть куда ехать, и где их ждут. Это очень большое счастье, ощущение этого чувства.

Одной из характерных черт советской действительности было отсутствие свободы выезда из Советского Союза. Желавших покинуть СССР клеймили как изменников родины. Политика антисемитизма осуществлялась под маской борьбы с сионизмом. Евреям отказывали в праве эмиграции в Израиль. Настаивавших евреев на выезде арестовывали. О своих родственниках за границей, а тем более в Израиле или в США, по мере возможности скрывали. Но выезды все-таки состоялись.

Кавказские евреи быстро привыкают к своему окружению в Израиле. Никто из них не чувствует, что он переехал в другое государство. Нет, это не другое государство. Всей своей предыдущей жизнью кавказские евреи были морально готовы и мечтали оказаться на Родине.

Они приспособливаются к обществу, вливаются в него и достигают определенного успеха. Можно привести ряд примеров. Например, одной из наиболее ярких фигур среди евреев Кавказа был Икутиэль (Иягутил) Адам бен Иехуда.

Начав путь с самых низов в армии Израиля, он дошел до заместителя начальника Генерального штаба. История кавказских евреев продолжается, и продолжается, она в родной среде, совместно со своим народом. Никто уже не сможет назвать его презрительно – *джуут баласы* - *жид*. Слава Богу, все позади. А впереди – работа для процветания Родины и ее защита.

Горско-еврейская молодежь служат в Армии Обороны Израиля.

Владимир Агабабаев

**АГАБАБАЕВЫ –
ПРЕДКИ И ПОТОМКИ**

Сегодня 12.08.12 года поставлена последняя точка в рукописи. Именно в этот день нашей любимице Рачке (Еве, Регжине) исполнилось ровно 16 лет. Ей посвящается эта книга с пожеланиями долгой, счастливой и здоровой жизни.

*Наши дорогие родственники,
читатели!*

Эмануэль-Эмонил Агабабаев с семьей. Сидят слева направо: Эмануэль, Владимир-Атнийэль; стоят: Мэлькэ-Шаво, Соломон, Валентина, Иосиф-Ихиил.

Предлагая историю рода, если хотите сагу, мы, братья Агабабаевы Владимир (Атнийэль), Иосиф (Ихиил), сохранивший и обработавший старинные фотографии, и Соломон, правнуки основателя фамилии Огоббо исходят из того, что иудаизм рассматривает весь еврейский народ как одну большую семью, где все более или менее родственники и каждый в ответе друг за друга. Более всего, это верно для нашего немногочисленного народа. Горские евреи имеют много замечательных предков. И если бы поколения из каждого рода изучали своих предков, то, в

конечном счете, получили бы энциклопедию горских евреев. Светлой памяти Хананиил Абрамов привёл нам информацию на многих замечательных людей.

Предки заслуживают уважения. Тора даёт очень важную заповедь, настолько важную, что она входит в первую пятёрку "Десяти заповедей". Сказано: "Уважай отца своего и мать свою". Эта заповедь служит основой крепкой семьи. О необходимости изучения истории своих предков и значимости этого говорит народная мудрость. Известная писательница Фрида Юсуфова в книге "Золотые россыпи" – "Зархой сурхи" привела такие слова – гоффой бэбэйи: Бэбэ-дэдэй одомирэ йэбо бирэ" – "Отец и мать даются человеку один раз", "Һэр дор э сэр кюк вэрэморэ" – "Всё произрастает от корня".

С каждым годом изучение предков вызывает трудности. Мало доступной информации, к сожалению, уходят из жизни старшие поколения. В связи с нахождением многих горских евреев в диаспоре, теряется живая связь. Возникают различного рода коллизии. Реальные насущные вопросы настоящего не дают думать о прошлом. Но, всё равно, есть о чём задуматься, надо помнить о девизе, завете предков "Никто не забыт и ничто не забыто". Еврейские традиции учат тому, что самая большая мицва - "мисво" – это увековечивание памяти погребённых. Совершая мицву, мы гордимся своим прошлым, ценим настоящее, радуемся потомками. Этим самым мы оставляем неоценимое наследство. Только при этом мы окажемся достойными наследниками духовного богатства полученного от предков.

Просьба к родственникам и тем читателям, которые ознакомились с текстом, сообщить своё мнение для внесения возможных дополнений, замечаний и получения полезных советов. Выражаем большую благодарность уважаемой Фриде Борисовне Юсуфовой, за неоценимую помощь.

*Дорогому читателю от автора книги -
«От Красной Слободы до Стэмфорда».
С уважением и добрыми пожеланиями.
Владимир Агабабаев - Член Союза
Писателей Израиля.
Америка - Коннектикут, 2014 год.*

Содержание

Происхождение рода.

История появления фамилии.

Предки потомки.

*Приверженность к обычаям и
традициям еврейского народа.*

Родословное - древо Агабабаевых.

Происхождение рода

Изучение имеющейся информации (литературы, фотографий с надписями и без них, устных рассказов и так далее) позволяет изложить историю рода более или менее в полном изложении. Этому помогает пример дружеских взаимоотношений наших предков и передача информации из поколения в поколение. Это позволило нам, потомкам Нуваха, Ихиила, Асафа и Довро (дети Огоббо бен Овроом) выстроить своё генеалогическое древо. Значительный вклад внесли Манашир Агабабаев (в настоящее время признанный старейшина рода), Славик Агабабаев, Песах Абрамов (потомок Довро, живёт в Израиле) и многие, многие другие, которые живут в разных странах. Особо хочу отметить бесценный вклад моего брата Ихиила (Иосифа), и Фриды Юсуфовой, их помощь заключалась в предоставлении множества старых фотографий. Многие фотографии могли просто истрепаться или затеряться. Ихиил скрупулёзно собирал их у родственников, вносил в компьютер, и совместно с Фридой обрабатывал и реставрировал в приемлемом виде, предоставив их для публикации в книге.

Выяснилось следующее: в конце 17-го – начале 18-го столетий в провинции Гилан (Иран) жила еврейская семья. Она и вся еврейская община принадлежала к группе, которая называлась «гиляки». Одного из детей семьи звали Овроом. Он был женат на еврейке Истир. Овроом занимался торговлей, а жена была домохозяйкой.

Доказательством проживания и наличия в Гилане еврейской общины может послужить изданная по программе развития ООН, под общей редакцией И. Бегуна в 1997 году, книга "Горские евреи – история, этнография, культура". На тридцать первой странице указано : "...появление некоторых общин можно точно установить,

основываясь на документах и исторической памяти народа. Именно в результате миграции из Гилана в конце 18-го века возник еврейский квартал в Варташене (с 1991 года – Огуз)".

Один из кварталов Еврейской Слободы (город Куба – Азербайджан) «Мэхалэй Гилэки» – основана выходцами из Гилана в конце 18-го века.

(Примечание: указанная цитата подтверждает историю рода Агабабаевых – считающих себя выходцами из Гилана. Гилянцы-гиляки жили в центре Слободы и как видно из следующей цитаты, были купцами).

Далее автор пишет: «...до сих пор жители Слободы твёрдо знают, из какого квартала они родом, а значит, и откуда происходят их предки. Автор книги утверждает, что «...переселенцы из Персии составили основу слободского купечества».

Косвенным подтверждением исхода гиляки из Ирана служит следующий эпизод. В городе Куба в 1948 году появился беженец из Ирана (их называли – "эмшэри") по имени Мустафа. Он устроился на работу в "среднем" ресторане города в качестве чернорабочего. Судя по его рассказу он был евнухом наказанный ханом, очень жестоким человеком. Не выдержав издевательств хана бежал из Ирана. Узнав о том, что в Кубе живут гиляки, рассказал, что в Гилане жили евреи, которых так и называли – гиляки. Что это были гордые люди с независимыми характерами, готовыми постоять за себя. Мужчины носили на поясе кинжал, а женщины опоясывались серебряными поясами. Разговоры стариков-евреев с Мустафой велись по-азербайджански, иногда вставлялись обоюдно понятные слова на персидском или на джуури.

История появления фамилии

Общеизвестно, что горские евреи, также как и все евреи на территории Российской империи не имели фамилий. У горских евреев было принято называть по собственному имени и по имени отца. Если говорим, например Нувах Огоббо, то все понимали, что это Нувах сын Огоббо. В 1804 году царь Александр 1-ый издал указ о внесении порядка в статистику учёта количества евреев и присвоении им фамилий. В 1835 году госдума России сформулировала «Новую политику» по отношению к евреям. С этого времени все евреи были обязаны носить фамилию. Это позволяло властям более или менее упорядочить учёт по взиманию подати, соблюдение всеобщей воинской обязанности и так далее. Перепись всех евреев заняла годы. Зачастую для присвоения фамилии чиновники использовали различные профессии, (Портнов, Мельников, Сапожников и др.) прозвища и так далее. Таким образом, Огоббо стал Агабабаевым. Огоббо, трудно произносимое имя, было заменено созвучному азербайджанскому имени Агабаба. Все потомки носят эту фамилию.

Предки, потомки

Согласно семейным преданиям в конце 17-го начале 18-го столетия в Гилане (Иран) жила еврейская семья. Агобба бен Овроом занимался торговлей. Был женат. Жена по имени Истир была домохозяйкой. Овроом и Истир никуда из Ирана не выезжали. Сын Овроома Огоббо будучи ещё молодым переезжает в Азербайджан, в Кубинский уезд. Здесь в местечке, где жил род Гильготи в верхней части посёлка, рядом с ними он построил себе жильё. В дальнейшем местечко разрослось, и Гиляки

***Супруги Агабабаевы –
Ихиил – 1862-1938
Пурим – 1898-1968***

Оказались в центральной части Слободы. Огоббо женился на девушке по имени Мэмэй. Красавицу Мэмэй так и прозвали Гэйчэк Мэмэй-Гэйчэк Мэмэй. Огоббо умер в возрасте 36-ти лет, оставив трёх сыновей и одну дочь.

***Супруги Агабабаевы –
Нувах – 1860-1924
Овгоил – 1864-1930***

После смерти мужа Мэмэй стало очень трудно содержать семью. Приходилось самой зарабатывать на хлеб, дети были ещё несовершеннолетними. Спасало то, что семья была дружной, сыновья всячески помогали матери. Они занялись садоводством.

***Супруги Агабабаевы –
Асаф – 1866-1933
Хивит – 1868-1947***

Прошло время и сыновья стали подниматься нанюги. Заинтересовались ковроделием, стали знатоками и ценителями ковров. В них заговорила коммерческая жилка. Вскоре стали известными купцами, их имена: Нувах, Асаф, Ихиил.

О дочери Огоббо по имени Довро известно только то, что она была 1864 года рождения, дата смерти не установлена. Была замужем за Нисоном Абрамовичем. Потомки установлены.

Братья закупали ковры на внутреннем рынке в различных населённых пунктах. Известно, что Азербайджан славился своими коврами. Закупив партию ковров, продавали на внешнем рынке. Возили в Среднюю Азию, Турцию, Иран, Афганистан. Ковры были ворсовыми (халча, гебе) и безворсовыми (палас, сумах и пр.) БОльшим спросом пользовались ворсовые ковры.

Хранились они в специально выделенных для этого помещениях первого этажа. При советской власти эти помещения были превращены в амбары. Продаваемые ковры имели высокую технику исполнения, красивый орнамент, изящные узоры. Были ровными и ценились высоко. Братьям, официально были присвоены звания купцов 2-ой гильдии. Получить такое звание было делом очень нелёгким. Если купец этого заслуживал, то местная власть в лице губернатора направляла прошение в адрес Российского Императорского Двора. Там рассматривалось прошение и оно или удовлетворялось или отклонялось.

История в фотографиях

*Фрагмент дома Асафа Огоббо, построенного в начале 20-го века..
Фото - август 2013 год.*

В семьях братьев бытует рассказ о том, как один из них, будучи в Средней Азии у одного местного Хана, удачно совершил торг. При уходе обратил внимание на ковёр в прихожей. Как знаток он понял, что это ценный ковёр и попросил хозяина продать его. В ответ хан со смехом сказал: «забери эту грязь даром, мы вытираем об него ноги». Ковёр был доставлен домой, выстиран в Кудиял-чае и предстал в своём настоящем виде – красивом и очень дорогим.

Интересен эпизод подтверждающий успешность торговлю братьев за границей. В 1980 г. один из коллег стоматологов по работе правнука Ихиила Огоббо Эрика

Дом Нуваха и Ихиила Агабабаевых в наши дни. 08.07.13 г.

Агабабаева рассказал случай. Он, этот коллега, будучи в Стамбуле видел дом, на котором была выложена надпись «Agababaev Ihiil».

Видел он этот дом проезжая мимо на такси и не догадался спросить адрес у таксиста. Жаль! Братья имели счета в заграничных банках, но, к сожалению, банковские документы затеряны после смерти Ихиила Огоббо. Братья жили в собственных домах, построенных в конце 19-го начале 20-го веков. Точной даты постройки дома Нуваха Огоббо, а также Ихиила Огоббо не установлено. Во время ремонта дома одного из этих домов были найдены строительные материалы из листового железа, на которых было клеймо: «Уральский металлургический завод. 1862 год».

Слева от входа жила семья Нуваха, справа семья Ихиила.

Дом находится в центре Красной Слободы, в окружении домов, в которых жили близкие и далёкие родственники. Дом имеет большой двор водопроводом. Недалеко, на следующем углу было помещение клуба. Там же демонстрировались кинофильмы и ставили пьесы, в том числе на языке джуури. Одним из авторов некоторых пьес являлся брат зятя Ихиила Огоббо – Исак Хануков. Прямо, против этого дома Асафом Огоббо был построен трёхэтажный дом. При советской власти дом был конфискован.

Братья были не только знатоками ковров и успешными купцами, но и хорошими воспитателями своих потомков. Своим примером они преподносили детям уроки духовности, соблюдения еврейских ценностей и традиций.

Уроки не прошли даром. Среди рода много замечательных людей. Некоторые из них вошли в книги, светлой памяти, Хананиила Абрамова «Энциклопедия горских евреев», а также «Горские евреи Кубы». О них печатали в периодических изданиях. Они включены в антологию «Звёзды горских евреев» (главный редактор Эльдар Гуршумов, редактор и корректор Фрида Юсуфова – Израиль). Характерно, что некоторые профессии стали преемственными. Агабаба сын Нуваха в молодом возрасте увлёкся фотографированием. Открыв в начале XX века в городской части Кубы фотоателье, затем переехал в Баку, где преуспел в своём деле. В Баку он открыл фотостудию на известной Торговой улице, недалеко от улицы Карганова на которой проживало много горских евреев. Власти стали преследовать его, как единоличника-кулака. Его спас от карательных органов Мир-Джафар Багиров, будущий секретарь ЦККП Азербайджана. В то время Багиров работал начальником районного отдела партии в Кубе. Агабаба вынужден был искать себе убежище. Он нашёл его в

собственном доме Мир-Джафара, который не только укрыл его, но и помог затем уехать в Москву и устроиться работать на заводе в Краснопресненском районе. Необходимо отметить, что Багиров хорошо относился к горским евреям, знал семью Агабабаевых.

*Друзья после завершения строительства
трёхэтажного Дома в Еврейской Слободе, г.Куба, 1908 г.*

Прожив несколько лет в Москве, Агабаба с семьёй возвратился в отчий дом на Красную Слободу. Здесь он продолжил своё дело.

десятилетий Тэлхум в Кубе, работал, фотографировал не только горожан, но и жителей близлежащих населённых пунктов. Агабаба начал фотодело передал его сыну Талхуму, а тот в свою очередь своему сыну Мише. Таким образом, чуть менее века люди пользовались услугами потомков Нуваха Агабабаева.

Среди потомков Асафа Огоббо имеются медики узких различных специальностей, были хорошими специалистами и все имели высшее образование. Сын Асафа Год был кардиологом, работал кардиологом в бригаде скорой медицинской помощи. Благодаря знаниям и быстротой действий Год спас жизнь многих пациентов (мы знаем, что при болезнях сердца помощь надо оказывать в очень короткое время). У Года было сильно развито чувство сострадания. По его стезе пошли сыновья. Валерий работал кардиологом в Баку, затем эмигрировал в США. Илья терапевт, живёт с семьёй и работает в Грузии. Старший брат Года – Ярухам дал своим детям высшее образование, в первую очередь, медицинское. Старший сын Ифраим долгое время являлся главным врачом на Красной Слободе. Сograждане знали о его безотказности в помощи больным и поэтому ночные вызовы к пациентам были обычным явлением. Больные тянулись «к нашему доктору», высоко ценили не только его профессионализм, но и доброту и сопереживание. Брат Ифраима – Манашир получив высшее образование, много лет работал заведующим аптекой на Красной Слободе, а переехав в Баку, заведующим аптекой в 7-м микрорайоне. Клиенты обращались к нему с уважением. Получали от него полную информацию о лекарствах и болезнях. Стоматологами стали Славик, внук Агабаба и Эрик, внук Имонила. Славик несколько лет работал в Кубе. Эрик работал в Баку и преподавал в Медицинском институте. Оба эмигрировали в США. Через

несколько лет Эрик был признан лучшим стоматологом штата Коннектикут за 2005-2006 годы и занесён в книгу почёта библиотеки Белого Дома в Вашингтоне.

Один из сыновей Ярухама Асаф был умелым строителем зданий. В знак уважения все родственники называли его Бэбэ Асаф, за готовность помочь любому жаждущему. В роду также были и профессиональные экономисты. Среди них выделялись главные бухгалтеры дети Агабаба Шимту и Зарахийо. Одной из типичных «еврейских» профессий считается портняжное дело. Мастерами этого дела в нашем роду являлись Имониил (Эмануил) сын Ихиила Огоббо. Головные уборы его изготовления имели широкий спрос не только в городе, но и в провинциях. «Непревзойдённый мастер своего дела» - так охарактеризовал Имонила Агабабаева Хананиил Абрамов в своей книге «Горские евреи Кубы». Потомки рода принимали участие в развитии разных областей искусства. Внося вклад в повышение уровня культуры своего, ранее униженного и отсталого, народа. В области драматургии они одними из первых создали драмкружок на Красной Слободе, в которой принимали активное участие. Из-за отсутствия сцены и зала театральные постановки проводились на третьем этаже частного дома Асафа Огоббо. Впоследствии, одну из синагог переоборудовали под зрительный зал, который называли клубом. Он находился на углу дороги ведущей в город Кусары и улицей Ленина, напротив дома Асафа Огоббо. По пьесе Исака Ханукова шла пьеса «Алахдот ве хасидо». Спектакли шли не только по пьесам горских евреев. Ставились пьесы или их отрывки из них азербайджанских драматургов. В 1946 году клуб преобразовали в Дом Культуры.

На фото: Миша Шамаилов муж Розы дочери Ихила Огоббо. Рафоил Шамаилов брат Миши Шамаилова. Турундж Хануков дочь Ихила Огоббо. Шоми Хануков её муж. Исак Хануков - журналист, драматург. Слева направо, сидят, 1-ый ряд: Рафаил Рафиев, Гамуил Гилилов, Бинягу Агарунов, Рафаил Говолчи, Мэлкэ Гайиши, Али Тэртэрли, Шоми Хануков.

Сидят, 2-ой ряд: Мозол, Зоволу Рабинович, Рафаэль Агарунов, Натан Шаулов, Исак Хануков, Турундж Ханукова, Зоов Яшяя.

Стоят: Песах Аширов, Хагай, Натансон Авшалумов, Миша Шамаилов, Яшяя Яшаев, (не установлено), Рафаил Шамаилов, Хагай Абрамов.

Внук Ихила Огоббо – Соломон Бен-Эмануэль (Агабабаев), член Союза Писателей Израйля, музыкант проработавший во многих музыкальных коллективах, в том числе, известном Бакинском коллективе «Дан Улдузу» (Утренняя Звезда). Работал фотографом по съёмке художественных произведений в Худ. Фонде Азербайджана. Репатриировался в Израиль. Печатается в израильской газете «Секрет», в американской «Новый

рубеж» и интернет сайтах. Вошёл в Антологию «Звёзды горских евреев» (Астарой джуурой доги). Автор книг «Бакинцы и другие», «Ну и ну...», аудио книги «Жизнь – она разная». Сын врача и публициста Валерия Агабабаева (печатается в газете «Новый рубеж») – Руслан Агабабаев был солистом в одном из оркестров Баку. Эмигрировал в Нью-Йорк, стал популярным композитором, джазовым пианистом, частый гость на телевидении (канал РТН).

Был приглашён и присутствовал на вечере приёма Ильхама Алиева в президенты.

В области кинематографии известен внук Ихиила Огоббо – Яков (Яша) Хануков. Он окончил высшие режиссёрские курсы в Москве. Работал на «Мосфильме» с режиссёром Пырьевым. Их совместная работа «Братья Карамазовы. По своей режиссуре снял ряд документальных фильмов, а также художественный фильм «Вальс». Эмигрировал в США, где занялся бизнесом.

Война 1941 – 1945 годов была долгой и кровопролитной. Несколько сотен горских евреев не вернулись с фронта. Не было семьи без потерь. Не избежали этой беды и Агабабаевы. В таких случаях присылались «похоронки», так их называли в народе, а официально – «Информация о потере (потерях). В них сообщалось о причине выбытия из списков части – «убит» или «пропал без вести». Семья Ихиила Агабабаева дважды получила такую «информацию». В бою «пропал без вести» отец четырёх детей от трёх до тринадцати лет Урииль. Другая «информация», причина - убит – двадцатилетний Изииль-Изил, не женившийся по молодости. В те страшные годы Агабабаевы помогали не только фронту, но и тылу. Некоторые эвакуированные евреи Украины нашли приют на Красной Слободе.

Фотографии повесток.
«Да успокоятся их души в раю».
Они нашли покой далеко от отчего дома.

Информация
потери

Фамилия Агабаев
Имя Урил
Отчество Исаилович
Дата рождения — 1907 г. Банк
Дата и место призыва Дзержинское РВК
Воинское звание солдат
Причина выбытия пропал без вести
Дата выбытия — 10.1943
Название источника информации ЦАМО
Номер фонда источника информации 56
Номер описи источника информации 977526
Номер дела источника информации 481

Информация
о потерях

Фамилия Агабаев
Имя Изил
Отчество Эхилевич
Дата рождения — 1924
Место рождения г. Куба, Красная
Последнее место службы штаб 37 Гв. сд
Воинское звание рядовой
Причина выбытия убит
Дата выбытия 30.10.1944
Название источника информации ЦАМО
Номер фонда источника информации 56
Номер описи источника информации 10002
Номер дела источника информации 481

Ил. № 44215 ИИ

Начальнику 3/1 архивохранилища
о.и.о. Агабаев Урил Исаилович
В звании (должности) рядовой 1-го класса
Наименование части 888-й стр. бат.
За период IX - XII - 1943
Подтвердить судно
Иван 9 стр. Исаилович
1943

В частности, Имониил сын Ихиила дал кров еврею Ракамболи из Украины, выделив ему большую комнату на втором этаже. Ему помогали материально, поддерживали душевное равновесие. Ракамболи прожил на Красной Слободе до конца 1946-го года. Затем, по призыву украинского правительства он, с другими эвакуированными гражданами, вернулся на прежнее местожительства. С любовью вспоминается эвакуированная с Украины Шева Львовна Володарская, частая гостя в нашей семье. Учительница средней школы. Она не вернулась на Украину, вышла замуж за горского еврея Савелия Лазаревича Нисимова. Савелий Лазаревич (автор многих школьных учебников) и Шева Львовна проработали много лет в одной школе.

В послевоенные годы поднялся престиж Советской Армии. Мальчики мечтали о военной службе, а родители, поддерживая их, говорили: «будешь служить в армии, научишься порядку и дисциплине». Окончив медицинский институт, пошёл служить Год сын Огоббо. Будучи начальником военного лазарета, демобилизовался в чине капитана. Его поступок стал примером для подростков среди родственников. Бросив учёбу на втором курсе АЗИНЕФТЕХИМ, уехал в Киев в военное училище сын Имониила Владимир (Атниэль – автор этих строк).

Окончив училище и отслужив офицером несколько лет, решил поступать в Москве в Высшее авиаконструкторское военное училище (приравнивается к институту). Мешала пресловутая «пятая графа». Офицер особого отдела училища прямо назвал причину отказа. Пришлось поступать в среднее военное училище там же, в Киеве. Затем несколько лет службы на пограничной заставе и одновременно с этим рост по служебной лестнице до офицера округа. Карьера была искусственно остановлена

при появлении нового начальника, уроженца и жителя российской глубинки.

О горских евреях он и не слышал и ничего о них не знал. Может быть, он считал, что это какие-то особенные «еврейские евреи». Счёл, что напрямую спросить офицера некорректно, но очень хотелось. Он спросил по-другому: «Что вы посещаете? – мечеть, церковь или синагогу?» Ответ «ничего не посещаю» его не удовлетворил. Он специально командировал майора Новрузова А. в Кубу. Возвратившись, майор доложил о том, что в Кубе имеется Красная Слобода населённая только горскими евреями и что установить, почему они горские, не удалось. Эта община, докладывал он, предана советской власти и семья Агабабаевых порядочные и честные люди. Результат беседы с генералом напомнил народную мудрость горских евреев «Корхой Худорэ данустэ нибу, мозол одоми э дэс Худо дэри» (Пути Господа неисповедимы и счастье человека в его руках). Последним вопросом генерала был: «Где бы вы хотели жить после выхода на пенсию?» Ответ был однозначным, что только в Баку. После тридцатилетней службы в советской армии офицера перевели в Баку, где он жил до самой эмиграции.

Купцами были обозримые предки рода в конце 19-го века. Последняя купеческая жилка играла во всех поколениях. Ныне их называют не купцами, а бизнесменами. Например, правнуки Ихиила Огоббо Урил и Рауф, сыновья Лазаря, живут в Берлине и занимаются «купеческими» делами в России и Азербайджане. Меняется ассортимент, но остаётся основа торговли.

Приверженность к обычаям и традициям еврейского народа.

Предки рода понимали, чтобы народ не погиб, надо не ассимилироваться, а выжить! Необходимо не простое уважение к еврейским законам, но и изучение их. В этих условиях большим почтением пользовалась синагога.

Поэтому в роду посещали синагогу всей семьёй, особенно в праздники. Братья Нувах, Ихиил, и Асаф сами изучали Тору и Талмуд, передавали свои знания детям.

Этим самым приучали их к выполнению законов еврейской жизни. Необходимо отметить, что основной родовой ячейкой была семья. В этих семьях, как правило, было много людей, так как они охватывали 3-4 поколения – дедушки, бабушки, родители, дети и внуки. Они проживали в одном доме, занимая в нём отдельную часть. Во главе семьи стояли братья Нувах, Ихиил, Асаф. В своих семьях, а также и в семьях братьев они имели большой авторитет, каждое их слово исполнялось беспрекословно.

Все три семьи образовали одну общность так называемую «тухум» (семья). Дети воспитывались в еврейских традициях. Праздники, суббота, свадьбы брит-мила, бар или бат-мицва и так далее проводились в соответствии с религиозными канонами. Дом, быт, утварь и так далее были характерными для своего времени. В гостевых комнатах и спальнях лежали на полу и висели на стенах ковры, а на кухне палас. Аналогичные и другие ковры были у всех братьев. Для сидения на полу растирали длинные, узкие, специальные матрасы, а опирались спиной на душэкчэ (подушечки). Большие настенные зеркала были атрибутом гостиных комнат. Любили отдыхать на открытых или застеклённых балконах (*шушэбэнд*).

*Синагога, построенная в начале XX в. в Красной Слободе, Куба. Азерб.
Сейчас в ней находится Ешива.*

На кухонных полках, расположенных ниже потолка на 40-50 сантиметров, расставлялась наиболее красивая посуда. На полу, в углу кухни стоял большой глиняный кувшин (хум), для хранения муки. Широко использовались глиняные сосуды и кованая утварь с гравированным орнаментом. Эта посуда использовалась в хозяйственных нуждах. В медном кувшине- *сову* носили воду из Кудиалчая, с появлением водопровода стало проще, но надобность в такой посуде оставалась всегда. Хлеб выпекался во дворе дома в так называемых «тендирах» (тэну). Привожу рассказ моего младшего брата Соломона, хорошо описавшему процесс выпечки хлеба. Эта посуда использовалась в хозяйственных нуждах.

На фото: кувшин-сову; ведёрко для молока-говдуш; кружка-чамтас; подносы-мээджумэ, сини; шемовка-кэфгирь.

В медном кувшине – сову носили воду из Кудиал-чая, с появлением водопровода стало проще, но надобность в такой посуде оставалась всегда. Хлеб выпекался во дворе дома в так называемых «тендирах» (тэну). Привожу рассказ моего младшего брата Соломона, хорошо описавшему процесс выпечки хлеба.

Ковёр «Куба» – такой ковер висел на стене второго этажа в доме Ихшила Огоббо.

Тэндир-чурек

Соломон Бен-Эмануэль (Агабабаев)

В дальнем, левом углу нашего двора находилось нечто, вроде сцены, с крышей и тремя стенами. В середине этой «сцены» была вырыта глиняная яма, выполненная точно по форме большого казана. Называлось это сооружение «тэндир», с ударением на последнем слоге, и пекли в нём вкуснейший хлеб. Нашим тэндиром пользовались почти все соседи. На «сцене» усаживались две или три женщины, одна из них замешивала тесто, для этого около неё ставились: ведро воды, чан с мукой, яйца, и разные нужные специи. Когда тесто было замешано, за дело принималась вторая женщина, которая делила тесто на равные сферические порции, но, непосредственно перед закладкой в тэндир, она расплющивала тесто до нужного размера и смазывала верх яичным желтком.

И тут начиналось самое главное. В самом тэндире, огонь уже отпыхал и оставались одни красные угольки, дающие нестерпимый жар. Женщина, сидящая у самой ямы, очень ловким и точным движением, как бы прилепывает тесто на стенку тэндира. Прилепив последнюю лепёшку, она вынимает первую, уже испечённую – специальной кочергой (судум), и этот вкуснейший и ароматнейший хлеб тут же оказывается на чисто-белом чайном полотенце.

О, вы не представляете, что это за хлеб! Яичный желток превращает верхнюю корочку в изумительную, глянцевою, золотисто-коричневую вкуснятину. Снизу корочка матово-коричневая, в мелких ямочках, а горбушка, по периметру, даже сейчас вызывает у меня

обильную слюну, и, наконец, мякиш, источающий незабываемый аромат, так и просится окунуться в мясной соус, и отправиться в рот едоку.

За этим занятием женщины вели неспешные, а порой очень даже «спешные» разговоры... Говорили о разном и я, мальчик четырех-пяти лет, проходя мимо или играя рядом, иногда прислушивался к этим разговорам, и «просвещался». Случалось, что кто-нибудь из женщин бросала на меня взгляд и, понижая голос и называя чье-нибудь имя, тихо продолжала свой рассказ, а другие внимательно слушали. До меня доходили отдельные слова, вызывавшие жгучее любопытство.

Ну, например, называлось имя соседки, которую я знал, говорили, что она «испорченная». Меня это очень веселило и удивляло, ну, скажите на милость, как это может быть, если руки и ноги у неё целые, а она испорченная. Вот когда игрушка портится, тогда всё понятно – колёсико у машины оторвалось, или игрушка просто разбилась, вот это называется – испорченная игрушка, а когда человек абсолютно здоровый, а его называют испорченным, ну, не понимаю и всё тут. Да ладно, что с бабушек взять.

Потом одна из бабушек подзывала меня к себе, отламывала большой кусок хлеба, и протягивала мне. Моему наслаждению не было предела! Откусывая вкуснейший хлеб и вдыхая его аромат – я блаженствовал! Вкус этого хлеба, запах этого хлеба, вид этого хлеба, как ощущение воистину прекрасного детства, я не забуду НИКОГДА.

Гостеприимство было возведено в ранг святой обязанности. Многочисленные родственники, друзья, знакомые были частыми гостями друг друга, скучать не

приходилось (на Красной Слободе все погловно знали друг друга). Что касается детворы, мы часто не знали степень родства. Поэтому все были для нас дедушками или бабушками, дядями или тётями, а дети друзьями. Мы ссорились, дружили, играли друг с другом, выстраивались у тендира, чтобы быстрее получить вкусный хлеб – нун, фады – хлеб особой выпечки. Запомнилось многоголосие гостей, шутки, острословие, которым славились евреи.

Иногда острословие было и жалящим, но всё прощалось и отношения восстанавливались (правда – не всегда). К одежде относились внимательно. Мужчины надевали наглухо застёгнутую верхнюю одежду и традиционный головной убор – папаха.

Больше всего архаические черты сохранились в одежде пожилых женщин. Обязательным предметом был и долго сохранялся головной платок. Украшения традиционно были из серебра, меди, золота. Ныне не носят традиционно-еврейской одежды, носят современную одежду, отвечающему духу времени. Но часть женщин почтенного возраста, всё же предпочитают одежду того времени с обязательным головным платком.

С большой радостью члены семьи встречали все праздники: детвора ждала новую одежду, подарки, игрушки. Взрослые же готовились к праздникам, не забывая скопить денег, чтобы раздавать беднякам и жертвовать деньги в синагогу. Застолье бывало обильным, соблюдались все обычаи. Интересно проходили свадьбы. Как правило, они

справлялись после сбора урожая – осенне-зимний сезон.

Молодые – жених-хатон и невеста-арус, обязательно проходили обряд венчания-хупы (мэһр чуһурнэ).

Раввин писал брачное свидетельство-ктубу, записывал приданое невесты. Свидетелями этой церемонии были почтенные родственники жениха.

Обряд венчания закончивался, тем, что жених разбивает стакан правой ногой, затем звучат поздравления: Симанту-Мазанту - «Мазаль тов!» (по еврейской традиции стакан разбивают в знак траура по разрушению I Храма).

После свадьбы невесту в сопровождении тетушки свидетельницы (енгэ) с киросиновой лампой в руках (символ света и радости), сестры или близкой подруги, вели в дом мужа. По традиции, она переступала порог дома правой ногой «на счастье». Свекровь одаривала невестку золотом или серебребром (цепочкой, браслетом и даже золотой царской монетой). Затем свекровь брала невесту за правую руку, погрузив ее ладонь в тарелку с медом, оставляла «медовый след» на косяке двери, после слизнув мед с ладони невестки, вела ее в опочевальню. Комната жениха и невесты всю ночь освещалась лампой.

После первой брачной ночи пристыню со следами невинности, друзья жениха – бирор-думорно и тетушка-свидетельница, спешили с известием о честности в дом матери невесты, благодарили ее за воспитание дочери, взамен, получая подарки.

В это же время в соседней комнате гремела музыка. Гости веселились, танцевали, пели «бэнигору, бэнигору» с пожеланиями и восхвалениями новобрачных и их близких родственников. Этот обычай традиционно проходил красочно, все садились ближе друг к другу, как бы духовно сближаясь. Свадьбы в Красной Слободе продолжались по несколько дней.

Но вот однажды одна из слободских свадеб, к сожалению, внезапно прервалась. Дочь известного купца Агаббо сына Нуваха – Гюли выходила замуж за краснослободинца Бирора. Свадьба была очень

многолюдной. Приехали гости из других городов. Вспоминается большая усталость близких родственников. В один из дней празднования, ещё не успели спеть «бени гуру», как чёрный репродуктор сообщил о вероломном нападении на Советский Союз. Это был далёкий 1941 год. Через день новобрачного – «таза хатона» вызвали в военкомат, призвали в армию и отправили на фронт. К счастью, он успешно прошёл всю войну, в 1945 году демобилизовался из армии и вернулся домой. В настоящее время живёт в США. Часть его потомков проживает в США, часть в Израиле.

Долгие годы свадьбы в роду Агабабаевых проводились при участии известных музыкантов, членов скмьи Елизаровых. Гармонистки-комончэчи Мэлкэ-гайиш и её мужа нагариста Мардахай, а затем их сына гармониста Хануко (Хапу). В настоящее время продолжает традицию Тереза дочь Хануко. Она поёт еврейские песни на свадьбах Агабабаевых. Другая дочь Хануко Джульетта замужем за сыном Валерия Русланом Агабабаевым, джазовым пианистом США.

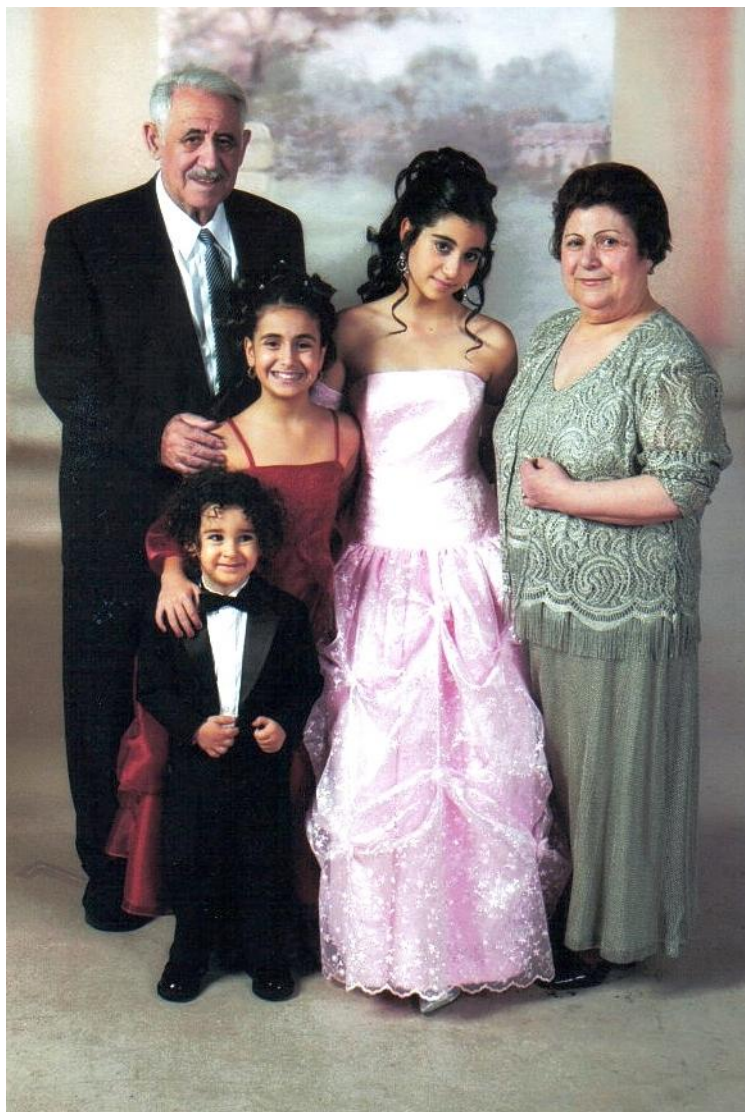
С началом исхода, отъезда из СССР потомки рода стали уезжать с насиженных мест. Уезжали в разные страны, кому куда удастся. Израиль, США, Канада, Германия, Россия (в основном Москва) – такова география выезда. В отличие от предков, живших компактно, современные поколения проживают разбросано. Но, где бы они не жили, все ищут и находят друг друга. Общаются, пользуясь всеми доступными современными средствами коммуникаций. Для всех них понятие родной, двоюродный, троюродный и так далее объединены одним словом – брат, сестра.

**ФОТО
ИЗ СЕМЕЙНОГО
АЛЬБОМА**

Сидят: слева направо – Агабабаев Эмануил (Эмонил) Ихшилович – отец автора, Владимир, мать – Мэлькэ-Шаво с дочерью Валентиной на руках. Бадалова Зоов? Бадалоов Зоволу. Стоят: 1 и 2 - к сожалению, автору неизвестны. Третий справа в головном уборе Шаулов Юрий, Кукчуклэ Хаимлэ. Кисловодск, 19.06.1940 г.

*Слева направо: Владимир Агабабаев с супругой Раяй и внуками
Эстеллой, Раячкой и маленьким Вовой. Коннектикут 16.10.2006 г.*

Дед Владимир с внуком Вовочкой. Праздник Пурим. 2012 год.

Семья Агабабаевых (Бен-Эмануэль) – Кармель, Соломон, Галина, Мор.

Агабабаев Эмануил – отец автора. Город Куба, 1950 год.

Эмануил бен Ихиил, 1911-1970 г. Мирвори бат Ихиил.

Соня бат Ихиил и внуки Ихиила: Володя, Лиза.

Руслан и Камилла Агабабаевы.

*Роза бат Ихиил и Урил бен
Ихиила 1907 – 1943 год.*

*Ихиил (Иосиф) внук Ихиила
Агабабаева, брат автора –
Владимира Агабабаева.*

Ярахам бен Асаф, его дети: Ифраим и Сара, Мэнэшир и Элла, Рхиль, Иазан, Зина, Владимир с Раисой, Сестра Эли – Карина, и Эдик. 1980 г.

Год и Ася, дети Ифраима: Гарик и Бэбэ Асаф, Эдик.

*Турундж, Мирвори, Роза, Соня с внуком, Бася супруга Разилия с внуком.
Сара бат Урил, Юрик бен Урил, (Сидит). Стоят Рудик сын Розы,
Володя бен Эмонил, Шельму бен Лизы (внук Уриля), Фото на свадьбе
Захара 1980 год.*

Агабабаева Бася, Юсуфова Фрида, Лазарь Агабабаев. Акко 1998 г.

Эмануэль-Эмонил Агабабаев с семьей. Сидят слева направо: Эмануэль, Владимир-Атннэль; стоят: Мэлькэ-Шаво, Соломон, Валентина, Иосиф-Ихишл.

Ансамбль «Дан улдузу». За фортепиано рук. оркестра Гюляра Алиева. Справа с гитарой Соломон Бен-Эмануэль Баку 1971 год

Сидят: слева направо – Рафоиш Шамаилов, Эмануил и Зарахиё Агабабаевы. Стоят: Бинэмизив и Бэбэйхунэ Авишалумовы.

Сидят: Садыковы Ихиил и Бильго с Вовой (дедушка и бабушка автора со стороны мамы). Стоят: Эмануил (Эмонил), бабушка Пурим (со стороны отца автора), Мэлькэ-Шаво 05.01.1940 г.

*Сидят: Эмануил (Эмонил) и Зарахиё Агабабаевы, Бэбэйхунэ Авшалумов;
стоят: Бэбэ Яшаиё; Амай Садыков, Писахсион.*

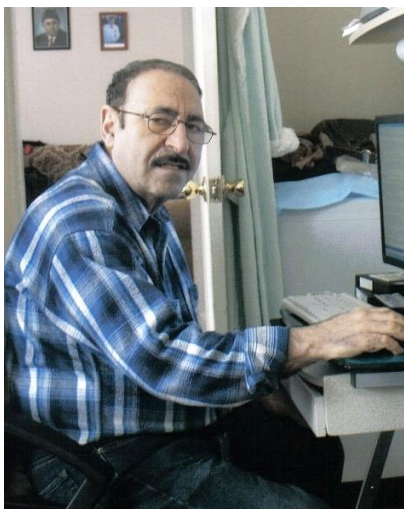
Эмануил, Бинэмизив Авшалумов, Талхум Агабабаев, г. Куба, 1950 год.

Супруги – Рая и Володя Агабабаевы. Начало 60 годов.

Мать автора – Мэлыкэ-Шаво с внуком Эриком 1964 год.

Братья Иосиф и Володя Агабабаевы.

Вове Агабабаеву 5 лет, город Куба, 1939 год.

Супруги – Рая и Владимир сыном Эриком. 1965 год. Владимир

Агабабаев на службе, 1950 – 60-е годы.

Ихиш Садыков обучает внуков игре в шэш-и-пэш.

Рая, Ирмиё и Беник.

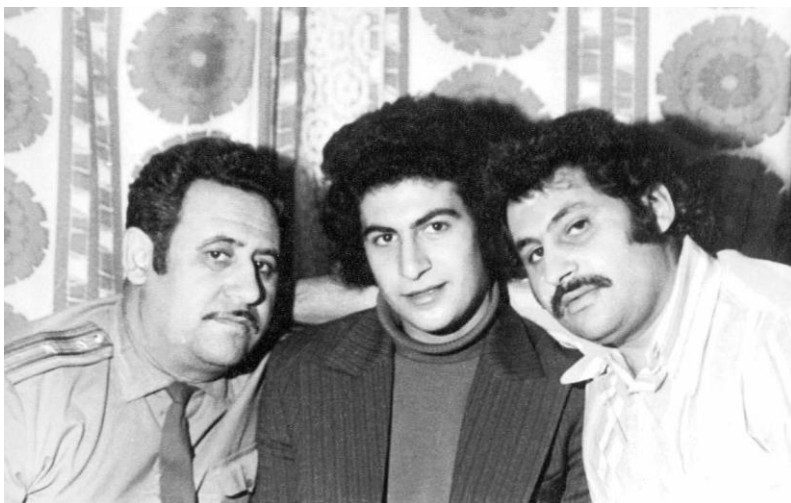
Мэлькэ-Шаво с Билхо бабушкой автора в Махачкале 1961 год.

*Сидят: Юра, и Владимир Агабабаевы, Шальму, Лазарь Агабабаев.
Стоят: Яша Шамшилов, ..., Рауф и Уриль Агабабаевы.*

Сидят: Мэлыкэ-Шаво, дедушка Ихил и дядя Амай (с маминой стороны). Стоят: Владимир и Соломон Агабабаевы.

Владимир, Эрвин-Эрик и Соломон Агабабаевы.

:
Мэлькэ-Шаво с сыновьями Соломоном и Иосифом. 1962 год.

*Эльвира с супругом и детьми.
Миша сын Вали с супругой и детьми.*

Валентина Агабабаева 1940-1970.

Мэлыкэ-Шаво и доктор Рива Ханукаева. Мэлыкэ-Шаво.

Брат и сестра – Владимир и Валентина Агабабаевы. 1956 год.

*Агабабаева Валечка.
Сидят: Вова, бабушка
Пурим и тётя Соня.
Стоят: мама и тётя
Роза. 1937 год.*

*На переднем фоне: Рамбом, Ээрю, Сейлюм; сидят слева:
Донкэ кук Тальхум, Томоти.*

Семья Владимира-Атннэля и Эрвина Агабабаевых.

Рита, Люда и бабушка Динор.

Заур сын Валентины.

Внуки Володи и Раи: Эстелла Раечка, и Вовочка.

ФОТОАРХИВ

Фрагмент дома Нуваха Агабабаева.

Фрагмент дома Ихшила Агабабаева.

Фрагмент дома Асафа Огоббо, построенного в начале 20-го века.

Фото - август 2013 год.

Шестикупольная синагога (Шэигомборэи нимаз) горских евреев 1725 года в Красной Слободе.

*Эмануила – Тукуй Эмонил. Город Куба - Галэ, 1949 год.
В этом здании был магазин культтоваров, заведовал Эмануил Агабабаев. 2013 г.*

Ихил Огоббо – 1862-10.04.1938 г.

Пурим в молодости 2-ая жена Ихшила. Пурим (1892-1968).

Супруги Агабабаевы – Ихиш (1862-1938), Пурим (1898-1968).

Супруги Агабабаевы – Асаф – 1866-1933, Хивит – 1868-1947 г.

Супруги Агабабаевы – Нувах – 1860-1924, Овгоил – 1864-1930 г.

*Мать братьев Асафа, Ихшила, Нуваха Агабабаевых –
Гюзель-Мэмэй супруга Огоббо.*

Куба. Азербайджан, 3 января 1911 г.

Рашибиль бэн Сара, внук Шомоля

Асаф Огоббо 1866–1933 год.

Супруги Асаф и Хивит с дочерьми Назхонум и Томоти.

Куба, 1922-23 г. Дети: Эмонил и Соня Агабабаевы.

Дети рода Агабабаевых 19....год. Первый ряд: 1.Милько, 2.Томоти, 3.Ярухом, 5.Шимту, 6..., 7.Хагило, второй ряд стоят: 1.Яфо-Ихиш, 2..Назханум; ???в центре сидит малышка.

*Монолитность рода традиционна - дружба начиналась с детства.
1949 г. Красная Слобода. Свадьба Ифраима правнука Огоббо-Мэмэй.*

Верхний ряд: Агабабаевы Ифраим и Год. Нижний ряд: Рахиль, Батсион, Милько, Хаво, Манашир.

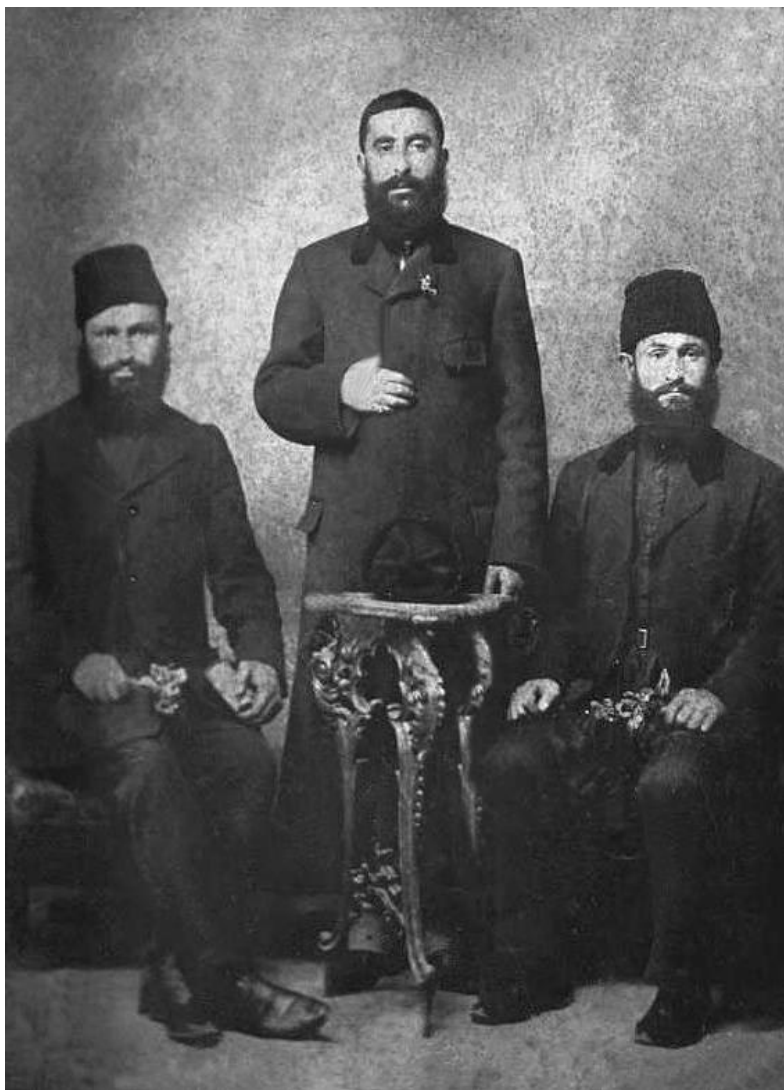
Асаф Агабабаев (бэбэ Эсэф).

В центре Шимту Огоббо. 1940 г.

*Горско-еврейская знать из Еврейской (Красной) Слободы г. Кубы
 1. Сидят слева на право: Ханука (Бирор) Данил Овроом, 2. Асаф
 Огоббо, 3. Севи Мардахай Овроом; 4. Стоят Бирор Йовдо Агарун
 (Эһэрун), 5. ...дедушка Бэбэхая. Начало 20 в.*

*Горско-еврейская знать из Еврейской (Красной) Слободы г. Кубы.
Стоит – Асаф Огоббо; сидят его друзья. Начало 20 в.*

Гэгэй дочь Довро 1910 г. с детьми. Гэгэй-Батзоов в 1917 году.

*На фото Агабабаевы: слева направо – Милько, Турунж бат
Ихишл, Тури Шамашлова.*

Турундж бат Ихил, в центре Яхити бат Асаф.

Шушана Бат Нувах Хаимова.

Духовному и материальному развитию горских евреев города Баку и Красной Слободы способствовал полный миньян мужчин из общины горских евреев. Сидят: слева направо – 1. - ? 2. Зарбаил бен Ифрэм Шальмиев (учитель Лэнгэ-Зарбоиль), 3. Пардил Пардилов; 4. Илиизир Нахум? 5. - ? Стоят: 1. Натан Бен Йовдо Евдаев. 2. Изро бен Мэтэтийо Рахамимов; 3. - ? 4. - ? 5.- ? г.Баку 1925-26 г.

Дети Уриля и Динор Агабабаевых – Лиза, Сара, Юра.

